

Гвиго II
Картузианец

Сочинения

Гвиго II
Картузианец

Сочинения

Научный совет издания:

Николай Мухелишвили — председатель
Анатолий Ахутин
Галина Вдовина
Андрей Коваль
Рене Маришаль, SJ
Николай Селезнев
Дмитрий Спивак
Сергей Хоружий
Николай Шабуров

Гвиго II Картузианец

Сочинения. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. — 168 с.

Guigues II le Chartreux

Lettre sur la vie contemplative (L'Échelle des moines). Douze méditations (XII Meditationes). (Sources Chrétiennes, № 163). Paris, Les Éditions du Cerf, 1970.

В настоящем издании публикуются два трактата Гвиго Второго Картузианца (Guigo II Cartusiensis, ум. ок. 1188 г.), посвящённые духовной практике, известной в традиции Западной Церкви как «божественное чтение» (lectio divina). Эти сочинения озаглавлены так: «Лестница затворников, или Письмо о жизни созерцательной» (*Scala claustralium, seu Epistola de vita contemplativa*) и «Двенадцать размышлений» (*XII Meditationes*). Впервые издаются русские переводы трактатов Гвиго II с параллельным латинским оригиналом, примечаниями и статьёй переводчика. Издание предназначено для всех, кто интересуется духовной практикой в целом и, в частности, традицией духовных упражнений Западной Церкви.

Перевод с лат. и статья Андрея Ковалёва

© Les Éditions du Cerf, 1970 — латинский текст

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011

ISBN 978-5-94242-061-1

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лествица затворников Scala Claustralium.....	5
Двенадцать размышлений XII Meditationes	49
<i>Андрей Коваль</i> . Вольница аллегоризма и логическая воля: два полюса мышления Гвиго Второго Картузианца?	113
Библиография	160
Summary.....	164

ЛЕСТВИЦА ЗАТВОРНИКОВ
SCALA CLAUSTRALIUM

Настоящий перевод выполнен с латинского оригинала по критическому изданию Эдмунда Колледжа (OSA) и Джеймса Уолша (SJ)¹. Принимался во внимание также английский перевод Эдмунда Колледжа (OSA) и Джеймса Уолша (SJ)².

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Вульг: перевод по Вульгате

л. (рус. пер.) и f (лат. текст): лист

«Син»: точная цитата по «Синодальному» переводу Библии

СПИСОК УЧТЁННЫХ РУКОПИСЕЙ

Ан: Анже, Муниципальная библиотека 401 (388), XIV в.

Дл: Дармштадт 792

Ду: Дублин, Тринити-колледж 216 (В. 5. 5), конец XV в.

Мл: Мельское аббатство 121 (В. 41), XV в.

Р¹: Париж, Национальная библиотека, Latin 15952, XIII в.

Р^А2: Париж, Национальная библиотека, 15988, XIII в.

РР: Прага, Университетская библиотека, VI. А. 19 (1031), XIV или XV в.

Ут: Утрехт, Университетская библиотека 240, конец XV в.

Вл: Ватиканская библиотека, Барберини Latin 519

---

¹ *Guigues II le Chartreux. Lettre sur la Vie Contemplative (L'échelle des moines). Introduction et texte critique par Edmund Colledge (OSA), et James Walsh (SJ). Traduction française par «Un Chartreux». // Sources Chrétiennes, № 163 (Série de textes Monastiques d'Occident, n° 19). Paris, Les Éditions du Cerf, 1970, pp. 80–123.*

² *Letter on Interior Life, or Scala Paradisi. // The Way, № 5 (October 1965), pp. 333–342.*

I. Epistola domini Guigonis Carthusiensis ad fratrem
Gervasium de vita contemplativa

/f. 1r/ Dilecto suo fratri Gervasio frater Guigo: delectari in Domino. Amare te frater ex debito teneor, quia prior amare me incepisti; et rescribere tibi compellor, quia litteris tuis ad scribendum me prius invitasti. Quaedam ergo quae de spiritali exercitio claustralium excogitaveram tibi transmittere proposui, ut tu qui talia experiendo melius quam ego tractando didicisti mearum iudex sis cogitationum et corrector. Et merito haec nostri laboris initia tibi primitus offero ut novellae plantationis primitivos fructus colligas, quam de servitute Pharaonis et delicata solitudine laudabili furto surripiens in ordinata castrorum acie collocasti, ramum de oleastro artificiose incisum prudenter inserens in oliva.

I. Послание господина Гвиго Картузианца брату
Гервазию, о жизни созерцательной

/л. 1г/ Возлюбленному брату своему Гервазию — брат Гвиго:
<желаю> радоваться во Господе.

Любить тебя, брат, я обязан по долгу, ибо ты первым начал любить меня; и не написать тебе в ответ я не могу, ибо ты первым пригласил меня к этому своим письмом. Посему задумал я передать тебе некоторые пришедшие мне мысли о духовном упражнении затворников, дабы ты, изучивший сие на опыте лучше, нежели я — в рассуждениях, был судьёю и исправителем моих раздумий. Тебе первому по праву преподношу я эти начала нашего труда, дабы ты собрал первые плоды молодой посадки [ср. Пс 143, 12], которую, достохвально похитив из рабства у Фараона [ср. Исх 13, 14] и из любезного уединения, поместил ты в стройный боевой порядок [ср. Песн 6, 10], искусно привив к оливе ветвь, умело отсечённую от дикой маслины [ср. Рим 11, 17. 24].

II. De quatuor gradibus

Cum die quadam corporali manuum labore occupatus de spiritali hominis exercitio cogitare coepissem, quatuor spirituales gradus animo cogitanti se subito obtulerunt, lectio scilicet, meditatio, oratio, contemplatio.

Haec est scala claustralium qua de terra in coelum sublevantur, gradibus quidem distincta paucis, immensae tamen et incredibilis magnitudinis, cujus extrema pars terrae innixa est, superior vero nubes penetrat et coelorum secreta rimatur. Hi gradus sicut nominibus et numero sunt diversi, ita ordine et merito sunt distincti; quorum proprietates et officia, quid singuli circa nos efficiant, quomodo inter se differant et praeemineant, si quis diligenter inspiciat, quidquid laboris et studii impenderit in eis breve reputabit et facile prae utilitatis et dulcedinis magnitudine.

Est autem lectio sedula scripturarum cum animi intentione inspectio. Meditatio est studiosa mentis actio, occultae veritatis notitiam ductu propriae rationis investigans. Oratio est devota cordis in Deum intentio pro malis removendis /f. 1v/ vel bonis adipiscendis. Contemplatio est mentis in Deum suspensae quaedam supra se elevatio, aeternae dulcedinis gaudia degustans.

Assignatis ergo quatuor graduum descriptionibus, restat ut eorum circa nos officia videamus.

II. О четырёх ступенях

Когда однажды, занятый телесным ручным трудом, начал я раздумывать о духовном упражнении человека, тут же предстали размышляющему духу <моему> четыре духовные ступени, то есть: чтение (lectio), размышление (meditatio), молитва (oratio) и созерцание (contemplatio).

Такова лестница затворников, по коей поднимаются с земли на небо. Ступеней на ней немного, но высота её громадна и невероятна: нижняя часть её упирается в землю, а верхняя пронизывает облака и разведывает сокровенные области неба [ср. Быт 28, 12]. Эти ступени столь же несхожи между собою названиями и числом, сколь отличны они друг от друга своим порядком и значительностью. Если кто-либо старательно рассмотрит их свойства и то, какое воздействие оказывает на нас каждая из них, чем отличаются они друг от друга и как возвышаются одна над другой — сколько бы труда при этом ни было затрачено, дело сие сочтено будет кратким и лёгким [ср. Быт 29, 20] из-за великой <от того> пользы и сладости.

Чтение — это прилежное изучение Писаний с устремлением духа. Размышление — усердное действие ума, исследующее понятие скрытой истины под водительством собственного рассудка. Молитва — благочестивое устремление сердца к Богу ради устранения дурного /л. 1v/ или обретения блага. Созерцание — некое возвышение ума, воспарившего к Богу, над самим собою, вкушающее радости вечной сладости.

По завершении описания этих четырёх ступеней остаётся нам рассмотреть их воздействие на нас.

III. Quae sunt officia praedictorum graduum

Beatae vitae dulcedinem lectio inquirat, meditatio inveniat, oratio postulat, contemplatio degustat. Lectio quasi solidum cibum ori apponit, meditatio masticat et frangit, oratio saporem acquirit, contemplatio est ipsa dulcedo quae jocundat et reficit. Lectio in cortice, meditatio in adipe, oratio in desiderii postulatione, contemplatio in adeptae dulcedinis delectatione. Quod ut expressius videri possit, unum de multis supponamus exemplum.

III. Каково воздействие, оказываемое вышеуказанными четырьмя ступенями

Чтение взыскует сладость блаженной жизни, размышление её находит, молитва её испрашивает, а созерцание — вкушает¹. Чтение как бы целиком вкладывает в уста пищу, размышление разжёвывает её и размалывает, молитва — обретает вкус, а созерцание — это сама сладость, веселящая и подкрепляющая. Чтение — в кожице, размышление — в мякоти, молитва — в испрашивании желанного, созерцание — в услаждении обрётённой сладостью. Чтобы это стало видно яснее, приведём один из многих примеров.

IV. Officium lectionis

In lectione audio: *Beati mundo corde, quoniam ipsi Deum videbunt.* Ecce breve verbum sed suavi et multiplici sensu refertum ad pastum animae, quasi uvam ministravit, quod postquam anima diligenter inspexit, dicit intra se: «Potest hic aliquid boni esse, redibo ad cor meum et tentabo si forte intelligere et invenire potero munditiam hanc: pretiosa enim et desiderabilis est res ista, cujus possessores beati dicuntur, cui visio Dei quae est vita aeterna promittitur, quae tot sacrae scripturae testimoniis collaudatur». Hoc ergo sibi plenius explicare desiderans, incipit hanc uvam masticare et frangere, eamque quasi in torculari ponit, dum excitat rationem ad inquirendum quid sit et quomodo haberi possit haec adeo pretiosa munditia.

IV. Воздействие чтения

В чтении слышу: *«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* [Мф 5, 8, «Син»]. Вот слово краткое, но исполненное смысла сладостного и многообразного; дабы питать душу, оно будто бы попотчевало² <её> виноградиной. Затем душа, тщательно рассмотрев его, говорит сама себе: «Здесь может быть нечто благое. Обращусь-ка я к сердцу своему и попробую: а вдруг сумею постичь и отыскать сию чистоту, коей обладатели зовутся блаженными, коей обещано видение Бога, то есть жизнь вечная, каковая восхваляется столь многими свидетельствами Священного Писания». Посему, желая лучше разъяснить для себя это, <душа> начинает разжёвывать и размалывать сию виноградину и как бы помещает её в давилню, в то же время побуждая ум к исследованию того, что такое эта столь драгоценная чистота и как её можно обрести.

V. Officium meditationis

Accedens ergo sedula meditatio non remanet extra, non haeret in superficie, altius pedem figit, interiora penetrat, singula rimatur. Attente considerat quod non dixit: *Beati mundo corpore*, sed *mundo corde*; quoniam non sufficit habere manus innoxias a malo opere, nisi a pravis cogitationibus mundemur in mente; /f. 2r/ quod auctoritate propheta confirmat dicens: *Quis ascendet in montem Domini, aut quis stabit in loco sancto ejus? Innocens manibus et mundo corde*. Item considerat quantum hanc cordis munditiam optat idem propheta sic orans: *Cor mundum crea in me, Deus*, et iterum: *Iniquitatem si aspexi in corde meo, non exaudiet Dominus*. Cogitat quantum sollicitus erat in hac custodia beatus Job, qui dicebat: *Pepigi foedus cum oculis meis ut non cogitarem de virgine*. Ecce quantum artabat se vir sanctus qui claudebat oculos suos ne videret vanitatem, et forte incautus respiceret quod postea invitus desideraret.

Postquam haec et hujusmodi de cordis munditia pertractavit, incipit cogitare de praemio, quam gloriosum et delectabile esset videre faciem Domini desideratam, *speciosam forma prae filiis hominum*, non jam abjectum et vilem, et non habentem speciem qua vestivit eum mater sua, sed stola immortalitatis indutum et coronatum diademate quo coronavit eum pater suus in die resurrectionis et gloriae, die *quam fecit Dominus*. Cogitat quod in ista visione erit satietyas illa de qua dicit propheta: *Satiabor cum apparuerit gloria tua*.

Vides quantum liquoris emanavit ex minima uva, quantus ignis ex scintilla ortus est, quantum haec modica massa: *Beati mundo corde, quoniam ipsi Deum videbunt*, in incude meditationis extensa est? Sed quantum adhuc posset extendi, si accederet aliquis expertus? Sentio enim quod *puteus altus est*, sed ego adhuc rudis tyro in quo pauca haurirem vix inveni.

His anima facibus inflammata, his incitata desideriis, fracto alabastro suavitatem unguenti praesentire incipit nondum gustu sed quasi narium odoratu; et ex hoc colligit quam suave esset hujus munditiae sentire experientiam, cujus meditationem novit adeo esse jocundam. Sed quid faciet? Habendi desiderio aestuat, sed non invenit apud se quomodo habere possit; et quanto plus inquit, plus sitit. Dum apponit meditationem, apponit et dolorem, quia non sentit

V. Воздействие размышления

Итак, начинается прилежное размышление. Оно не остаётся во-вне, не задерживается на поверхности; оно погружается глубже, проникает во внутреннее, рассматривает всё подробно. Внимательно раздумывает оно о том, что <Господь> говорит не «Блаженны чистые телом», но «чистые сердцем», ибо недостаточно хранить руки не виноватыми в дурном деле [ср. Быт 37, 22], если мы не очистимся в душе (mente) от дурных помыслов. /л. 2г/ Это подтверждает своим авторитетом пророк, говоря: «*Кто взойдёт на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто*»³ [Пс 23, 3–4, «Син»]. Равным образом раздумывает⁴ <оно> о том, сколь сильно желает сей чистоты сердца тот же пророк⁵, молясь так: «*Сердце чистое сотвори во мне, Боже!*» [Пс 50, 12, «Син»], и опять же: «Если я увидел беззаконие в сердце моём, не выслушает меня Господь» [Пс 65, 18, Вульг]. Раздумывает⁶ <оно> о том, сколь старательно остерегался этого блаженный Иов, говоривший: «*Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице*» [Иов 31, 1, «Син»]. Вот как строго удерживался святой муж, смежавший очи свои, дабы не видеть суеты [ср. Пс 118, 37] и ненароком, по неосторожности, не взглянуть на то, чего впоследствии невольно возжелает.

Разобрав эти и подобные им <соображения> о чистоте сердца, <размышление> начинает раздумывать о награде: сколь славно и усладительно видеть желанный лик Господа, <который> «*прекраснее сынов человеческих*» [Пс 44, 3, «Син»] — уже не презренного и невзрачного [ср. Ис 53, 2] и не в том виде, в который облечла его мать, но облачённого в одеяние бессмертия [ср. Сир 6, 32] и увенчанного короной, которую возложил на него Отец его в день воскресения и славы [ср. Песн 3, 11], в день, который «*сотворил Господь*» [Пс 117, 24, «Син»]. Оно (т. е. размышление) раздумывает⁷, что это видение принесёт насыщение, о коем говорит пророк: «Буду сыт, когда явится слава Твоя» [Пс 16, 15, Вульг].

Видишь, как много сока вышло из малой ягодки, какой сильный огонь вспыхнул из искорки, как расплющился на наковальне размышления этот слиточек: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»? [Мф 5, 8, «Син»] А как он мог бы ещё расплющиться, если бы за дело взялся какой-нибудь умелец! Ибо чувствую, что «*колодезь глубок*» [Ин 4, 11, «Син»], а я пока что неучёный новичок и едва нашёл, чем зачерпнуть немного.

/ f. 2v/ dulcedinem quam in cordis munditia meditatio esse monstrat, sed non praestat.

Non enim est legentis neque meditantis hanc sentire dulcedinem, *nisi datum fuerit desuper*. Legere enim et meditari tam bonis quam malis commune est; et ipsi philosophi gentium, in quo summa veri boni consisteret, invenerunt ductu rationis. Sed *quia cum Deum cognovissent, non sicut Deum glorificaverunt*, et de suis viribus praesumentes dicebant: *Linguam nostram magnificabimus, labia nostra a nobis sunt*, non meruerunt percipere quod poterant videre. *Evanuerunt in cogitationibus suis et eorum sapientia devorata est*, quam eis contulerat humanae studium disciplinae, non Spiritus sapientiae qui solus dat sapientiam veram, sapidam scilicet scientiam quae animam cui inest inaestimabili sapore jocundat et reficit; et de illa dictum est: *Sapientia non intrabit in malevolam animam*. Haec autem a solo Deo est: et sicut officium baptizandi Dominus concessit multis, potestatem vero et auctoritatem in baptismo remittendi peccata sibi soli retinuit, unde Johannes antonomasice et discretive dixit: *Hic est qui baptizat*, ita et de eo possumus dicere: Hic est qui sapientiae saporem dat et sapidam animae facit scientiam. Sermo datur cunctis, animi sapientia paucis, quam distribuit Dominus cui vult et quando vult.

Воспламенённая этими факелами, побуждаемая этими желаниями, душа начинает предчувствовать сладость благовония, когда разбит алабастровый сосуд [ср. Мк 14, 3; Ин 12, 3] — ещё не вкусом, но как бы обонянием. И благодаря этому она понимает, сколь сладостно было бы испытать чувство этой чистоты, в размышлении о коей она познала такое веселие. Но что же ей делать? Она пылает желанием обладать, но не находит в себе никакого способа достичь обладания; и чем больше она ищет, тем больше жаждет. Предаваясь размышлению, она предаётся и печали [ср. Эккл 1, 18], ибо не чувствует той сладости /л. 2v/, которая, как указывает размышление, содержится в чистоте сердца — но вкусить её <размышление> не даёт.

Ведь ни читающему, ни размышляющему не вкусить сей сладости, если не будет ему дано свыше [ср. Ин 19, 11]. Ибо читать и размышлять могут как добродетельные, так и порочные; и даже языческие философы под водительством разума нашли, в чём состоит суть истинного блага. Но «они, познав Бога, не прославили Его как Бога» [Рим 1, 21, «Син»] и, самонадеянно полагаясь на собственные силы, говорили: «Язык наш мы возвеличим, губы наши при нас» [Пс 11, 5, Вульг] — и не удостоились воспринять то, что сумели увидеть. Они «осутились в умствованиях своих» [Рим 1, 21, «Син»], и «расточилась вся их мудрость» [Пс 106, 27, Вульг], которую принесли им занятия человеческими науками, а не Дух мудрости, Который один только даёт истинную мудрость (*sapientiam*), то есть лакомое (*sapidam*) знание, веселящее и освежающее душу, в коей оно содержится, неоценимым вкусом (*saporem*). И о ней сказано: «Мудрость не войдёт в злокозненную душу» [Прем 1, 4, Вульг]. А она — от одного лишь Бога; и, как служение крещения Господь доверил многим, а власть и полномочие отпускать в крещении грехи удержал за одним Собою (отсюда Иоанн назвал Его по этому свойству [*antonomasice*] и сказал, уточняя [*discretive*]: «Это Он — крестящий» [Ин 1, 33, Вульг]), так же мы можем сказать о Нём: это Он придаёт вкус (*sapor*) мудрости (*sapientiae*) и делает лакомым (*sapidam*) знание души. Речь дана всем, а мудрость души — немногим, ибо Господь уделяет её, кому пожелает и когда пожелает [ср. 1 Кор 12, 11].

VI. Officium orationis

Videns ergo anima quod ad desideratam cognitionis et experientiae dulcedinem per se non possit attingere, et quanto magis *ad cor altum accedit* tanto magis *exaltatur Deus*, humiliat se, confugit ad orationem dicens: Domine qui non videris nisi a mundis cordibus, investigo legendo, meditando quae sit et quomodo haberi possit vera cordis munditia, ut ea mediante vel modica parte possim te cognoscere. Quaerebam vultum tuum, Domine, vultum tuum, Domine, quaerebam, diu meditata sum in corde meo, et in meditatione mea excrevit ignis et desiderium amplius cognoscendi te. Dum panem sacrae scripturae mihi frangis, in fractione panis mihi cognitus es, et quantum plus te cognosco, tantum plus te cognoscere desidero, /f. 3r/ non jam in cortice litterae sed in sensu experientiae. Nec hoc peto, Domine, propter merita mea, sed pro tua misericordia. Fateor enim quia indigna peccatrix sum; sed *et catelli edunt de micis quae cadunt de mensa dominorum suorum*. Da mihi ergo, Domine, arrham hereditatis futurae, saltem guttam coelestis pluviae qua refrigerem sitim meam, quia amore ardeo.

VI. Воздействие молитвы

Посему душа, видя, что желанной сладости познания и опыта сама она достичь не может и, чем сильнее устремляется она в «глубину сердца» [Пс 63, 7, «Син»], тем более возвеличивается Бог⁸ [ср. Пс 63, 8, Вульг], смиряется и прибегает к молитве, говоря: «Господи, не видимый никому, кроме чистых сердцем! Вот я, читая и размышляя, исследую, какова истинная чистота сердца и как её можно обрести, дабы её посредством я могла бы хоть немного Тебя познать. Искала я лик Твой, Господи, лик Твой, Господи, искала я [ср. Пс 26, 8], долго размышляла я в сердце своём [ср. Пс 76, 7], и в размышлении моём вспыхнул⁹ огонь [ср. Пс 38, 4] и желание полнее познать Тебя. Когда Ты преломляешь для меня хлеб Священного Писания [ср. Лк 24, 30–31], я познаю Тебя в преломлении хлеба [ср. Лк 24, 35] и, чем больше Тебя узнаю, тем сильнее желаю знать Тебя: /л. 3г/ уже не в оболочке буквы, но в чувстве, по опыту. Прошу об этом, Господи, не ради заслуг моих, но по милосердию Твоему. Ибо признаюсь, что я недостойная грешница¹⁰; *«но и псы едят крохи, которые падают со стола их господ»* [Мф 15, 27, «Син»]. Так дай же мне, Господи, залог будущего наследия, хотя бы каплю небесного дождя, дабы освежить меня, жаждущую [ср. Лк 16, 24], ибо я пылаю любовью»¹¹ [ср. Песн 2, 5].

VII. Effectus contemplationis

His et hujusmodi ignitis eloquiis, suum inflamat desiderium, sic ostendit suum effectum, his incantationibus advocat sponsum suum. Dominus autem, cujus oculi super justos et aures ejus non solum ad preces sed in ipsas preces eorum, non expectat donec sermonem finierit, sed medium orationis cursum interrumpens, festinus se ingerit et animae desideranti festinus occurrit coelestis rore dulcedinis perfusus, unguentis optimis delibutus; animam fatigatam recreat, esurientem reficit, aridam impinguat, facit eam terrenorum oblivisci, immemorem sui mirabiliter mortificando vivificans et inebriando sobriam reddens. Et sicut in quibusdam carnalibus officiis anima adeo vincitur carnali concupiscentia quod omnem usum rationis amittit et fit homo quasi totus carnalis, ita e converso in hac superna contemplatione ita superantur et absorbentur carnales motus ab anima ut in nullo caro spiritui contradicat, et fit homo quasi totus spiritualis.

VII. Воздействие¹² созерцания

Вот этими и подобными огненными речами воспламеняет она своё желание, так выказывает своё состояние, такими заклинаниями призывает Жениха своего. Господь же, очи Которого обращены на праведников, а уши не только слышат их мольбы (*preces*) [ср. Пс 33, 16; 1 Петр 3, 12], но и вникают в их мольбы (*preces*)¹³, не дожидается, покуда она закончит речь¹⁴, но прерывает её на середине. Поспешно (*festinus*) устремляется Он и спешит (*festinus*)¹⁵ на помощь душе, охваченной желанием, окроплённый росой небесной сладости¹⁶, умащённый наилучшими благоговениями. Утомлённую душу он подкрепляет, алчущую насыщает, иссушённую напояет, о земном забыть заставляет и её, саму себя не помнящую, дивным образом умерщвляя — оживляет и опьяняя — отрезвляет. И как в некоторых плотских делах душу настолько побеждает¹⁷ плотское вожделение, что она утрачивает всякий разум, и становится человек как бы целиком плотским, — так, наоборот, в этом вышнем созерцании плотские порывы настолько преодолеваются и поглощаются душой, что плоть ни в чём не противоречит духу, и становится человек как бы целиком духовным.

VIII. Signa adventus gratiae

Sed o Domine, quomodo comperiemus quando haec facis, et quod signum adventus tui? Numquid hujus consolationis et laetitiae nuntii sunt et testes suspiria et lacrimae? Si ita est, nova est antiphrasis ista et significatio inusitata. Quae enim conventio consolationis ad suspiria, laetitiae ad lacrimas, si tamen istae dicendae sunt lacrimae, et non potius roris interioris desuper infusi supereffluens abundantia ad interioris ablutionis indicium, exterioris hominis /f. 3v/ purgamentum; ut sicut in baptismo parvulorum per exteriorem ablutionem figuratur et signatur interioris hominis ablutio, ita hic econverso ex interiori ablutione exterior procedat purgatio. O felices lacrimae per quas interiores maculae purgantur, per quas peccatorum incendia exstinguuntur! *Beati qui sic lugetis, quia ridebitis*. In his lacrimis cognosce, anima, sponsum tuum, amplectere desideratum, nunc torrente voluptatis te inebria, suge ab ubere consolationis mel et lac. Haec sunt miranda munuscula et solatia quae detulit et contulit tibi sponsus tuus, gemitus scilicet et lacrimae. Attulit tibi potum in his lacrimis in mensura. Hae lacrimae sint tibi panes die ac nocte, panes itaque confirmantes cor hominis, et dulciores super mel et favum. O Domine Jesu, si adeo dulces sunt istae lacrimae quae ex memoria et desiderio tui excitantur, quam dulce erit gaudium quod manifesta tui visione capietur? Si adeo dulce est flere pro te, quam dulce erit gaudere de te?

Sed quid hujusmodi secreta colloquia proferimus in publicum? Cur inenarrabiles affectus verbis communibus conamur exprimere? Inexperti talia non intelligent, quia ea expressius legerent in libro experientiae, ubi ipsa docet unctio. Aliter autem littera exterior non prodest quidquam legenti: modicum sapida est lectio exterioris litterae, nisi glossa interiorem sensum sumat ex corde.

VIII. Знаки пришествия благодати

Но, Господи, как же мы узнаём, когда Ты это делаешь¹⁸, и каков знак пришествия Твоего? [ср. Мф 24, 3] Может быть, вестники и свидетели этого утешения и этой радости — слёзы и воздыхания? Если так — это новое употребление (antiphrasis) слова <«утешение»> и непривычное его значение. Ибо какова связь утешения с воздыханиями, веселия — со слезами? Но нужно ли называть их слезами? Может, это скорее преизбыточествующее изобилие внутренней росы¹⁹, излившейся свыше как указание на внутреннее омовение, внешнего человека /л. 3v/ очищение? Как при крещении младенцев посредством внешнего омовения изображается и обозначается²⁰ омовение человека²¹ внутреннего, так и наоборот: из внутреннего омовения произойдёт очищение внешнее. О блаженные слёзы, благодаря которым очищаются внутренние пятна, благодаря которым затухают пожары грехов! Блаженны вы, плачущие так, ибо засмеётесь [ср. Лк 6, 21; Мф 5, 4]. В этих слезах признай, душа, Жениха своего, обними желанного, опьяняйся теперь потоком наслаждения [ср. Пс 35, 9, Вульг], пей из сосцов утешения молоко и мёд! [ср. Ис 66, 11] Таковы дивные дары и утешения, которые принёс и доставил тебе Жених твой, то есть рыдания и слёзы. Эти слёзы — напиток, который он предложил тебе в полной мере [ср. Пс 79, 6]. Слёзы эти да будут тебе хлебом денно и ночью [ср. Пс 41, 4] — хлебом, *«который укрепляет сердце человека»*²² [Пс 103, 15, «Син»], *«слаще мёда и капель сота»* [Пс 18, 11, «Син»]. О Господи Иисусе, если столь сладостны эти слёзы, вызываемые памятованием о Тебе и желанием Тебя, сколь же сладостна будет радость, приносимая лицезрением Тебя воочию? Если столь сладостно плакать по Тебе, сколь же сладостно будет радоваться Тебе?

Но зачем же обнародуем мы эти сокровенные беседы? Почему эту неизреченную любовь пытаемся выразить расхожими словами? Неопытные этого не поймут, ибо они прочли бы это яснее в книге опыта, где учит само помазание²³ [ср. 1 Ин 2, 27]. Иначе же внешняя буква ничем не полезна читающему: мало вкуса в чтении внешней буквы, если нет разъяснения (glossa), извлекающего внутренний смысл из сердца.

IX. De gratiae occultatione

O anima, diu protraximus sermonem istum. Bonum enim erat nos hic esse et cum Petro et cum Johanne contemplari gloriam sponsi et diu manere cum illo, si vellet hic fieri non duo, non tria tabernacula, sed unum in quo simul essemus, simul delectaremur. Sed jam, dicit sponsus, *dimitte me, jam enim ascendit aurora*, jam lumen gratiae et visitationem quam desiderabas accepisti. Data ergo benedictione et mortificato nervo femorum et mutato nomine de Jacob in Israel, paulisper secedit sponsus diu desideratus, cito elapsus. Subtrahit se quantum /f. 4r/ ad praedictam visitationem, quantum ad contemplationis dulcedinem; manet tamen praesens quantum ad gubernationem, quantum ad gratiam, quantum ad unionem.

IX. О том, как скрывается благодать

О душа, надолго растянули мы эту речь. Хорошо ведь было нам находиться здесь и вместе с Петром и с Иоанном созерцать славу Жениха²⁴ и долго оставаться с Ним, если бы Он пожелал, чтобы было здесь не две и не три куши [ср. Мф 17, 4], а одна, в которой мы были бы вместе, вместе веселились бы. Но вот уже говорит Жених: «*Отпусти Меня, ибо возшла заря*» [Быт 32, 26, «Син»], ты уже получила свет благодати и то «посещение»²⁵, коего желала». Посему, дав благословение, повредив жилу на бёдрах²⁶ и сменив имя «Иаков» на «Израиль» [ср. Быт 32, 25–32], удаляется ненадолго Жених, столь давно желанный и столь быстро ушедший. Удаляется Он, если говорить /л. 4г/ о вышереченном «посещении», о сладости созерцания; однако Он остаётся присутствовать, если говорить о руководстве, о благодати, о единении.

X. Quomodo gratiae occultatio ad tempus nobis cooperetur in bonum

Sed ne timeas, o sponsa, ne desperes, ne existimes te contemni, si paulisper tibi subtrahit sponsus faciem suam. Omnia ista tibi cooperantur in bonum, et de accessu et de recessu lucrum acquiris. Tibi venit, tibi etiam recedit. Venit ad consolationem, recedit ad cautelam, ne magnitudo consolationis extollat te, ne si semper apud te sit sponsus, incipias contemnere sodales, et hanc consolationem non tamen gratiae attribuas sed naturae.

Haec autem gratia, quando vult et cui vult sponsus, attribuitur, non quasi jure haereditario possidetur. Vulgare proverbium est quod nimia familiaritas facit contemptum: recedit ergo ne forte nimis assiduus contemnatur, ut absens magis desideretur, desideratus avidius quaeratur, diu quaesitus tandem gratius inveniatur. Praeterea si nunquam deesset haec consolatio, quae respectu futurae gloriae quae revelabitur in nobis aenigmatica est et ex parte, forte putaremus nos hic habere civitatem manentem, et minus inquireremus futuram.

Ne ergo exsilium reputemus pro patria, arrham pro pretii summa, venit sponsus vicissim et recedit, nunc consolationem afferens, nunc universum stratum in infirmitate commutans. Paulisper permittit nos gustare quam suavis est, et antequam plene sentiatur se subtrahit; et ita quasi alis expansis super nos volitans provocat nos ad volandum, quasi dicat: Ecce parum gustastis quam suavis sum et dulcis, sed si vultis plene satiari hac dulcedine, currite post me in odore unguentorum meorum, habete sursum corda, ubi ego sum ad dexteram Dei patris. Ibi videbitis me non per speculum in aenigmate sed facie ad faciem et plene *gaudebit cor vestrum, et gaudium vestrum nemo tollet.*

Х. О том, как временное сокрытие благодати идёт нам на пользу

Но не бойся, невеста, не отчаивайся, не думай, что тебя презрели, если Жених ненадолго отвернёт от тебя лик свой. Всё это идёт тебе на пользу [ср. Рим 8, 28]: и из прихода, и из ухода извлечёшь ты выгоду. Ради тебя Он пришёл, ради тебя и ушёл. Пришёл Он для утешения, а ушёл из предосторожности: как бы в величии утешения²⁷ ты не превознеслась [ср. 2 Кор 12, 7], как бы ты, если Жених всегда будет с тобой, не начала презирать своих со товарищей и приписывать это утешение²⁸ уже не благодати, но природе.

А ведь благодать эта уделяется, когда пожелает Жених и кому пожелает; ею не владеют, будто по наследственному праву. Есть народная²⁹ пословица: «чрезмерная близость порождает презрение». Вот Он и уходит, дабы не навлечь на Себя презрение чрезмерной назойливостью, чтобы, отсутствуя, был Он желаннее, чтобы желанного настойчивее упрашивали и чтобы, наконец, долго упрашиваемый, принят Он был с тем большей благодарностью. Кроме того, если бы всегда было с нами это утешение, каковое *«в сравнении с тою славою, которая откроется в нас»* [Рим 8, 18, «Синь»] является лишь гадательным и частичным [ср. 1 Кор 13, 12], то мы могли бы счесть, что наш постоянный град — здесь, и с меньшим рвением искали бы будущего [ср. Евр 13, 14].

Посему, дабы не сочли мы изгнание родиной, а залог — полным вознаграждением, Жених то приходит, то уходит, то принося утешение, то преображая всё в ложе³⁰ болезни [ср. Пс 40, 4]. На краткий срок позволил Он нам вкусить, сколь Он сладостен [ср. Пс 33, 9, Вульг], — и, прежде чем мы почувствовали это вполне, удалился. И теперь Он, будто бы распахнув крылья, парит над нами и зовёт нас к полёту [ср. Втор 32, 11], словно говоря: «Ну вот, мало <ещё> вкусили вы, сколь Я приятен и сладостен! [ср. 1 Петр 2, 3, Вульг] Но если хотите полностью насытиться этой сладостью, бегите за Мною во благовонии умащений моих [ср. Песн 1, 3], обращайтесь сердца горё, где Я стою одесную Бога Отца [ср. Деян 7, 55]. Там увидите Меня [ср. Ин 16, 19] не в зеркале, не гадательно, а лицом к лицу [ср. 1 Кор 13, 12]³¹, и полностью *“возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас”*» [Ин 16, 22, «Синь»].

XI. Quam caute se debeat habere anima post gratiae visitationem

Sed cave tibi, o sponsa: quando absentat se sponsus, non longe abit; /f. 4v/ et si non videas eum, ipse tamen semper videt te. Plenus est oculis ante et retro, nusquam potes latere eum, habet etiam circa te nuntios suos spiritus quasi sagacissimos perlatores, ut videant quomodo absente sponso converseris, et accusent te coram ipso si aliqua signa lasciviae et scurrilitatis in teprehenderint. Zelotypus est sponsus iste: si forte alium amatorem receperis, si alii magis placere studueris, statim discedit a te et aliis adhaerebit adolescentulis. Delicatus est sponsus iste, nobilis est, dives est, *speciosus forma prae filiis hominum*, et ideo non nisi speciosam dignatur habere sponsam. Si viderit in te maculam, si rugam, statim avertit oculos suos. Nullas enim potest immunditias sustinere. Esto ergo casta, esto verecunda et humilis, ut sic a sponso tuo frequenter visitari merearis.

Timeo ne diutius te tenuerit sermo iste, sed ad hoc compulsi me materia fertilis pariter et dulcis quam ego non protrahebam spontaneus, sed ejus dulcedine trahebar invitus.

XI О том, как осторожно должна держаться душа после посещения благодати

Но берегись, невеста: когда нет с тобою Жениха, недалеко Он уходит; /л. 4v/ и, хоть ты его не видишь, Он-то тебя всегда видит. Тело Его полно глаз спереди и сзади [ср. Иез 1, 18], никогда не сумеешь ты от Него укрыться, ведь вокруг тебя — Его вестники, дүхи, прозорливейшие доносчики, чтобы смотреть за тем, как поведёшь ты себя в отсутствие Жениха, и обвинить тебя перед Ним, если заметят в тебе какие-нибудь признаки распушенности и развязности³². Ревнив Жених сей [ср. Исх 34, 14]: если вдруг примешь ты иного возлюбленного, если будешь стараться больше понравиться другому, тут же уйдёт Он от тебя и отдаст предпочтение другим девицам. Привередлив этот Жених, благороден, богат, он *«прекраснее сынов человеческих»* [Пс 44, 3, «Син»], и потому лишь красавицу удостоит Он быть Своей невестой. Если увидит Он в тебе пятно или порок [ср. Эфес 5, 27], тут же отведёт от тебя глаза Свои [ср. Ис 1, 15]. Ведь Он не может выдержать никакой нечистоты. Так будь же непорочна, стыдлива и смиренна, дабы удостоиться частых посещений своего Жениха.

Боюсь, как бы не задержала тебя эта речь слишком долго, но к тому побуждает меня предмет, столь же плодотворный, сколь и сладостный; не по своей воле я растянул его, но сам невольно был затянута его сладостию.

XII. Recapitulatio praedictorum

Ut ergo quae diffusius dicta sunt simul juncta melius videantur, praedictorum summam recapitulando colligamus. Sicut in praemissis praenotatum est exemplis, videre potes quomodo praedicti gradus sibi invicem cohaereant; et sicut temporaliter, ita et causaliter se praecedant.

Lectio enim quasi fundamentum prima occurrit, et data materia mittit nos ad meditationem. Meditatio quid appetendum sit diligentius inquit, et quasi effodiens thesaurum invenit et ostendit; sed cum per se obtinere non valeat, mittit nos ad orationem. Oratio se totis viribus ad Deum erigens, impetrat thesaurum desiderabilem, contemplationis suavitatem. Haec adveniens praedictorum trium laborem remunerat, dum coelestis rore dulcedinis animam sitientem inebriat. Lectio est secundum exterius exercitium, meditatio secundum interiorem intellectum, oratio secundum desiderium, contemplatio supra omnem sensum. Primus gradus est incipientium, secundus proficientium, tertius /f. 5r/ devotorum, quartus beatorum.

ХII. Краткое изложение вышесказанного

То, что было сказано пространно, будет лучше обозримо, если собрать всё это воедино; посему дадим краткое изложение главного из вышесказанного. Как отмечалось в приведённых выше примерах, ты можешь увидеть, каким образом вышеуказанные ступени связаны друг с другом и как они предшествуют друг другу: и во времени, и в смысле причины.

Ибо чтение, будучи как бы основанием, идёт первым и, дав нам предмет, отсылает нас к размышлению. Размышление более тщательно исследует, чего следует желать; оно как бы выкапывает³³ [ср. Притч 2, 4, Вульг], находит сокровище [ср. Мф 13, 44] и предъявляет его; но, поскольку само <размышление> не способно им завладеть, оно отсылает³⁴ нас к молитве. Молитва, изо всех сил устремляясь к Богу, испрашивает сокровище — сладость созерцания. А оно, придя, вознаграждает труды вышеуказанных трёх <ступеней>, опьяняя жаждущую душу росой небесной сладости³⁵. Чтение — упражнение во внешней области, размышление имеет дело со внутренним пониманием, молитва — с желанием, а созерцание — с тем, что выше всякого чувства. Первая ступень — для начинающих, вторая — для преуспевших, третья — для /л. 5г/ благоговейных, четвёртая — для блаженных.

XIII. Quomodo praedicti gradus concatenati sunt ad invicem

Hi autem gradus ita catenati sunt, et vicaria ope sibi invicem sic deserviunt quod praecedentes sine sequentibus parum aut nihil prosunt, sequentes sine praecedentibus aut nunquam aut raro haberi possunt. Quid enim prodest lectione continua tempus occupare, sanctorum gesta et scripta transcurrere, nisi ea masticando et ruminando succum eliciamus et transglutiendo usque ad cordis intima transmittamus, ut ex his consideremus diligenter statum nostrum et studeamus eorum opera agere quorum facta cupimus lectitare?

Sed quomodo hoc cogitabimus aut quomodo cavere poterimus, ne falsa aut inania quaedam meditando limites a sanctis patribus constitutos transcendamus, nisi prius circa huiusmodi aut ex lectione aut ex auditu fuerimus instructi? Auditus enim quodammodo pertinet ad lectionem: unde et solemus dicere non solum libros illos nos legisse quos nobis ipsis vel aliis legimus, sed et illos quos a magistris audivimus.

Item quid prodest homini si per meditationem quae agenda sunt videat, nisi orationis auxilio et Dei gratia ad ea obtinenda convalescat? *Omne* siquidem *datum optimum, et donum perfectum desursum est, descendens a patre luminum*, sine quo nihil possumus, sed ipse facit in nobis opera, non tamen omnino sine nobis. *Cooperatores enim Dei sumus*, sicut dicit apostolus. Vult siquidem Deus ut eum oremus, vult ut gratiae advenienti et pulsanti ad ostium aperiamus sinum voluntatis nostrae, et ei consentiamus.

Hunc consensum exigebat a Samaritana cum dicebat: *Voca virum tuum*; quasi diceret: Volo tibi infundere gratiam, tu applica liberum arbitrium. Orationem exigebat ab ea: *Tu si scires donum Dei et quis est qui dicit tibi: Da mihi bibere, forsitan petisses ab eo aquam vivam*. Hoc audito quasi ex Domini lectione, mulier erudita meditata est in corde suo bonum sibi fore et utile hanc aquam habere. Accensa ergo habendi desiderio convertit se ad orationem dicens: *Domine, da mihi hanc aquam ut non sitiam* amplius.

Ecce auditus verbi Domini et sequens super eo meditatio incitaverat eam ad orandum. Quomodo namque / f. 5v/ esset sollicita in postulando, nisi prius eam accendisset meditatio, aut quid ei

ХIII. Каким образом вышеуказанные ступени связаны друг с другом

Эти ступени связаны между собою и так услужают друг другу, одна другую взаимно замещая, что предшествующие без последующих либо мало полезны, либо вовсе бесполезны, а последующие без предшествующих либо вообще недостижимы, либо достижимы лишь изредка. Ибо что толку занимать время постоянным чтением, перелистывать деяния и писания святых, если мы, пережевав их и перемолов, не извлечём сок и, проглотив его, не отправим в самую глубину сердца, дабы, исходя из этого, тщательно рассмотреть наше состояние и постараться совершать дела³⁶ тех, чьи деяния мы желаем перечитывать?

Но как же станем мы об этом раздумывать и как сможем уберечься от того, чтобы, размышляя о чём-либо ложном или пустом, не передвинуть нам межи, проведённой святыми отцами [ср. Притч 22, 28], если прежде мы не получим наставления на сей счёт либо из чтения, либо из слушания? Ведь слух — некая разновидность чтения; потому мы обычно говорим, что прочли не только те книги, которые читали сами себе и другим, но и те, которые услышали от наставников.

И опять же³⁷: что пользы человеку, увидевшему благодаря размышлению, что́ нужно делать, если с помощью молитвы и по благодати Божией он не наберётся сил для того, чтобы этого достичь? Ведь *«всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов»* [Иак 1, 17, «Син»], без Коего мы ничего не можем³⁸; Он Сам вершит в нас дела — правда, не совсем без нашего участия. *«Ибо мы соработники у Бога»* [1 Кор 3, 9, «Син»], как говорит апостол. Ведь Бог желает, чтобы мы молились Ему; Он желает, чтобы мы раскрыли объятия³⁹ нашей воли для благодати, пришедшей и стучащей у дверей [ср. Откр 3, 20], и дали ей своё согласие.

Такого согласия требовал Он от самаритянки, говоря: *«Позови мужа твоего»* [Ин 4, 16, «Син»]. Он словно говорил: «Хочу излить на тебя благодать, а ты приложи свободную волю». Молитвы требовал Он от неё: *«Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую»* [Ин 4, 10, «Син»]. Услышав это, будто бы из чтения Господня⁴⁰, женщина, получившая такое наставление, размыслила в сердце своём, что хорошо и полезно будет ей обрести эту

SCALA CLAUSTRALIUM

praecedens meditatio contulisset nisi quae appetenda monstrabantur
sequens oratio impetrasset? Ad hoc ergo ut fructuosa sit meditatio,
oportet ut sequatur orationis devotio, cuius quasi effectus est
contemplationis dulcedo.

воду. Потому, воспламенённая желанием обретения, обращается она к молитве, говоря: «Господи! дай мне этой воды, чтобы мне больше не жаждать!»⁴¹ [ср. Ин 4, 15]

Вот как услышанное слово Господне и последовавшее за этим размышление побудило её к молитве. Как могла бы она /л. 5г/ быть настойчивой в просьбе, если бы прежде к ней не пришло размышление, и что дало бы ей предшествующее размышление⁴², если бы последующая молитва не испросила того, что предстало желанным? Потому, дабы размышление было плодотворным, нужно, чтобы за ним последовала благоговейная молитва, а сладость созерцания — это, можно сказать, итог молитвы.

XIV. Illatio ex praedictis

Ex his possumus colligere quod lectio sine meditatione est arida, meditatio sine lectione erronea, oratio sine meditatione tepida, meditatio sine oratione infructuosa: oratio cum devotione contemplationis acquisitiva, contemplationis adeptio sine oratione aut rara aut miraculosa.

Deus enim cuius potentiae non est terminus, et cuius misericordia super omnia opera ejus, quandoque de lapidibus suscitatur filios Abrahae, dum duros et nolentes acquiescere cogit ut velint, et ita quasi prodigus, ut vulgo dici solet, bovem cornu trahit, quando non vocatus se ingerit, quando non inquisitus se infundit.

Quod etsi quando aliquibus legimus contigisse, ut Paulo et quibusdam aliis, non tamen ideo debemus et nos quasi Deum tentando talia praesumere, sed facere quod ad nos pertinet, legere scilicet et meditari in lege Dei, orare ipsum ut adjuvet infirmitatem nostram et videat imperfectum nostrum, quod ipse docet nos facere dicens: *Petite et accipietis, quaerite et invenietis, pulsate et aperietur vobis*. Nunc enim *regnum coelorum vim patitur, et violenti rapiunt illud*.

Ecce praeassignatis distinctionibus perspicui possunt praedictorum graduum proprietates quomodo sibi cohaereant, et quid singuli in nobis efficiant. Beatus homo cuius animus a caeteris negotiis vacuus, in his quatuor gradibus semper versari desiderat, qui venditis universis quae habet emit agrum illum in quo latet thesaurus desiderabilis, scilicet vacare et videre quam suavis est Dominus. Qui in primo gradu exercitatus, in secundo circumspectus, in tertio devotus, in quarto supra se elevatus, per has ascensiones /f. 6r/ quas in corde suo disposuit ascendit de virtute in virtutem donec videat Deum deorum in Sion. Beatus cui in hoc supremo gradu vel modico tempore conceditur permanere, qui vere potest dicere: Ecce sentio gratiam Dei, ecce cum Petro et Johanne gloriam ejus in monte contemplor, ecce cum Jacob pulchrae Rachelis amplexibus delector.

Sed caveat sibi iste post contemplationem istam, qua elevatus fuerat usque ad coelos, ne inordinato casu cadat usque ad abyssos, ne post tantam visitationem ad lascivos mundi actus et illecebras carnis convertatur. Cum vero mentis humanae acies infirma veri luminis illustrationem diutius sustinere non poterit, ad aliquem trium graduum

XIV. Вывод из вышесказанного

Из этого мы можем сделать вывод, что чтение без размышления сухо, размышление без чтения⁴³ ошибочно, молитва без размышления прохладна, размышление без молитвы бесплодно; благоговейная молитва обретает созерцание, а достижение созерцания без молитвы — либо редко, либо чудесно.

Ибо Бог, власти Коего нет предела⁴⁴, Чьё милосердие — на всех делах Его, порою воздвигает⁴⁵ из камней сынов Аврааму [ср. Мф 3, 9], тогда как строптивых и упорствующих Он принуждает желать. Он, можно сказать, расточитель, который, как в народе говорят, «быка за рога тащит»⁴⁶, когда вмешивается незванным, когда обрушивается на того, кто Его не искал.

Но, хотя мы и читаем о том, что это кое с кем случалось (например, с Павлом [ср. Деян 9] и с некоторыми другими), всё же не должны поэтому и мы рассчитывать на нечто такое, словно искушая Бога. Скорее нам нужно делать то, к чему мы обязаны, то есть читать и размышлять в законе Божиим, молиться Ему⁴⁷, чтобы Он помогал нам в нашей немощи [ср. Рим 8, 26] и видел наше несовершенство. Ведь Он Сам учит нас этому, говоря: *«Прогните, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам»* [Мф 7, 7, «Син»]. Ибо ныне *«Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его»* [Мф 11, 12, «Син»].

И вот, если провести вышеотмеченные различия, можно увидеть, как связаны друг с другом свойства вышеуказанных ступеней⁴⁸ и какое воздействие оказывает на нас каждая из них. Блажен человек, чей дух, свободный от иных⁴⁹ занятий, желает всегда находиться на этих ступенях; кто, продав всё, что имеет, покупает то поле, где спрятано желанное сокровище [ср. Мф 13, 44], а именно: быть свободным <от забот> и видеть, сколь сладостен Господь [ср. Пс 33, 9; Пс 45, 11, Вульг]. Поупражнявшись на первой ступени, тщательно подумав на второй, исполнившись благоговения на третьей, а на четвёртой вознесшись выше самого себя, по этим подъёмам, /л. 6г/ расположенным в его сердце, восходит он от добродетели к добродетели, пока не узрит Бога богов на Сионе [ср. Пс 83, 6–8, Вульг]. Блажен тот, кому дозволяется⁵⁰ побыть на этой высшей ступени хотя бы краткое время, кто воистину может сказать: «И вот я чувствую благодать Божию⁵¹, вот я с Петром и Иоанном созерцаю славу Его на горé⁵², вот с Иаковом улаждаюсь объятиями прекрасной Рахили».

per quos ascenderat leniter et ordinate descendat, et alternatim modo in uno, modo in alio, secundum motum liberi arbitrii pro ratione loci et temporis demoretur, cum ut mihi videtur Deo tanto vicinior quanto a primo gradu remotior. Sed heu fragilis et miserabilis humana conditio!

Ecce ductu rationis et scripturarum testimoniis aperte videmus beatæ vitæ perfectionem in his quatuor gradibus contineri; et in eis spiritalis hominis exercitium debere versari. Sed quis est qui hunc vivendi tramitem teneat, *quis est hic et laudabimus eum?* Velle multis adjacet, sed perficere paucis; et utinam de istis paucis essemus!

Но после этого созерцания, в котором был он вознесён до небес, надлежит ему поостеречься: как бы не рухнул он в самую пропасть в беспорядочном⁵³ падении, как бы после такого «посещения»⁵⁴ не обратился к распутным делам мира и к приманкам плоти. Однако, поскольку нестойкое внимание души человеческой⁵⁵ не может долго выдерживать сияние истинного света, пусть она плавно и чинно спустится на какую-либо из трёх ступеней, по которым прежде поднималась, и попеременно пребывает то на одной <ступени>, то на другой, согласно движению свободной воли и в зависимости от места и времени, ибо мне кажется, что Бог тем ближе, чем дальше <душа> от первой ступени. Но увы тебе, хрупкое и жалкое состояние человека!

Итак, под водительством разума и благодаря свидетельствам Писаний мы ясно видим, что совершенство блаженной жизни содержится в этих четырёх ступенях, и на них-то человек духовный должен постоянно упражняться. Но есть ли кто-нибудь, способный придерживаться этого жизненного пути?⁵⁶ *«Кто он? и мы прославим его»* [Сир 31, 9, «Син»]. Желать способны многие, а вот совершать — немногие [ср. Рим 7, 18]. О, быть бы и нам в числе этих немногих!

XV. Quatuor causae quae nos a praedictis gradibus retrahunt

Sunt autem quatuor causae quae nos retrahunt ab istis plerumque gradibus, scilicet inevitabilis necessitas, honestae actionis utilitas, humana infirmitas, mundialis vanitas. Prima excusabilis, secunda tolerabilis, tertia miserabilis, quarta culpabilis. Et vere culpabilis: illi enim quem huiusmodi causa a suo proposito retrahit melius erat ei gratiam Dei non cognovisse quam post cognitam retroisse. *Quam enim excusationem habebit de peccato?* Nonne ei juste Dominus poterit dicere: Quid /f. 6v/ amplius tibi debui facere et non feci ego? Non eras et creavi te, peccasti et diaboli servum te feceras et redemi te, in mundi circuitu cum impiis currebas et elegi te: dederam tibi gratiam in conspectu meo et volebam apud te facere mansionem, et vere despexisti me, et non solum sermones meos sed meipsum projecisti retrorsum et ambulasti post concupiscentias tuas.

Sed o Deus bone, suavis et mitis, amicus dulcis, consilarius prudens, adiutor fortis, quam inhumanus est, quam temerarius qui te abjicit, qui tam humilem et mansuetum hospitem a corde suo repellit! O quam infelix et damnosa commutatio, creatorem suum abjicere et pravas noxiasque cogitationes recipere, illud etiam secretum cubile Spiritus sancti, scilicet secretum cordis quod paulo ante gaudiis intendebat coelestibus tam subito immundis cogitationibus et porcis tradere ad conculcandum! Adhuc in corde calent sponsi vestigia et jam intromittuntur adulterina desideria.

Male conveniens et indecorum est aures quae modo audierant verba quae non licet homini loqui tam cito inclinari ad fabulas et ad detractiones audiendas, oculos qui modo sacris lacrimis baptizati erant repente converti ad videndas vanitates, linguam quae modo dulce epithalamium decantaverat, quae ignitis et persuasoriis eloquiis suis cum sponso reconciliaverat sponsam et introduxerat eam in cellam vinariam iterum converti ad turpiloquia, ad scurrilitates, ad concinnandos dolos, ad detractiones.

Absit hoc a nobis, Domine, sed si forte ex humana infirmitate ad talia relabimur, non ideo desperemus sed iterum recurramus ad clementem medicum *qui suscitavit de terra inopem et erigit de stercore*

XV. Четыре причины, отвлекающие нас от вышеуказанных ступеней

Есть, однако же, четыре причины, по большей части отвлекающие нас от этих ступеней, а именно: неизбежная необходимость, польза от доброго дела, человеческая слабость и мирская суэта. Первая из них простительна, вторая переносима, третья достойна жалости, а четвёртая заслуживает порицания. И воистину заслуживает она порицания: ведь тому, кого подобная причина отвлекает от его цели, лучше было бы вовсе не познать благодати⁵⁷ Божией, нежели, познав её, отступить назад. Ибо какое у него будет *«извинение во грехе своём»*? [Ин 15, 22, «Син»] Разве не по справедливости сможет сказать ему Бог: «Что ещё /л. 6v/ должен был Я сделать для тебя и не сделал? [ср. Ис 5, 4] Тебя не было — и Я создал тебя, ты согрешил и сделался рабом⁵⁸ дьявола — и Я искупил тебя, ты блуждал по всему миру вместе с нечестивцами [ср. Пс 11, 9] — и Я избрал тебя [ср. Ис 43, 10]; Я дал тебе милость в очах Моих и хотел сотворить у тебя обитель [ср. Ин 14, 23], а ты воистину презрел Меня, и не только речи Мои, но и Меня Самого отшвырнул прочь [ср. Пс 49, 17] и ходил вослед своим вождениям» [ср. Сир 18, 30].

Но, Боже благой, сладостный и ласковый, друг любезный, мудрый советчик, крепкий помощник! Насколько бесчеловечно, насколько опрометчиво поступает тот, кто Тебя отталкивает, кто отстраняет от сердца своего столь смиренного и кроткого гостя! Что за неудачный и пагубный обмен: отринуть своего Творца и принять превратные и вредоносные помыслы, и даже тайное жилище Святого Духа, то есть сокровенную глубину сердца, ещё недавно устремлявшую взоры к небесным радостям, столь быстро предать нечистым помыслам и на поправление свиньям! [ср. Мф 7, 6] В сердце ещё пылают следы Жениха — и вот уже вторгаются туда прелюбодейные желания.

Сколь же неприлично это и постыдно: уши, только что слышавшие слова, которые человеку и вымолвить нельзя [ср. 2 Кор 12, 4, Вульг], столь быстро склонять к выслушиванию баек [ср. 2 Тим 4, 4] и злословия; глаза, которые только что, как при крещении⁵⁹, омыты были священными слезами, тут же обращать к суетным зрелищам; язык, который только что воспевал⁶⁰ сладостную брачную песнь⁶¹, который огненными и убедительными речениями примирял невесту с Женихом и вводил её *«в дом пира»*

pauperem; et ipse qui non vult mortem peccatoris iterum curabit et sanabit nos.

Jam tempus est ut epistolae finem imponam. Oremus omnes Dominum ut impedimenta quae nos ab ejus contemplatione retrahunt in praesenti nobis mitiget, /f. 7r/ in futuro penitus auferat, per praedictos gradus de virtute in virtutem nos perducens donec videamus Deum deorum in Sion, ubi electi non guttatim, non interpolate percipient divinae contemplationis dulcedinem sed torrente voluptatis indesinenter habebunt gaudium quod nemo tollet, et pacem immutabilem, pacem in idipsum.

Tu ergo frater mi Gervasi, si quando datum fuerit tibi desuper ad praedictorum graduum celsitudinem conscendere, memento mei et ora pro me cum bene fuerit tibi. Sic cortina cortinam trahat, *et qui audit dicat: Veni.*

FINIS

[Песн 2, 4, «Син»], снова обращать к непристойностям, к пустословию, ко сплетению коварства [ср. Пс 49, 19] и ко злоречию! Да не будет этого с нами, Господи!⁶² Однако, если вдруг по слабости человеческой мы опять во всё это впадём, не станем тогда отчаиваться, но обратимся снова к милосердному врачу, Который *«из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего»* [Пс 112, 7, «Син»], и Он, не желающий смерти грешника [ср. Иез 33, 11], снова исцелит и излечит нас [ср. Ос 6, 2].

Пора уже мне заканчивать⁶³ своё послание. Будем же все молиться Господу, чтобы помехи, отвлекающие нас от Его созерцания, Он в настоящее время смягчил, /л. 7г/ а в будущем и вовсе устранил, ведя нас по вышеуказанным ступеням от добродетели к добродетели, покуда не узрим Бога богов на Сионе [ср. Пс 83, 8, Вульг], где избранные уже не капля по капле, не время от времени (interpolate) вкушать будут сладость Божественного созерцания, но в потоке наслаждения [ср. Пс 35, 9, Вульг] непрерывно будут испытывать радость, которую *«никто не отнимет»*⁶⁴ [Ин 16, 22, «Син»], и неизменный мир, мир в Нём Самом⁶⁵ [ср. Пс 4, 9, Вульг].

А ты, брат мой Гервазий, если когда-либо дано тебе будет свыше подняться по вышеуказанным ступеням⁶⁶ на самый верх, вспомни обо мне и помолись за меня, когда будет тебе хорошо. Так одна занавесь тянет за собою другую [ср. Исх 26], «и пусть слушающий скажет: Приди!» [Откр 22, 17]⁶⁷.

- 1 *Созерцание — вкушает* (contemplatio degustat). // В *МЕ* и *Ут* продолжение: «Потому и Сам Господь говорит: “Ищите — и обрящете; стучите — и вам отворят” (ср. Мф 7, 7; Лк 11, 9). Ищите, читая — и обрящете, размышляя; стучите, молясь — и отворят вам в созерцании» (Unde et ipse Dominus quaerite, inquit, et invenietis, pulsate et aperietur vobis. Quaerite legendo et invenietis meditando, pulsate orando et aperietur vobis contemplando).
- 2 *Попотчевало* (ministravit). // *МЕ*, *ВА*: «потчует» (ministrat).
- 3 *И сердце чисто* (mundo corde). // В *DU* цитата продолжается: «кто не клялся душою своей напрасно и не божился ложно ближнему своему» (qui non ascepit in vano animam suam, nec iuravit in dolo proximo suo).
- 4 *Раздумывает* (considerat). // *DU*, *PR*, *АН*: «Подумай» (considera).
- 5 *Тот же пророк* (idem propheta). // *МЕ*: «тот же Давид» (idem David).
- 6 *Раздумывает* (cogitat). // *Ут*, *АН*, *Р¹*: «Подумай» (cogita).
- 7 *Раздумывает* (cogitat). // *ДА*: «Пусть подумает» (cogitet).
- 8 *Тем более возвеличивается Бог* (tanto magis exaltatur Deus). // Трудное место, толкуется по-разному. Ср. другие переводы — франц.: «Чем выше она заносится, тем дальше от неё Бог»; англ.: «Чем больше принижает себя сердце, тем более возвеличивается Бог».
- 9 *Вспыхнул* (excrevit). // *МЕ*: «разгорится» (exardescet), точно по Вульг.
- 10 *Недостойная грешница* (indigna peccatrix). // *АН*, *Р¹* и *РА²*: «недостойный грешник» (indignus peccator), т. е. речь ведётся уже не душой, а «самим» Гвиго.
- 11 *Пылаю любовью* (amore ardeo). // *DU*, *РА²*: «изнемогаю от любви» (amore langueo), точно по Вульг.
- 12 *Воздействие*. В большинстве рукописей «effectus»; в *Ут* — «officium».
- 13 *Мольбы* (preces) ... *мольбы* (preces). Тавтология — намеренная? Ср. ниже, прим. 4: *Поспешно* (festinus) .. *спешит* (festinus).
- 14 *Закончит речь* (sermonem finierit). // *DU*: «молитву» (orationem); *МЕ*: «мольбу» (preces); *Ут*: «покуда речь закончится» (sermo finiatur).
- 15 См. выше, прим. 2.
- 16 *Росою небесной сладости* (coelestis rore dulcedinis). // *ВА*: «сладостью росы» (roris dulcedine). Ср. ниже, гл. VIII, прим. 2; а также Размышление VIII (наст. изд., с. 81).
- 17 *Побеждает* (vincitur). // *ВА*: «побеждает и связывает» (convincitur et vincitur).
- 18 *Делаешь* (facis). // *РА²*: «сделаешь» (feceris).
- 19 *Внутренней росы* (roris interioris). // *DU*, *PR*, *МЕ*: «внутреннего разума» (rationis interioris). Ср. выше, гл. VII, прим. 5.
- 20 *Обозначается* (signatur). // *МЕ*: «очищается» (purgatur).
- 21 *Человека* (hominis). // *МЕ*: «духа» (animi).

- 22 *«Который укрепляет сердце человека»* (confirmantes cor hominis). Ср. ХПРазм, гл. XII (наст. изд, с. 107).
- 23 *Помазание* (unctio). // *Du*: «чтение» (lectio).
- 24 *Жениха* (sponsi). // *Ва*: «Жениха—Бога» (sponsi Dei).
- 25 *«Посещение»* (visitationem). // *Du*: «посещение благодати» (visitationem gratiae).
- 26 *На бёдрах* (femorum). // *Du, Pr, Ва, МЕ, АН, P¹, P^{А2}*: «на бедре» (femoris).
- 27 *Утешения* (consolationis). // *P¹, P^{А2}*: «откровения» (revelationis).
- 28 *Утешение* (consolationem). // *Ут*: «постоянное утешение» (continuum consolationem); *Du, Pr, Ва, МЕ, АН, P¹, P^{А2}*: «постоянное “посещение”» (continuum visitationem).
- 29 *Народная* (vulgare). // *Du*: «Соломонова» (Salomonis).
- 30 *Ложь* (stratum). // *Ут, Du, Pr, Ва, МЕ, P¹, P^{А2}*: «наше ложе» (stratum nostrum).
- 31 Эту цитату Гвиго уже приводил чуть выше.
- 32 Это описание Жениха души поразительным образом напоминает даже не столько херувимов и колёса в Иез 1, 18 (что отмечают издатели) и Откр 4, 6. 8, сколько изображение Митры и его «шпионов» в авестийском гимне Митре (Яшт 10). Обсуждение этой неожиданной параллели см. в статье (наст. изд, с. 123–125).
- 33 *Выкапывает* (effodiens). // *Ва*: «вскапывает поле» (agrum fodiens).
- 34 *Отсылает* (mittit). // *Ва*: «побуждает» (incitat).
- 35 *Росою небесной сладости* (coelestis rore dulcedinis). Ср выше, гл. VII, прим. 5.
- 36 *Совершать дела* (opera agere). // *МЕ*: «подражать делам» (opera imitari).
- 37 *Опять же* (item). // *Du*: «Однако же» (sed tamen).
- 38 *Не можем* (nihil possumus). // *Du, Pr, Ва, МЕ, АН, P^{А2}*: «ничего не можем сделать» (nihil possumus facere).
- 39 *Раскрыли объятия* (sinum). // *Du*: «открыли знак (signum)».
- 40 *Господня* (Domini). // *Du, МЕ*: «Божия» (Dei).
- 41 *Больше не жаждать!* (ut non sitiam amplius). // *Du* добавляет: «и не приходиться сюда черпать» (ut non veniam huc haurire).
- 42 *Размышление* (meditatio). // *Да*: «чтение» (lectio).
- 43 *Без чтения* (sine lectione). // *МЕ*: «без молитвы» (sine oratione).
- 44 *Предела* (terminus). // *МЕ, P¹, P^{А2}*: «размера» (numerus); *Du, Pr*: «ни размера, ни предела» (numerus vel terminus).
- 45 *Воздвигает* (suscitat). // *Pr*: «воздвиг» (suscitavit); *Du*: «творит» (facit).
- 46 *Тащит*. Так в *Du* («trahit»); в других рукописях «tribuit»: «доставляет» или «отдаёт».
- 47 *Молиться Ему* (orare ipsum). // *Ут, Ва, АН, P¹, P^{А2}*: «любить Его» (amare ipsum).
- 48 *Ступеней* (graduum). // *Ва*: «радостей» (gaudiorum).
- 49 *Иных* (caeteris). // *Pr*: «земных» (terrenis).
- 50 *Дозволяется* (conceditur). // *Ва*: «<Ты> позволяешь» (concedis).
- 51 *Божью* (Dei). // *МЕ*: «Господню» (Domini).
- 52 *На горе* (in monte). // *Du*: «в душе» (in mente).

- 53 *Беспорядочном* (inordinato). // *МЕ*: «неожиданном» (inopinato).
- 54 *«Посещения»* (visitationem). // *УТ, ДУ, РР, ВА, МЕ, АН, Р¹, РА²*: «в́идения Бога» (visionem Dei).
- 55 *Нестойкое внимание ума человеческого* (mentis humanae acies infirma). Ср «внимание ума» (mentis acies) в *ХИПразм*, гл. V, прим. 3.
- 56 *Этого жизненного пути* (vivendi tramitem). // *МЕ*: «этого пути в́идения» (videndi tramitem).
- 57 *Благодати* (gratiam). // *РР*: «славы» (gloriam).
- 58 *Работ* (servum). // *ДУ*: «порождением» (germen).
- 59 *Как при крещении* (baptizati erant). // *УТ, ДУ, РР, ВА, АН*: «как при новом крещении» (rebaptizati erant).
- 60 *Воспевал* (decantaverat). // *Р¹*: «воспевал Жениху» (sponso cantaverat).
- 61 *Брачную песнь* (epithalamium). Одно из свидетельств единого авторства двух трактатов Гвиго: ср. *ХИПразм*, гл. XII (наст. изд., с 87).
- 62 *Господи* (Domine). // *ДУ*: «Господи Боже» (Domine Deus).
- 63 *Мне ... заканчивать* (finem imponam). // *ДУ, РР, ВА, МЕ, АН, Р¹, РА²*: «нам ... заканчивать» (finem imponamus).
- 64 *«Никто не отнимет»* (nemo tollet). // *МЕ*: «никто у них не отнимет» (nemo tollet ab eis).
- 65 *Мир в Нём Самом* (pacem in idipsum). Это можно, сказать, «печать мастера», которой Гвиго озаменовал оба свои сочинения: ср. *ХИПразм*, гл. IV, прим. 11. Автор, неточно цитируя Вульгату, вкладывает в эти слова, выхваченные из контекста, некий свой, дорогой для него смысл — но именно поэтому перевести это нелегко. Ср. другие переводы: франц.: «мир в нём»; англ.: «мир Божий». Более подробно см. об этом: наст. изд., сс. 67 и 109.
- 66 *Ступеням* (graduum). // *ВА*: «на самый верх вышеуказанных радостей» (gaudiorum).
- 67 Далее в некоторых рукописях следуют добавления. *ДА*: «Завершается послание Гвиго Картузианца, переписанное в году Господнем 1479 для братьев дома блаженной Варвары в Кёльне вышеотмеченного Ордена братом Конрадом де Сузатом. Молитесь за него». *ДУ*: «Завершается лестница из четырёх ступеней святого Бернарда». *МЕ*: «Благодарение Богу». *РР, ВА*: «Аминь».

ДВЕНАДЦАТЬ РАЗМЫШЛЕНИЙ
XII MEDITATIONES

Настоящий перевод выполнен с латинского оригинала по критическому изданию Эдмунда Колледжа (OSA) и Джеймса Уолша (SJ)¹.

Курсивом выделяются точные цитаты (по Вульг или по «Син»).

В ломаных скобках <> содержатся добавления, отсутствующие в оригинале, но сочтённые необходимыми при переводе.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Вульг: перевод по Вульгате

«Син»: точная цитата по «Синодальному» переводу Библии

л. (рус. пер.) и f (лат. текст): лист

LXX: перевод по Септуагинте

СПИСОК УЧТЁННЫХ РУКОПИСЕЙ

«Размышления» Гвиго II Картузианца дошли до нас в семи рукописях:
B: Оксфорд, Бодлеянская библиотека, *Laud. Misc.* 371, л. 118r — 125v (XIII в.)

H: Лондон, Британский Музей, *Harley* 47, л. 5v — 12r (XIII в.)

L: Лонглит (*Longleat*) 19, л. 65r — 75r (XIII в.)

*P*¹: Париж, Национальная библиотека, *Lat.* 1201, л. 38r — 56r (XV в.)

*P*²: Париж, Национальная библиотека, *Lat.* 3761, л. 1r — 29v (XIII в.)

R: Лондон, Британский Музей, *Royal* 8. F. 1, л. 101v — 110r (XIII в.)

V: Рим, Ватиканская библиотека, *Vatic. Lat.* 134, л. 56a — 70c (начало XIII в.)

В 1932—34 гг. М.-М. Дави (Davy) опубликовала латинский текст «Размышлений», основанный преимущественно на рукописях *P*¹ и *P*², и озаглавленный ею откровенно «аллюзорно»: «Подражание Иисусу Христу: неизданные “Размышления” Гвиго II Картузианца»². Однако это издание, притязавшее на звание «критического», современным текстологическим требованиям не отвечает.

---

¹ *Guigues II le Chartreux. Douze meditations (XII Meditationes). Introduction et texte critique par Edmund Colledge (OSA) et James Walsh (SJ). Traduction française par «Un Chartreux».* // *Sources Chrétiennes*, № 163 (Série de textes Monastiques d'Occident, n° 19). Paris, Les Éditions du Cerf, 1970, pp. 125—203.

² «L'Imitation de Jésus-Christ: Méditationes inédites de Guigues II le Chartreux». // *Vie Spirituelle*, Supplément, 1932—1934.

XII MEDITATIONES

MEDITATIO I

/f. 101v/ *Bonum mihi Domine quod humiliasti me ut discam justificationes tuas. Bonum est viro cum portaverit jugum ab adolescentia sua. Sedebit solitarius et tacebit;* sed quomodo, quaeso, solus est qui tecum est, Domine Deus exercituum? *Non sum,* inquit, *solus sed qui me misit mecum est, pater.* O Domine Jesu, quid mirum quaeso dixisse videris. Cum hominibus conversari videris, cum hominibus manducas et bibis, et cum turbis sermocinaris, et te non esse solum commemoras. *Non sum,* inquit, *solus, sed qui misit me mecum est, pater.* Non attendo eos qui foris sunt, sed eum qui intus mecum est. Foris mecum est manus tradentis me in catino, sed intus contra me est feriens pactum cum inimico meo. Foris comedit panes meos, intus computat denarios suos. Foris propinat osculum, intus venenum.

Qui non est mecum contra me est, qui autem contra me est, longe est a me. O bone Jesu, utinam ergo nullus hic foris sit mecum, ut intus sim familiarius tecum. *Vae enim soli* cum quo tu solus non es. Quanti homines in turba degunt et soli sunt, quia tecum non sunt.

Utinam nunquam tecum sim solus. Ecce nullus hominum mecum est, et tamen non sum solus. Ipse ego mihi turba sum. Mecum sunt bestiae meae quas in sinu meo nutrivi mecum ab infantia mea. Amant nimirum in me consueta cubilia, nec in ipsa solitudine volunt recedere a me. Quotiens illis inclamavi: *Declinate a me, maligni, et scrutabor mandata Dei mei.* Perstrepunt ranae in penetralibus meis, et irrui in oculos meos muscarum Aegypti pestilentia.

Sedebit, inquit, solitarius, et vere nisi sedeat solitarius non erit. Ideo bonum est humiliari et portare jugum tuum, Domine. Jugo tuo cervix superba mansuescere discit; dicis enim jugum tuum tollentibus super se: *Discite a me, quia mitis sum et humilis corde.* Equitatus superbiae sedere non novit: tu autem sedes super sedem tuam, id est *super humilem et quietum.* Jam video quia esse quietus non poterit qui prius humilis non fuerit. *Super humilem,* inquit, *et quietum:* o quam bonum est humiliari, ut ad quietem possit perveniri. Tunc enim *sedebit solitarius et tacebit.* Qui solitarius non est, tacere non potest; qui non tacet, loquentem non audit. *Verba,* inquit, *sapientium quasi stimuli,* quae audiuntur in silentio. Sileat terra mea in conspectu tuo, Domine,

РАЗМЫШЛЕНИЕ I
<ПОХВАЛА УЕДИНЕНИЮ>¹

/л. 101v/ «Благо мне, Господи, что Ты смирил меня, дабы я научился повелениям Твоим» [Пс 118, 71, Вульг]. «Благо человеку, если он несёт иго с юности своей. Он будет сидеть в уединении и молчать» [Плач 3, 27–28, Вульг]. Но как же, спрошу я, может быть одиноким тот, кто с Тобою, Господи Боже воинств? «Я не один», говорит он, «но Отец, пославший Меня, — со Мною» [Ин 8, 16, Вульг]. О Господи Иисусе, Ты, кажется, сказал что-то удивительное? Ведь Ты, по всей видимости, живёшь вместе с людьми, с людьми ешь и пьёшь, беседуешь с толпами — и напоминаешь о том, что не одинок! «Я не один», говорит Он, «но Отец, пославший Меня, — со Мною. Не о тех я думаю, кто снаружи, а о том, кто внутри. Снаружи тот, кто предаст меня, опускает вместе со мною руку в блюдо, а внутри он — против меня, вступив в заговор с моим врагом. Снаружи он ест мой хлеб, а внутри — подсчитывает свои² сребренники. Снаружи он даёт мне поцелуй, а внутри — яд» [ср. Мф 26, 23. 49].

«*Кто не со Мною, тот против Меня*» [Мф 12, 30, «Син»]; а кто против Меня, тот далёк от Меня. О благой Иисусе, вот если бы никого не было снаружи со мною, дабы изнутри я был близок с Тобою! Ибо «горе одному» [Эккл 4, 10, «Син»], если нет с ним Тебя Одного. Сколько людей живут в толпе, но притом одиноки, ибо они не с Тобою.

О, вот бы мне никогда не быть с Тобой одиноким! Я сам себе — толпа. Со мною — звери мои, коих кормил я сызмальства. Любят они во мне, конечно, привычные для них логова, и даже в уединении не желают от меня удалиться. Сколько раз восклицал я: «*Удайтесь от меня, беззаконные, и буду хранить заповеди Бога моего!*» [Пс 118, 115, «Син»] Квакают лягушки во внутренностях моих [ср. Пс 104, 30], и вторгается в очи мои погибель от мух египетских [ср. Исх 8, 21–31].

«Будет он», говорит <Писание>, «сидеть в уединении и молчать» [ср. Плач 3, 27–28, Вульг]. И вправду: не станет сидеть — не будет в уединении. Потому благо это: смириться и нести иго Твоё, Господи³. Благодаря игу Твоему гордая выя учится кротости. Ведь Ты говоришь тем, кто возлагает на себя иго Твоё: «*Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем*» [Мф 11, 29, «Син»]. Конница гордыни восседать не умеет; а Ты восседаешь на престоле своём,

XII MEDITATIONES

ut audiam quid loquatur in me Dominus Deus. Verba enim susurri tui non nisi in alto silentio audiri possunt. Illa nimirum auditio sedentem solitarium et tacentem levat super /f. 102r/ se, quia *qui se humiliat exaltabitur*; qui sederit solitarius et tacuerit levabitur super se. Ubi? Numquid locus est? Non, sed affectus. Et ipse affectus, quomodo super se? Quia non respicit ad se, quia non amat se, quia non cogitat se. Sed quid? Illud quod est supra se, summum bonum, Deum suum, quem videndo et amando melius et videt et amat seipsum.

то есть «на смиренном и спокойном». «На смиренном», гласит <Писание>, «и спокойном» [Ис 66, 2, LXX]. О, сколь благостно смиряться, дабы можно было достичь покоя! Ибо тогда «будет он сидеть в уединении и молчать» [ср. Плач 3, 27–28, Вульг]. Кто не одинок, тот молчать не может; кто не молчит, тот говорящего не слушает. *Слова мудрых — как стрекала*, и слышны они в тишине [ср. Эккл. 9, 17; 12, 11, Вульг]. Да умолкнет земля моя пред Тобою, Господи [Ср. 1 Макк 1, 3, Вульг], чтобы услышал я, что скажет⁴ во мне Господь Бог [ср. Пс 84, 9]. Ведь слова, что Ты шепчешь [ср. Иов 4, 12, Вульг], услышать можно лишь в глубоком молчании. Конечно, это слушание возвышает сидящего в уединении и в молчании над самим собою /л. 102г/, ибо «*унижающий себя возвысится*» [Лк 14, 11, «Син»]; кто будет сидеть в одиночестве и молчать — возвысится над самим собою. Куда? Разве там есть какое-то место? Нет⁵, но <есть> любовь. А эта любовь — как она <возвысится> над самой собою? Ибо она не смотрит на <саму> себя, ибо не любит <саму> себя, ибо не думает о <самой> себе. На что же <она смотрит>? На то, что выше неё, на высшее благо, на Бога своего, узрев и возлюбив Которого, она лучше видит и любит⁶ саму себя.

XII MEDITATIONES

MEDITATIO II

Loquere Domine ad cor servi tui, ut cor meum loquatur tibi. Loquere pupillo qui derelictus est tibi. *Tibi derelictus est pauper, orphano tu eris adjutor. Domine, elongasti a me amicum et proximum, tu autem ne elongaveris a me auxilium tuum. Fratres mei quasi alieni recesserunt a me, tu autem Domine ne discedas a me. Longe fecisti notos meos a me; posuerunt me abominationem sibi, aperuerunt super me ora sua, maledixerunt animae meae. Non illis imputetur: putant enim se obsequium praestare Deo. Maledicent illi, sed tu benedices et illis et mihi. Tu es enim, Domine Sabaoth, qui judicas juste et probas renes et corda; tibi revelavi causam meam, defensor vitae meae. Et nunc, Domine, non est auxilium mihi in me, consolatorem et consiliatorem hominem non habeo juxta me. Renuit consolari anima mea, ut consolationes tuae laetificent animam meam. Oculi mei ad te, ut evellas de laqueo hoc pedes meos; oculi mei defecerunt in eloquium tuum, dicentes: Quando consolaberis me?*

Recordor Annae, quae stabat ad ostium tabernaculi tui flens largiter, cui dicebat vir suus Elcana tristis, consolans moerentem, quia Annam diligebat: *Anna, cur fles, et quare non comedis? Nonne melior sum tibi quam decem filii?* Porro illa flebat et non capiebat cibum. Cibari enim potius amabat *pane lacrimarum*, renuit ab homine consolari, praestolans gaudium Domini Dei sui, sicut et ille qui dicebat: *Diem hominis non desideravi, tu scis.* Flebat ergo et non capiebat cibum. *Beati enim qui lugent, quoniam ipsi consolabuntur.* A maxilla enim viduae ascendunt lacrimae coram te, et tu exauditor non delectaberis in illis.

Nihil ergo melius est mihi quam flere sterilitatem animae meae, sicut et filia Jephthe. Sterilis est anima mea, Domine; ideo vereor maledictum legis tuae, quia maledicta sterilisque non parturit. Ista maledictio timenda est. Propter hanc sterilitatem Anna flebat et non capiebat cibum. *Sed posuisti lacrimas ejus in conspectu tuo, et concepit et peperit filium quem tuo cultui dedicavit.*

Bona terra lacrimis rigata est, et centuplum fructum fecit. Plue, Domine, et riga *de superioribus tuis*, ut *aperiatur terra et germinet fructum salutis*, ut famelici saturentur et sterilis pariat septem. *Haec*

РАЗМЫШЛЕНИЕ II

<УТЕШЕНИЕ БЕСПЛОДНОЙ ДУШЕ>

Говори, Господи, сердцу раба Своего, дабы сердце моё говорило к Тебе. Говори отроку, оставленному Тебе. *«Тебе предаёт себя бедный; сироте Ты помощник»* [Пс 9, 35, «Син»]. «Господи, Ты удалил от меня друга и ближнего» [Пс 87, 19, Вульг], «но не удаляй от меня помощь Свою» [Пс 21, 20, Вульг]. Братья мои, словно чужие, удалились от меня [ср. Иов 19, 13, Вульг], но *«Ты, Господи, не удаляйся от меня»* [Пс 34, 22, «Син»]. Далеко отвёл Ты знакомых моих от меня [ср. Иов 19, 13, Вульг.]; «я стал им отвратителен» [Пс 87, 9, Вульг]; они разинули на меня пасти свои [ср. Пс 21, 14], прокляли душу мою. Да не вменится им это в вину: ведь они думают, что тем самым служат Богу [ср. Ин 16, 2]. «Они проклянут, а Ты благословишь» [Пс 108, 28, Вульг] и их, и меня. «Но Ты, Господь Саваоф, Судия праведный, испытующий сердца и утробы» [Иер 11, 20, Вульг]; «Тебе открыл я дело моё» [Иер 11, 20; 20, 12, Вульг], защитник жизни моей. И ныне, «Господи, нет во мне помощи для меня самого» [Иов 6, 13, Вульг], нет рядом со мною утешителя и советчика⁷. *«Душа моя отказывается от утешения»* [Пс 76, 3, «Син»], дабы <лишь> Твои утешения радовали душу мою [ср. Пс 93, 19]. Очи мои <обращены> к Тебе, чтобы Ты освободил из этой петли ноги мои [ср. Пс 24, 15]. Очи мои ослабли <в ожидании> слова Твоего, говоря: «Когда же Ты утетишь меня?» [ср. Пс 118, 82, Вульг]

Вспоминаю Анну [ср. 1 Цар 1], как стояла она у преддверия ковчега Твоего и горько плакала, а Елкана, муж её, в печали говорил ей, чтобы утешить скорбящую (ибо любил Анну): «Анна, *«что ты плачешь и почему не ешь? Не лучше ли я для тебя десяти сыновей?»*» [1 Цар 1, 8, «Син»] Но она по-прежнему плакала и не прикасалась к еде. Ведь она больше любила «*хлеб слёзный*» [Пс 79, 6, «Син»], отказалась от человеческого утешения [ср. Пс 76, 3], ожидая радости от Господа Бога своего, как и тот, кто говорил: «Дня человеческого я не желал, Ты это знаешь» [Иер 17, 16, Вульг]. Потому она плакала и не прикасалась к еде. *«Блаженны плачущие, ибо они утешатся»* [Мф 5, 4, «Син»]. Ведь со щеки вдовы слёзы доходят до Тебя, и Ты, услышав <их>, не возрадуешься им [ср. Сир 35, 18–19, Вульг].

Посему нет для меня ничего лучше, чем оплакивать *бесплодие души моей* [Пс 34, 12, Вульг], как дочь Иеффая [ср. Суд 11, 34–40]. Бесплодна душа моя, Господи [ср. Числ 11, 6, Вульг]; потому трепещу я перед проклятием закона Твоего, ибо проклятая и бесплодная

XII MEDITATIONES

*est generatio quaerentium Dominum, quaerentium faciem /f. 102v/
Dei Jacob; haec generatio benedicetur in saecula, propter hanc
generationem vidua salvabitur. Hi filii sunt novellarum in circuitu
mensae tuae. Ecce sic benedicetur homo qui timet Dominum.*

не рождает. Такого проклятия надо бояться. Из-за такого бесплодия Анна плакала и не прикасалась к еде. Но Ты поместил её слёзы перед Собою [ср. Пс 55, 9, Вульг], и она зачала и родила сына, которого посвятила служению Тебе.

Добрая земля орошена была слезами и принесла стократный плод. Ниспошли дождь, Господи, и *ороси с высот Твоих* [Пс 103, 13, «Син»]; пусть раскроется земля и принесёт плод спасения⁸ [ср. Ис 45, 8], дабы голодные насытились, а бесплодная родила семикратно [ср. 1 Цар 2, 5]. Таков род (*generatio*) ищущих Господа, ищущих лица Твоего, /л. 102v/ Боже Иакова [ср. Пс 23, 6]. Этот род будет благословен вовеки, благодаря этому роду спасётся вдова. Эти сыновья — как побеги <маслины> вокруг стола Твоего [ср. Пс 127, 3]. Вót как *благословится человек, боящийся Господа!* [Пс 127, 4, «Син»; ср.

Пс 111, 1]

XII MEDITATIONES

MEDITATIO III

Dives es, Domine, et indeficiens horreum tuum. Ciba hodie pauperem de micis quae cadunt de mensa filiorum tuorum. Clamat egenus tuus ad fores tuas, quia non habet hodie quod manducet. Domine, sic infirmus sum quod os meum aperire non possum. O quam sanus erat qui dicebat: *Os meum aperui et attraxi spiritum*. Ergo Domine, aperi labia mea et ciba me laude tua. Laus tua verus est cibus. De alio cibo non vivit tota illa civitas tua Jerusalem, quam *tu adipe frumenti satias*, et *torrente tuae voluptatis inebrias*. Vae his qui jejunt a laude tua: nimirum *sedent super stercora sua, ut bibant urinam peccatorum suorum*: hoc est, temporalibus inhiant ut carnis illecebras expleant. Talibus enim das terram aeneam et coelum ferreum, ut non pluatur eis annos tres et menses sex, quia nec fidei nec bonorum operum fructus faciunt. Terram habent aeneam, quia labia eorum sicut cymbalum tinniunt, sed et coelum ferreum, quia cor durum et inflexibile gerunt, de qualibus psalmista: *Peccatori autem dixit Deus: Quare tu enarras justitias meas, et assumis testamentum meum per os tuum?*

Non vivunt isti de laude tua, Domine, sed moriuntur fame, non panis et aquae, sed verbi tui. *Non autem interficies fame animam iusti*, quia in tempore siccitatis praecepisti corvo et viduae Sareptenae ut pasceret servum tuum Eliam. Tu enim, Domine, pascis pascentes te; unde etiam *hydria farinae et lecythus olei non deficit* viduae pascenti te. Pascit te corvus, pascit et vidua, sed vidua pane subcineritio, corvus autem carne vespertina. Peccator autem corvus est. Corvus Zachaeus publicanus erat, et volavit in arborem sycomorum. *Hodie*, inquit, *oportet me apud te manere*. Hodie corvus Eliam pavit. Quomodo pavit? *Ecce dimidium bonorum meorum do pauperibus*. Ergo pavit Christum, pavit et pauperes cum Christo, immo in pauperibus Christum. Unde? De carnibus, hoc est de temporalibus. Temporalia enim et carnalia pro Christo relinquere, hoc est Christum carnibus pascere. Et hoc vespere fit, in confinio tenebrarum et lucis, ut proficiat et dicatur: *Vespere et mane dies unus*.

Prius pascit corvus, deinde vidua: corvus enim fit vidua, corvus mutatur in columbam, et gemitus edit. Quare? Quia vidua est, quia sponsus ejus mortuus est, qui lavit eam a peccatis suis, hoc est a

РАЗМЫШЛЕНИЕ III

<Голод>

Богат Ты, Господи, и неистощима житница Твоя. Накорми нынче бедняка крошками, сыплющимися со стола сынов Твоих! [ср. Мк 7, 28] Рыдает неимущий Твой возле врат Твоих, ибо нечего ему сегодня есть. Господи, настолько слаб я, что не в силах растворить уста свои. О, сколь свят был тот, кто изрек: «Уста свои растворил я и дыхание задержал, ибо желал заповедей Твоих» [ср. Мк 7, 28]. Посему, Господи, раствори уста мои, и возвестят они хвалу Тебе [ср. Пс 50, 17]. Хвала Тебе — пища истинная. Иною пищей не живёт весь град Твой, Иерусалим: разве только Ты насытишь туком пшеницы [ср. Пс 147, 3] и напоишь потоком наслаждения Своего [ср. Пс 35, 9]. Увы тем, кто не вкушает хвалы Твоей: они-то уж точно сидят на своих испражнениях, чтобы пить мочу грехов своих⁹ [ср. Ис 36, 12], то есть льнут ко преходящему, дабы потворствовать приманкам плоти. Вот таким Ты и даёшь медную землю и железное небо [ср. Лев 26, 19], чтобы не было у них дождя три года и шесть месяцев [ср. Лк 4, 25], ибо не приносят они плодов ни веры, ни добрых дел [ср. Пс 104 (103), 13]. Земля у них медная, ибо губы их звенят¹⁰, словно кимвал [ср. 1 Кор 13, 1], а небо железное, ибо сердце в них упрямое и несгибаемое [ср. Сир 3, 27], и это о них слова псалмопевца: «Грешнику же говорит Бог: Что ты проповедуешь уставы Мои и берёшь завет Мой в уста твои?»

[Пс 49, 16, «Син»]

Не живут они хвалою Тебе, Господи, но умирают от голода, <лишённые> не хлеба и воды, а слова Твоего [ср. Мф 4, 4]. Но душу праведника не умертвишь Ты голодом [ср. Дан 13, 53], ибо во время засухи повелел Ты вóрону и вдовице Сарептской кормить раба Твоего Илию [см. 3 Цар 17]. Ибо Ты, Господи, питаешь питающих Тебя; потому и *мука в кадке не истощалась, и масло в кувшине не убывало* [3 Цар 17, 16, «Син»] у вдовы, питающей Тебя. Питает Тебя вóрон, питает и вдовица, но вдовица — хлебом, испечённым в золе, а ворон — мясом по вечерам. Ибо ворон — это грешник. Вороном был мытарь Закхей, и взлетел он на смоковницу [см. Лк 19, 2–10]. «Сегодня», сказал Он, «надобно Мне быть у тебя в доме» [Лк 19, 5, «Син»]. Сегодня ворон кормил Илию. Как кормил? «Половину своего имущества отдаю нищим» [ср. Лк 19, 8]. Значит, кормил он Христа, кормил и нищих со Христом; более того: Христа — в нищих. Чем? Мясом (de carnibus), то есть вещами преходящими.

XII MEDITATIONES

nigredine corvi. Sponsus ejus mortuus est, unde etiam /f. 103r/ in memoriam ejus duo ligna colligit, ut faciat sibi et filio suo, hoc est spiritui, modicum viatici, et moriatur cum sponso suo. Sed prius pascendus est Elias, et de ipsa farinula novae conspersionis faciendus est subcineritius panis parvulus. Operum nostrorum primitias requirit Christus, et ut altum non sapiamus, sed humilibus consentiamus, *caventes a fermento Phariseorum, quod est hypocrisis*. Iste simplex et humilis intellectus subcineritius panis est parvulus quem a nobis exigit Christus.

Nec sine vel modico olei debet esse bona mulier, quia *hilarem datorem diligit Deus*; sed quidquid habet farinae vel olei paululum sibi videtur, quia *esurit et sitit justitiam*. *Non habeo*, inquit, *nisi quantum pugillus capere potest farinae in hydria, et paululum olei in lecytho*. Pugillus exigua capacitas est; farina mundus et subtilis fidei candor; hydria humilis et circumspecta custodia, ne ventus superbiae tantam *gloriam in pulverem deducat* et dispergat. Qui modicum se habere intelligit, arctius debet custodire, ne et hoc ipsum amittat.

Ergo, Domine, corvus et vidua pascunt te in Sarepta Sidoniorum, quia ficus maledicta aruit in terra Judaeorum. *Publicani enim et meretrices praecedunt Phariseos in regnum coelorum*. In domo enim Pharisei foris discumbis, in domo peccatricis intus epularis. Pasce, Domine, pullum corvorum, filium peccatorum clamantem ad te, *quoniam pater meus et mater mea dereliquerunt me*: tu autem non derelinquis sperantes in te.

Ибо отвергать вещи преходящие и плотские (carnalia) ради Христа — значит кормить Христа мясом (carnibus). И происходит это вечером, на границе дня и ночи, дабы пошло это на пользу и было сказано: «*Вечером и утром — день один*» [Быт 1, 5, Вульг].

Сначала кормит вóрон, затем — вдовица: ибо вóрон становится вдовицей, вóрон превращается в голубицу и издаёт стон. Отчего? Оттого, что она вдовица, ибо умер супруг её, омывший её от грехов, то есть от черноты вóрона. Умер супруг её, потому она /л. 103г/ и подбирает в память о нём два полена дров, чтобы приготовить себе и сыну своему, то есть духу, немного пищи на <последний> путь (viaticum) и умереть вместе со своим супругом [ср. 3 Цар 17, 12]. Но сначала нужно накормить Илию, и из этого теста нового замеса [ср. 1 Кор 5, 7] надлежит испечь в золе малый хлебец. Христос просит у нас первины трудов наших и хочет, чтобы мы не мудрствовали высоко, но соглашались со смиренными [ср. Рим 12, 16, Вульг] и остерегались *закваски фарисейской, которая есть лицемерие* [Лк 12, 1, «Син»; ср. Мф 16, 6]. Простой и смиренный ум и есть тот малый хлеб, испечённый на золе, которого просит у нас Христос.

Но не может у доброй женщины не быть хоть малой толики масла, *ибо радостно дающего любит Бог* [2 Кор 9, 7, Вульг]. Но, сколько бы ни было у неё муки и масла, ей кажется мало, ибо она алчет и жаждет правды [ср. Мф 5, 6]. «Нет у меня», говорит она¹¹, «ничего, кроме пригоршни муки в кадке и малой толики масла в кувшине» [ср. 3 Цар 17, 12]. Пригоршня — невеликая мера; мука — чистое и утончённое сияние¹² веры; кувшин — смиренная и осмотрительная бережливость, дабы ветр гордыни не обратил в прах и не развеял столь великую славу [ср. Пс 7, 6]. Кто понимает, что владеет немногим, должен беречь его тщательнее, дабы не утратить и этого.

Потому, Господи, вóрон и вдовица кормят Тебя в Сарепте Сидонской, ибо про́клятая смоковница засохла в земле иудеев [ср. Мк 11, 21]. Ведь мытари и блудницы опережают фарисеев на пути в Царство небесное [ср. Мф 21, 31]. Ибо в доме фарисея Ты возлежишь наружно, в доме грешницы вкушаешь трапезу внутренне [ср. Лк 7, 37–46]. Питай, Господи, птенца воронов, сына грешников, взывающего к Тебе [ср. Пс 146, 9], *ибо отец мой и мать моя оставили меня* [Пс 26, 10, «Син»], но Ты не оставляешь¹³ уповающих на Тебя [ср. Пс 33, 23].

XII MEDITATIONES

MEDITATIO IV

Indurasti cor nostrum, Domine, indurasti cor nostrum, ne timeremus te. Opposuisti nubem ne transiret oratio. Aufer a nobis, Domine, sicut et promisisti, *cor lapideum, et da nobis cor carneum, ut spiritum tuum ponas in medio nostri.* Spiritus tuus adveniens initium sapientiae, *timorem Domini* quasi basem et fundamentum ponit. Timor autem stabile cor facit, ut domus septemplicis gloriae superaedificata perseveret immobilis. Tu, Domine, nosti quam inquietum est cor meum et instabile, sicut pulvis et velut arena maris, ut quidquid moliar superaedificare, potius in ruinam capitis mei videar coacervare. Quam bene dictum est: *Peccatum peccavit Jerusalem, propterea instabilis facta est; nunc foris, nunc intus, nunc in angulis platearum, garrula et vaga, quietis impatiens, nec valens in domo consistere pedibus suis.* Ecce quam bene depicta est meretricialis vecordia animae meae; et quid faciam? Revertere ad virum tuum priorem, et noli divaricare pedes tuos omni transeunti; propterea enim instabilis et *vilis facta es, nimis iterans vias tuas.* Peccatum peccavit Jerusalem: vias suas nimis iteravit. Redi ergo ad virum tuum priorem, et dic ei: /103v/ *Confige timore tuo carnes meas;* et ille tibi: *Prohibe linguam tuam a malo,* coarce gulam, jugula luxuriam, omnes corporis illicitos motus amputa.

Quicumque sunt Christi carnem suam crucifixerunt. Non satis est hoc: fecerunt hoc philosophi, fecerunt hoc *inanis gloriae cupidi,* faciunt hoc hypocritae, carnem suam crucifixerunt, sed mercedem a Christo non receperunt. Quare? Quia timorem Dei non habuerunt. *Confige timore tuo carnes meas.* Multi carnes suas crucifixerunt non tuo timore sed vanitatis amore. Non satis est hoc: confige timore tuo non solum carnis sed etiam animae luxuriam. Animae luxuria est inanis gloria. *Perdidisti omnem qui fornicatur abs te.* Quid refert perire carnis immunditia an animae luxuria? Ergo non solum carnis sed animae etiam crux tollenda est. Membrorum mortificatio crux carnis est, crux animae timor Dei; timor Dei configit animam ut non eat ad dexteram vel ad sinistram.

Est et tertia crux, spiritus, quae est caritas. *Christo,* ait apostolus, *confixus sum: quis me separabit a caritate Christi?* Ideo nolebat beatus Andreas de cruce deponi. Illa crux, haec est caritas, quae

РАЗМЫШЛЕНИЕ IV

<ТРИ КРЕСТА>

Ожесточил Ты сердце наше, Господи, ожесточил Ты сердце наше, дабы мы не боялись Тебя [ср. Ис 63, 17]. *Ты закрыл Себя облаком, чтобы не доходила молитва наша* [Плач 3, 44, «Син»]. Забери у нас, Господи, как и обещал, сердце каменное, и дай нам сердце из плоти, дабы вложить дух Твой в нас [ср. Иез 36, 26]. Дух Твой, приходя, кладёт подножием и основанием *начало мудрости, страх Господень* [Пс 110, 10, «Син»]. А благодаря страху¹⁴ сердце становится прочным, дабы чертог семикратной¹⁵ славы, возведённый на нём, пребывал непоколебим. Ты, Господи, знаешь, как беспокойно и неустойчиво сердце моё, словно пыль и песок морской, из-за чего всё, что я силюсь на нём воздвигнуть, кажется, скорее нагромождаю на погибель головы своей. Как хорошо сказано: «Грехом согрешил Иерусалим¹⁶, ибо стал непостоянен» [Плач 1, 8, Вульг]; <как блудница>, то на улице, то на площадях, то на углах, болтливая и ветреная, покоя не терпящая, не способная оставаться дома ногами своими» [ср. Притч 7, 10–12, Вульг]. Вот как верно обрисовано блудное безрассудство¹⁷ души моей! И что же мне делать? — Вернись к своему прежнему мужу, не раскидывай ноги свои для всякого прохожего [ср. Иез 16, 25], ибо «ты стала¹⁸ непостоянна и легкодоступна, слишком много бродя туда-сюда по путям своим» [ср. Иер 2, 36, Вульг]. Грехом согрешил Иерусалим: слишком много бродил он туда-сюда по путям своим. /л. 103v/ Вернись же к своему прежнему мужу и скажи ему: «Пронзи страхом перед тобою плоть мою» [Пс 118, 120, Вульг]; а он тебе в ответ: «*Удерживай язык свой от зла*» [Пс 33, 14, «Син»], обуздай чревоугодие, задуши сладострастие, отсеки все недозволенные побуждения тела¹⁹.

Все те, кто принадлежит Христу, распяли плоть свою [ср. Гал 5, 24, «Син»]. Но этого недостаточно: делали так философы, делали так *тщеславные* [Гал 5, 26, Вульг], делают так лицемеры; плоть свою они распяли, а награды от Христа не получили. Почему? Да потому, что страха Божия²⁰ не было у них. «*Пронзи страхом перед Тобой плоть мою*» [Пс 118, 120, Вульг]. Многие плоть свою распинали не из страха перед Тобою, а из любви к суетному. Этого недостаточно: пронзи страхом перед Тобою похоть не только плотскую, но и душевную. Похоть душевная — это тщеславие. Ты погубил всякого, кто блудит (fornicatur) в стороне от Тебя [ср. Пс

XII MEDITATIONES

cor carneum, id est molle et tenerum facit. Unde et per vitulum tenerrimum Christum pro nimia caritate intelligimus crucifixum. Ad illam ergo crucem qui pervenerit, oppositam nubem transit, et in conspectu Dei orationem suam effundit. Unde etiam Moysen in monte Sinai *sex diebus nubes operuit; septimo autem die vocavit eum Dominus de medio caliginis. Erat autem, inquit, species gloriae Domini, quasi ignis ardens, super verticem montis in conspectu filiorum Israel. Ingressusque Moyses medium nebulae, ascendit in montem.* Quid enim per sex dies quibus adhuc nube tegitur Moyses, nisi sex illae virtutes quibus ascenditur ad sapientiam? In solo enim vertice sapientiae ignis caritatis ardentissimae speciem divinae gloriae declarat; et quidquid infra septimum sapientiae gradum est caligo et nubes reputatur. Prima igitur crux per timorem et pietatem et scientiam carnem crucifigat, ut timor lasciviam, pietas jactantiam, scientia nimietatem corrigat. Secunda crux animae fortitudinem, consilium et intellectum possideat, ut fortitudine terreat diabolum, consilio dirigat proximum, intellectu semetipsum. Nam tertia crux haec omnia transcendit, et collecta in unitate caritatis in pace in idipsum dormiens requiescit.

72, 27, Вульг]. Какая разница, от чего погибнуть: от нечистоты плотской или от похоти душевной? Посему нужно нести крест не только плоти, но и души. Умерщвление членов — крест плоти, а крест души — страх Божий; страх Божий²¹ пронзает душу, чтобы не уклонялась она ни вправо, ни влево [ср. Нав 1, 7].

Есть и третий крест, крест духа, и это любовь. «*Я сораспялся Христу*» [Гал 2, 19, «Син»], говорит апостол. «*Кто отлучит нас от любви Христовой?*» [Рим 8, 35, Вульг] Потому святой (beatus) Андрей не хотел, чтобы его снимали с креста. Этот крест — любовь, творящая сердце из плоти, то есть мягкое и нежное. Поэтому и под нежным телёнком [ср. Быт 18, 7] мы разумеем Христа²², распятого из-за Своей преизбыточной любви. Кто придёт к этому кресту, тот проходит сквозь лежащее перед ним облако и изливает молитву свою на виду у Бога [ср. Плач 3, 44]. Поэтому и Моисея на горе Синай в течение шести дней скрывало облако, а на седьмой день Господь призвал его из самой середины облака. И был вид славы Господней в глазах сынов Израиля словно огонь, пылающий на вершине горы. И Моисей вступил в самую середину облака и вззошёл на гору [ср. Исх 24, 15–18]. Что же <нужно понимать> под шестью днями, в течение которых Моисей всё ещё скрыт облаком, как не те шесть добродетелей, благодаря которым восходят к мудрости? [ср. Ис 11, 2–3] Ибо лишь на вершине мудрости огонь самой пылкой любви являет вид Божественной славы, а всё, что лежит ниже седьмой ступени мудрости, есть мгла и считается облаком. Итак, первый крест распинает плоть посредством страха, благочестия и познания, дабы страх исправил распушенность, благочестие — хвастовство, а познание — чрезмерность. Второй крест пусть обладает крепостью души, советом и разумением, дабы крепостью утратить дьявола, советом наставить²³ ближнего, а разумением — самого себя. Ибо третий крест превосходит всё это, и <душа>, собранная в единстве любви, почиет сном в мире, в Нём Самом²⁴ [ср. Пс 4, 9].

MEDITATIO V

In principio, Domine, coelum et terram fundasti hoc est angelicam et humanam creasti naturam; sed facta hac mentione de angelis, ad solum hominem sermo tuus convertitur. *Terra autem*, inquit, *erat inanis et vacua, et tenebrae erant super faciem abyssi*. Videmus, Domine, et praesto est /f. 104r/ nostris sensibus magna haec et mirabilis machina mundi, quae sua pulchritudine et magnitudine sapientiam et virtutem et bonitatem tuam immensam, incomprehensibilem et aeternam praedicare non cessat. Verum et hoc quamvis omnem sensum et facundiam mortalium superet ad novum potius coelum et novam terram quae tu modo creare te asseris aciem mentis intendere libet.

Dicis enim in evangelio tuo quia *Pater meus usque modo operatur et ego operor*. Quid nisi novum coelum et novam terram? De abyssis enim terram formas, et de terra coelos. Peccator abyssus est, sed cum *de tenebris facis lumen splendescere* ut *abjiciant opera tenebrarum et induantur arma lucis*, novum coelum et novam terram creasse cognosceris. Ecce animadverto, Domine, quia terra mentis meae adhuc inanis et vacua est, et tenebrae super faciem abyssi. Inanis est, quia fluitat misera inquietudine per inania nugarum et fantasmatum suorum, vacua bonorum operum fructibus, vel sicut alia translatio habet, invisibilis et incomposita. Est enim velut quoddam chaos confusione sua teterrimum et involutum, ignorans tam finem suum quam principium et naturae suae modum, nisi quod se a summo creatore de nihilo mirabiliter factam esse credit, et post hanc vitam vel ad inferos pro suis meritis vel ad coelos pro misericordia sui auctoris transferendam. Incomposita sane est, quia virtutum decorem et divinae imaginis cui simulata est speciem non servat. Ideo in abyssum caecitatis suae reconditur, et tenebris illusionum suarum facies illius obscuratur.

Talis est anima mea, Deus meus, talis est anima mea: terra inanis est et vacua, invisibilis et incomposita, et tenebrae super faciem abyssi. Verumtamen *dat* etiam *abyssus vocem suam*, et abyssus inferior et obscura invocatur abyssum superiorem, te qui exsuperas omnem sensum; invocatur te, Domine, abyssus mentis meae, ut etiam de me novum coelum et novam terram crees.

ДВЕНАДЦАТЬ РАЗМЫШЛЕНИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЕ V

<ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ТВОРЕНИЕ>

В начале создал Ты, Господи, небо и землю²⁵ [ср. Быт 1, 1], то есть сотворил природу ангельскую и человеческую; однако после этого упоминания²⁶ об ангелах речь Твоя обращается только к человеку. «А земля», говорит <Писание>, «была никчёмна и пуста, и тьма была над лицом бездны» [ср. Быт 1, 2]. Видим мы, Господи, /л. 104г/ и вполне доступно чувствам нашим это величественное и дивное мироустройство²⁷, красою своею и величием своим непрестанно проповедующее непостижимую и вечную мудрость, силу и доброту Твою. Верно и то, что, даже превосходя всякую способность смертных к восприятию и красноречию, оно хочет устремить внимание ума²⁸ скорее к новому небу и к новой земле, которые, по утверждению Твоему, творишь Ты прямо сейчас [ср. Ис 65, 17; 66, 22; 2 Петр 3, 13].

Ибо в Евангелии Своём Ты говоришь: «*Отец Мой доныне трудится, и Я тружусь*» [Ин 5, 17, Вульг]. — Над чем же, если не над новым небом и новой землёй? Ибо из бездн образует Ты землю, а из земли — небо [ср. Быт 1, 6–10]. Грешник — это бездна, но, когда Ты *из тьмы* заставляешь *воссиять свет* [2 Кор 4, 6, «Син»], чтобы отвергли дела тьмы и облеклись в оружие света [ср. Рим 13, 12], Ты даёшь понять, что сотворил новое небо и новую землю. Но вот я замечаю, Господи, что земля души²⁹ моей до сих пор никчёмна и пуста и лежит над лицом бездны [ср. Быт 1, 2]. Никчёмна она, поскольку из-за беспокойства носится, бедная, по своим никчёмным безделицам и вымыслам, пуста она из-за отсутствия плодов добрых дел — или, же, как говорится в другом переводе, она лишена вида и не устроена³⁰. Она, словно некий хаос, из-за мешанины своей отвратительнейший и запутанный, не ведает ни конца своего, ни начала, ни порядка природы своей³¹ — разве только верит³², что чудесным образом была создана Творцом своим из ничего и после сей жизни будет перенесена либо в преисподнюю, по заслугам своим, либо на небеса, по милосердию своего Родителя. Конечно, она не устроена, ибо не хранит ни красоты добродетелей, ни вида того Божественного образа, которому была уподоблена [ср. Быт 1, 26]. Потому упрятана³³ она в бездну своей слепоты, и мраком её заблуждений затемняется³⁴ лик её.

Такова душа моя, Боже мой, такова душа моя: земля никчёмная и пустая, невзрачная и неустроенная, и тьма лежит на

XII MEDITATIONES

Hoc invocabat David, et nos cum David invocamus: *Cor mundum crea in me, Deus, spiritum rectum innova in visceribus meis*. Jam aliquid factum esse sciebat, sed novam creaturam, novum coelum et novam terram se fieri poscebat. *Auribus nostris audivimus, et patres nostri narraverunt nobis opus quod operatus es in diebus eorum*. Hoc opus est unde dicis: *Pater meus usque modo operatur, et ego operor. Finxisti enim sigillatim corda eorum*, creans in eis lucem et dividens lucem a tenebris, appellans lucem diem et tenebras noctem. Hoc est opus quod operatus es in diebus eorum. Horum dierum senex Abraham et alii quam plures pleni fuisse memorantur, sicut et illi quibus dicebat apostolus: *Fuistis aliquando tenebrae, nunc autem lux in Domino*.

O creator optime, si usque modo operaris opus hoc quod operatus es in diebus antiquis, quare etiam in anima mea opus hoc non operaris? Anima mea /f. 104r/ inanis et vacua est, et tenebrae super faciem abyssi. Dic ut fiat lux et fiet lux. Hoc opus in Lazaro et in Paulo operatus es. *Illius facies sudario ligata erat*, quia tenebrae erant super faciem abyssi; hujus *ab oculis* cum baptizaretur *tanquam squamae ceciderunt*, ut *revelata facie gloriam Domini specularetur*. Istae sunt squamae quae cor meum assidue coram te faciunt dormire. Propter has etiam apostoli in agone dormitabant: *Erant enim*, inquit, *oculi eorum gravati*.

Sed *jam hora est*, Domine, *nos de somno surgere*, tuba tua crebrius intonante: *Surge qui dormis, et exsurge a mortuis, et illuminabit te Christus. Illumina*, Domine, *tenebras meas*, dic animae meae: *Fiat lux*; et fiet lux.

лице бездны. И всё же подаёт бездна голос свой [ср. Авв 3, 10], и тёмная бездна внизу вызывает к бездне вверху [ср. Пс 41, 8], то есть к Тебе, превосходящему всякое разумение [ср. Флп 4, 7]; вызывает к Тебе, Господи, бездна души моей, чтобы и из меня создал Ты новое небо и новую землю.

Об этом взывал Давид, и мы взываем с Давидом: *«Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня»* [Пс 50, 12, «Син»]. Он уже знал, что нечто было сотворено, но просил о том, чтобы стать новым творением, новым небом и новой землёй. Слышали мы ушами своими, и отцы наши рассказывали нам о том деле, которое сотворил Ты во дни их [ср. Пс 43, 2]. Это дело (opus), о коем Ты говоришь: *«Отец Мой доньше трудится (operatur), и Я тружусь»* [Ин 5, 17, Вульг]. Ибо Ты вылепил их сердца, все по отдельности [ср. Пс 32, 15, Вульг], сотворив в них свет и отделив его от тьмы, и назвал *свет днём, а тьму ночью* [Быт 1, 3–5, «Син»]. Вот дело, сделанное Тобою в их дни. Упоминается, что старец Авраам и многие другие были полны ими [т. е. днями], равно как и те, кому апостол говорил: *«Когда-то вы были тьмой, а теперь — свет в Господе»* [ср. Еф 5, 8].

О наилучший Создатель, если до сих пор Ты делаешь то дело, какое сделал во дни древние [ср. Пс 43, 2], почему же не делаешь Ты этого дела и в моей душе? Душа моя никчёмна /л. 104v/ и пуста, и тьма над лицом бездны. Скажи, чтобы был свет — и будет свет [ср. Быт 1, 3]. Это дело сделал Ты в Лазаре и в Павле. Лицо его было обвязано платком [ср. Ин 11, 44], ибо тьма лежала над лицом бездны; с очей его, когда он окрестился, как будто бы спала чешуя [ср. Деян 9, 18], дабы с открытым лицом воззрел он на славу Господню³⁵ [ср. 2 Кор 3, 18]. Вот та чешуя, что непрестанно заставляет сердце (cor) моё дремать пред (coram) Тобою. Из-за неё³⁶ и апостолы уснули во время борения³⁷: *«Ибо глаза у них»*, говорит <Писание>, *«отяжелели»* [ср. Мф 26, 43].

Но наступил уже час, Господи, *пробудиться нам ото сна* [Рим 13, 11, «Син»], ибо труба Твоя звучит всё чаще: *«Встань, спящий, и воскресни из мёртвых, и осветит тебя Христос»* [Еф 5, 14, «Син»]. Освети, Господи³⁸, тьму мою [ср. Пс 17, 29], скажи душе моей: *«Да будет свет!»* — и будет³⁹ свет [ср. Быт 1, 3].

XII MEDITATIONES

MEDITATIO VI

Defluerunt aquae meae et divisae sunt ab aquis superioribus; defluerunt usque ad inferiora terrae et congelatae sunt a facie aquilonis. Aquilo ventus durissimus congelavit eas: fluere non possunt neque redire ad principium suum, ut iterum melius et melius fluant. Surge, aquilo, recede a me, fugiantque tecum nubes et grandines *et procellarum spiritus*. Propter te auster mitissimus flare moratur. *Surge, aquilo, et veni, auster*, veni a meridiano lumine, solve glaciem animae meae ut recurrat ad superiora originis suae. Defluxit enim ad lacum putredinis, et facta est luto similis. *Quae nutrita erat in croceis, amplexata est stercora*. Veni, auster, et fla, et calore tuo me subleva.

Tu enim ab initio mundi ferebaris super aquas quae super coelos sunt, dono tuo supereminenti retinens eas superius, ne defluerent cum his qui non servaverunt domicilium. Suspende et meas aquas vocis tuae suavitate attonitas, quia *suspensum tuum elegit anima mea*. Superfer et nos super aquas inferiores quae sunt sub firmamento, ut pertrahas nos ad laudes sublimis Dei, et intelligamus hoc quod canimus in psalmo: *Vox Domini super aquas, Deus majestatis intonuit, Dominus super aquas multas*. Contremiscant aquae nostrae a sonitu tonitruī tui, ut exhalantes nebulas calor tuus absorbeat, et excoctis faecibus vitrea puritate reniteant, *et lumen vultus tui quod signatum est super nos* evidens appareat. Assiduo calore, Domine, supercoelestes aquae duruerunt in crystalli fortitudinem; jam deorsum fluere non possunt, percussaeque altissimi solis spiculo scintillas ardentes invicem projiciunt: *Sanctus, sanctus, sanctus, Dominus Deus Sabaoth*; hoc ineffabile canticum vox tua docuit eas personare. Ad hanc vocem ambulant animalia, ambulant pariter et rotae sequentes ea. *Vox enim tonitruī tui in rota*, unde *illuxerunt coruscationes tuae orbi terrae; commota est et contremuit terra*, quia *in mari /f. 105r/ via tua, et semitae tuae in aquis multis*.

РАЗМЫШЛЕНИЕ VI
<ВОДЫ ПЕРВЫЕ И ВТОРЫЕ>

Низверглись воды мои и были отделены от вод вышних; низверглись они вплоть до низин земли [ср. Быт 1, 7] и замёрзли пред лицом Аквилона. Аквилон, жесточайший ветер, застудил их: ни потечь они не могут, ни вернуться к началу своему, чтобы снова течь лучше и лучше. Поднимись, Аквилон, отдались от меня, и пусть убегут с тобою облака, град и *дуновение бури* [Пс 148, 8, Вульг]. Из-за тебя медлит повеять нежнейший Австр. Поднимись, Аквилон, и принеси, Австр [ср. Песн 4, 16, Вульг], приди от полуденного светила, растопи лёд души моей, дабы вернулась она к высотам своего происхождения. Ибо она стекла в гнилое болото и уподобилась грязи. Та, что была воспитана в пурпурных одеяниях, полюбила навозные кучи [ср. Плач 4, 5, Вульг]. Приди, Австр, и повеяй, и теплом своим принеси мне облегчение.

Ибо ты с начала мира носился над водами наднебесными [ср. Быт 1, 2], сверхпревосходящим даром своим удерживая их наверху, дабы не низринутись они с теми, кто жилища не сохранил [ср. Иуда 6]. Поддержи (*suspende*) и мои воды, поражённые сладостью гласа Твоего, ибо поддержание (*suspendium*) Твоё предпочла душа моя [ср. Иов 7, 15, Вульг]. Пронеси и нас над водами дольными, что <лежат> под небосводом, дабы привлечь нас к похвалам Богу всевышнему, чтобы постигли мы то, что поём в псалме: «*Глас Господень над водами; Бог славы возгремел, Господь над водами многими*» [Пс 28, 3, «Синн»]. Да содрогнутся воды наши от грохота грома твоего, дабы жар твой впитал в себя поднявшиеся облака пара; и чтобы, когда вся муть выпарится, <воды> заблистали кристальной чистотою⁴⁰ и стал явственно виден свет лика Твоего, напечатленный на нас [ср. Пс 4, 7, Вульг]. Благодаря непрестанному жару, Господи, воды наднебесные затвердели до прочности хрусталя; низвергнуться вниз они уже не могут; и когда луч солнца Всевышнего ударяется в них, они друг за другом дают яркие отблески: «Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф!» [ср. Ис 6, 3] — распевать сию неизреченную песнь научил их глас Твой. Под этот глас движутся⁴¹ животные [ср. Иез 1, 19], равным образом движутся за ними вслед и колёса [rotae: ср. Иез 1, 15]. Ибо *Глас грома Твоего в колесе (rota)*, отчего *возблистали вспышки Твои кругу земному* [Пс 76, 19, Вульг]; *сотряслась и заколебалась земля* [Пс 17, 8, Вульг], *ибо в море путь Твой, /л. 105г/ и тропы Твои в великих водах, и следы Твои неведомы* [Пс 76, 20, Вульг].

XII MEDITATIONES

Revertere, anima mea, revertere ad originem tuam, suspira ad Deum fontem vivum, memorans illud assidue: *Quando veniam et apparebo ante faciem Dei mei?* Sint tibi interim *lacrimae panes die ac nocte*, et *ne abundantiori tristitia absorbearis*, confortare aliquando et dic: *Quare tristis es anima mea, et quare conturbas me? Spera in Deo, quoniam adhuc confitebor illi, salutare vultus mei et Deus meus.*

Возвратись, душа моя, возвратись к началу⁴² своему, тоскуй по Богу, источнику живому, непрестанно вспоминая эти <слова>: «Когда приду я и явлюсь пред лицом Бога моего?» [ср. Пс 41, 3, Вульг]. А пока что да будут тебе слёзы хлебом денно и ночью [ср. Пс 41, 4] и, дабы не поглотила тебя чрезмерная скорбь⁴³ [ср. 2 Кор 2, 7], крепись иногда и молви: *«Отчего печальна ты, душа моя, и зачем тревожишь меня? Уповай на Бога, ибо я ещё буду прославлять Его: “Спасение лица моего и Бог мой!”»* [Пс 41, 12; 42, 5, Вульг].

MEDITATIO VII

Domine Deus Abraham, occurre mihi hodie, obsecro, et fac misericordiam cum indigno peccatore tuo. *Igitur puella illa cui dixero: Da mihi bibere, et illa responderit: Bibe, quin et camelis tuis potum tribuam, ipsa est quam praeparavit Dominus filio Domini mei.* Et ecce Rebecca veniebat, *virgo facie pulchra nimis et viro incognita.* O virgo virginum, Domina mea, facie pulcherrima, *in quam concupiscunt et angeli prospicere,* verte, obsecro, virgineos oculos tuos super me, ut laboranti et arenti linguae meae vel unam guttam aquae per extremum digiti tui de hydria tua digneris infundere. Scio, Domina, scio quam inaestimabili benignitatis affectu quemlibet fidelem summi Abrahae servum respicias, ut non solum petenti viro sed etiam camelis ejus misericordiae tuae potum tribuas. Vere, Domina, tu es illa speciosa nimis puella, quae non solum virgo es sed etiam viro incognita. Ille enim vir pessimus, corruptor mentium, sancti Spiritus qui cor tuum impleverat luce perterritus, longius semper fugit a te. *Tota pulchra es, et macula non est in te;* facie pulcherrima, corpore integerrima, spiritu sanctissima, et quod in te perfulgidum est, miserorum necessitatibus subvenire paratissima. Tu es enim quae prima hauris de altissimo fonte misericordiae, et portas hydriam tuam gratiae plenam super humerum fortissimae intelligentiae tuae.

Quid ergo fecit illa puella quae typum tuum, Domina, praeferebat? *Cito,* inquit, *deposuit* de humero suo *hydriam super ulnam suam,* nec contenta petenti viro dare: *Quin etiam,* inquit, *et camelis tuis potum tribuam;* quod est, beatissima, dabis mihi camelo peccatori gibboso, deformi et tortuoso, potum de hydria tua. Vere supra quam rogare, sperare aut cogitare possumus compatiens es tu miseriis nostris. Deponis enim de altissima scapula hydriam tuam super humilem et flexibilem ulnam tuam, ut *inundatio camelorum operiat te,* et mansuescant in domo patris tui cum laveris eis pedes, pabulumque et stramenta procuraveris. O virgo forma simul et virginitate pulcherrima, et mihi, obsecro, potum da, et provide hac nocte locum mansionis, quoniam apud te, sicut dicis, *spatiosus est ad habitandum locus.* Terra ista morientium angusta est, et litigant inde homines: Mea est terra, meae sunt aquae, mea est silva. Tecum

РАЗМЫШЛЕНИЕ VII

<ДЕВА: ЖАЖДА>

Господи, Боже Авраама, приди ко мне ныне, умоляю, и яви милосердие недостойному рабу Своему. Ибо девица, которой я скажу: «Дай мне напиться» [ср. Быт 24, 14; Ин 4, 7], а она ответит: «Пей, я и верблюдам твоим дам питья» [ср. Быт 24, 14], — та, которую Господь приуготовил Сыну Господа моего⁴⁴ [ср. Быт 24, 44]. И вот пришла Ревекка, девица, весьма красивая лицом, которую не познал муж [ср. Быт 24, 16]. О Дева дев, о Госпожа моя, прекраснейшая лицом, рассмотреть Которую желают даже ангелы! [ср. 1 Петр 1, 12] Умоляю, обрати девственные очи Свои на меня и соблаговоли поднести на кончике перста хотя бы каплю воды из Своего кувшина к языку моему, страждущему и пылающему! [ср. Лк 16, 24] Ведаю, Госпожа, ведаю, с какой неопенимо благосклонной любовью взираешь Ты на всякого верного раба вышнего Авраама⁴⁵: не только самому просящему, но даже верблюдам его даёшь Ты напиток милосердия Своего. Воистину Ты, Госпожа — та чрезвычайно красивая девица, которая не только дева, но и мужем не познана. Ибо тот негоднейший муж, развратитель душ, устрашённый светом Святого Духа, наполнившим сердце Твоё, всегда убегает⁴⁶ подальше от Тебя. Вся Ты прекрасна, и нет на Тебе ни пятнышка [ср. Песн 4, 7]: ликом прекраснейшая, телом чистейшая, духом святейшая — и, что в Тебе самое блистательное, охотно готова Ты придти на помощь бедствующим. Ибо это Ты первой черпаешь из глубочайшего источника милосердия и несёшь кувшин Свой, полный благодати, на плече Своего могущественного разумения.

Ибо что сделала девица, послужившая Твоим, Госпожа, прообразом? «Тотчас», говорит <Писание>, «сняла с плеча своего кувшин на руку свою», не довольствуясь тем, чтобы дать <воды> просящему: «Что же», сказала <она>, «я и верблюдам твоим дам напиться» [ср. Быт 24, 18—19]. А это значит, Пресвятая, что мне, верблюду-грешнику, горбтому, безобразному и коварному, дашь Ты питья из кувшина Своего. Воистину Ты сострадаешь бедствиям нашим сильнее, нежели мы можем просить, уповать или помыслить. Ибо с горнего плеча Своего снимаешь Ты кувшин Свой на дольную и податливую руку Свою, дабы несметное стадо верблюдов скрыло Тебя [ср. Ис 60, 6], чтобы приручились они в доме Отца Твоего, когда Ты омоешь им ноги [ср. Быт

XII MEDITATIONES

/f. 105v/ autem spatiosus ad manendum locus est. Ecce projectus sum foras ad devorandum bestiis et avibus; non est qui consoletur me ex omnibus caris meis, nisi tu quae sola post Deum laborem et dolorem consideras. Introduc me, mater misericordiae, in domum patris tui, ne foris stem et urar gelu et frigore, timoresque noctis patiar. Introduc me, ut lotis pedibus meis accumbam cum camelis tuis, *donec illucescat dies et inclinentur umbrae*, et reducas nos ad sponsum tuum Isaac, qui meditatur in agro suo die ac nocte, praestolans adventum tuum, cum reduceris ei una tecum jumenta sua, camelos portantes aromata. Vere enim tu illa es *quam praeparavit Dominus filio Domini mei* in matrem et sponsam et sororem. Dominus, inquit, praeparavit. Prae cunctis enim electa es et praelecta, *gratia plena, Dominus tecum*. Dominus Deus pater Domino Deo filio suo te praeparavit, ut et tu praepares nos sibi. Dignata insidere dorso supplicantis tibi cameli, et ipsum nobis praepares et placabilem facias, cum surrexerit *percutere terram virga oris sui*.

24, 32], приготовишь пищу и подстилку. О Дева, прекраснейшая видом и девственностью!⁴⁷ Умоляю, дай и мне питья, и предоставь на эту ночь место для ночлега, ибо у Тебя, как Ты говоришь, «есть много места для стоянки» [ср. Быт 24, 25, Вульг]. Сия земля умирающих тесна, потому и тяжутся люди друг с другом: «Это моя земля, это мои воды, это мой лес!» /л. 105v/ А с Тобой есть много места для стоянки. Вот выброшен я наружу на съедение зверям и птицам [ср. Иез 39, 4]; никто из тех, кто мне дорог, меня не утешит [ср. Плач 1, 2] — разве только Ты Одна после Бога взираешь на тяготы и горести [ср. Пс 9, 35, Вульг; 10, 14, «Син»]. Введи меня, Матерь милосердия, в дом отца Своего, чтобы не стоять мне снаружи, коченея от мраза и хлада, не терзаться ночными страхами. Введи меня, чтобы, омыв ноги свои, возлёг⁴⁸ я с Твоими верблюдами, покуда не станет светать [ср. Притч 7, 18; 2 Петр 1, 19, Вульг] и не рассеются тени [ср. Песн 2, 17; 4, 6, Вульг], и тогда Ты отведёшь нас к жениху Своему Исааку⁴⁹, размышляющему денно и нощно на поле своём [ср. Быт 24, 63], ожидая прихода Твоего, когда приведёшь Ты к нему вместе с Собою Свой вьючный скот: верблюдов, несущих благовония [ср. Быт 37, 25; 3 Цар 10, 2]. Ибо Ты воистину Та, которую приуготовил Господь Сыну Господа моего [ср. Быт 24, 44] как мать, супругу и сестру. «Господь приуготовил», гласит <Писание>. Ибо перед всеми Ты избрана и предызбрана, *благодати полная, Господь с Тобою* [Лк 1, 28, Вульг]. Господь Бог Отец приуготовил Тебя Господу Сыну Своему, дабы и Ты приуготовила нас Себе. Соболаволившая воссесть на спине верблюда, склонившегося пред Тобою, приуготовь нам Сына и внуши Ему благосклонность, когда восстанет Он, чтобы поразить землю жезлом⁵⁰ уст Своих [ср. Ис 11, 4].

XII MEDITATIONES

MEDITATIO VIII

Ciba nos, Domine, sicut promisisti haereditati patris nostri Jacob, *replens omne animal benedictione spirituali de rore coeli et de pinguedine terrae, abundantia frumenti, vini et olei tui*. Frumentum caro tua est, vinum sanguis, oleum Spiritus sanctus. Ista nobis benedictio de coelo roravit, ista benedictione terra nostra impinguata est, quae aliquando maledicta est in opere Adam. Sed de hoc frumento nihil Adam sevit in terra. Ros enim coeli *sicut pluvia descendit in vellus, et sicut stillicidia stillantia super terram*, in virgine sicut pluvia, in populis sicut stillicidia. O gratia plena, de pinguedine ventris tui *benedicuntur omnes tribus terrae*. A summo coelo sicut pluvia in te descendit gratia, de te autem quasi de sublimi tecto super terram nostram stillant ejusdem gratiae stillicidia.

O *domus eburnea*, regale palatium *cedrinis tabulis* compactum et in immensum prospiciens, quantas in te divitias contines! Vere tu ille *grandis de ebore thronus* Salomonis, cui *non fuit simile opus in universis regnis*. *Fulvo auro* purissimae sapientiae *vestiris, rotunda es in posterioribus* integerrimae virginitatis. Tu *sex active gradibus* superascendens, in septimo contemplativae quietis sedem pacifici regis attollis. *Stant hinc inde altrinsecus super gradus duodecim leunculi*, prophetae et apostoli, fortissimi patres utriusque testamenti, innixi meritis tuis, quasi parvuli stupentes admirando super ascensionibus tuis. *Quae est ista*, inquit, *quae progreditur sicut aurora consurgens, pulchra ut luna, electa ut sol, terribilis ut castrorum acies ordinata*? Porro *duae manus hinc inde tenent sedile*, quia *laeva ejus sub capite tuo, et /f. 106r / dextera ejus amplexatur te*. *Stant et duo leones juxta brachiola*, Gabriel archangelus et Johannes evangelista, quorum alter dexteræ tuæ, alter sinistrae custos deputatus est; unde Gabriel bene fortitudo Dei et Johannes *Boanerges, hoc est filius tonitru*i interpretatur propter rugitum altisonae vocis.

O magnum, o admirabile, o incomparabile opus sapientissimi regis! Parum est, Domina, ut te admirentur leones et leunculi qui sunt in terra: omnis te curia coelestis longe supra se stupent, et admirantur in te opera digitorum Dei. O gratia plena, quid est quod bajulas in sinu tuo? Dominus est, *ego ancilla Domini*. *Fecit mihi magna qui potens est*;

РАЗМЫШЛЕНИЕ VIII

<ДЕВА: ДУХОВНОЕ ПЛОДОРОДИЕ, ЧЕРТОГ, БЛАГОУХАНИЕ>

Напитай нас, Господи, как обещал Ты потомству отца нашего Иакова: наполняя всё живущее благословением [ср. Пс 144, 16, Вульг] духовным *от росы небесной и от тука земли* [Быт 27, 28, «Син»], изобилием хлеба, вина и масла Своего [ср. Пс 4, 8; Быт 27, 28]. Хлеб — это Плоть Твоя, вино — Кровь, масло — Святой Дух. Благословение это оросило нас с неба⁵¹, благословением этим утучнилась⁵² земля наша, проклятая некогда из-за проступка Адама [ср. Быт 3, 17]. Но Адам никогда не сеял этого хлеба на земле. Ибо роса небесная сходит, словно дождь на руно⁵³, словно капли, каплющие на землю [ср. Пс 71, 6, Вульг]: в Деве — словно дождь, в народах — словно капли. О, благодати полная, тучностью чрева Твоего благословятся все племена земли [ср. Пс 71, 17]. С самого неба нисходит на Тебя благодать, словно дождь, а с Тебя, будто с высокой кровли, каплют на землю нашу капли той же самой благодати.

О чертог из кости слоновой [ср. 3 Цар 22, 39], царский дворец, весь выложенный кедровыми дощечками [ср. 3 Цар 6, 18, Вульг; 3 Цар 6, 18, Вульг] и взирающий в бесконечность, сколько же в Тебе сокровищ! Воистину, Ты — Соломонов *большой престол из слоновой кости*⁵⁴, подобного коему не бывало ни в одном царстве. Облекаешься Ты в червонное золото чистейшей мудрости, округла Ты со спины никем не тронутой девственности [ср. 3 Цар 10, 18–20; 2 Пар 9, 17–19]. Взойдя деятельно по шести ступеням, на седьмой воздвигаешь Ты царю-миротворцу престол созерцательной благодати⁵⁵. Там и сям на ступенях с обеих сторон стоят двенадцать львов [ср. 3 Цар 10, 20], пророки и апостолы, сильнейшие отцы обоих Заветов, опираясь на заслуги Твои и дивясь, словно дети, восхождению Твоему. «Кто это», говорят они, «идушая, словно восходящая заря, прекрасная, как луна, избранная, как солнце, грозная, как войско в боевом порядке?» [ср. Песн 6, 9, Вульг] Далее, две «руки» (*manus*) с обеих сторон держат сиденье [ср. 3 Цар 10, 19], ибо шуйца Его у Тебя под главою, а десница Его обнимает Тебя [ср. Песн 6, 9, Вульг]. Стоят и два льва возле «рук»: архангел Гавриил и евангелист Иоанн; один из них приставлен охранять тебя справа, другой — слева; потому <имя> «Гавриил» верно толкуется как «Сила Божия», а Иоанн — «Воанергес», то есть «Сын Грома», из-за громогласного рыка.

merito miranda, quia magna, sed potens est qui fecit mihi magna. Dominus est, ego ancilla: ille ros, ego terra, inde frumentum: ille manna, ego vas, inde vermiculus. *Ego, inquit, sum vermis et non homo: homo enim sicut foenum*, iste frumentum. De rore coeli et de virgine terra crevit frumentum. Magna sunt, sed potens est qui fecit. Unum granum frumenti de me nascitur, et de abundantia frumenti dicitur: *Si autem mortuum fuerit, multum fructum affert*. Moriens autem, abundantiam vini dedit; resurgens et ascendens, *oleum effudit, quem effudit*, inquit apostolus, *in nos abunde*. Ecce abundantia frumenti, vini et olei de rore coeli et de pinguedine terrae. O pinguedo terrae, gratia plena: sicut adeps a carne, sic separata es a massa peccatrice, gratia plena, plena frumenti, plena vini, plena olei, plena et superabundans omnibus donis Spiritus sancti. *Dominus tecum*: tecum in cubiculo cordis, tecum in thalamo ventris; tecum manet, tecum perseverat, et nunquam a te recedit. *Dominus tecum*: quid est tecum? Dominus una tecum natura est, omnino super angelos elevanda. Habitat in angelis Deus, non cum angelis; habitat Deus in te, habitat tecum. Sedet super angelos Deus, *sedet super thronos, sedet super cherubim* et seraphim, sedet et regnat in omnibus his, sed in universis regnis non est opus simile sicut thronus iste de ebore grandis. *Benedicta tu in mulieribus*. Plenitudo gratiae quem habes redundat super terram et inebriat eam, *multiplicans genimina ejus; in stillicidiis ejus laetabitur germinans, et beatam te dicent omnes generationes*.

Benedicta tu in mulieribus. Parum est benedicta super viros: *mulieres in dolore pariunt, viri in sudore vultus pane suo vescuntur*. Tu sine dolore paris, sine labore vesceris. Adhuc parum est, benedicta super angelos: angeli pascuntur a Deo, Deum pascere non dicuntur. Tu benedicta pascis et te et angelos pascentem. *Et benedictus fructus ventris tui*, per quem et mulieres et viri et angeli sunt benedicti; et tu super omnes benedicta, quia *multae filiae congregaverunt divitias, tu supergressa es universas*. Fructum enim ventris tui *unxit Deus oleo laetitiae prae participibus suis* /f. 106v/ *et de plenitudine ejus omnes accepimus*: tu autem super omnes abundantius accepisti.

Merito cogitabas, o Domina, qualis esset ista salutatio nova et mirabilis et digna quam tu cogitares. Nulla mens excogitare sufficit: de paradiso tibi allata est. Talem terra nostra germinare nescit. Cogita qualis est, olfac odorem, gusta saporem. Pomum est de ligno vitae

О великое, дивное, несравненное творение мудрейшего царя! Мало того, что Тебе, Госпожа, дивятся все львы и лвята на земле: весь небесный Двор⁵⁶ до крайности Тебе изумляется и дивится в Тебе делам перстов Божиих [ср. Пс 8, 4]. О благодати полная, что же несёшь Ты в лоне Своём? — *Это Господь* [Ин 21, 7, «Син»], а Я — *Раба Господня* [Лк 1, 38, «Син»]. *Сотворил Мне величие Тот, Кто Могуц* [Лк 1, 49, Вульг]; по праву дивятся Мне, ибо Я величественна, но могуч Тот, Кто сотворил Мне величие. Он — Господь, Я — Раба; Он — роса, Я — земля, отсюда и хлеб; Он — манна, Я — сосуд, отсюда и червь [ср. Исх 16, 20; Лев 14, 4—5; 49—52]. “*Я червь*”, говорит Он, “*а не человек*” [Пс 21, 7, «Син»], *ибо человек — словно трава* [Пс 102, 15, Вульг], а Он — словно хлеб. Из росы небесной и девственной земли вырос⁵⁷ хлеб. Велико это дело, но могуч Тот, Кто его совершил. Одно зерно хлеба из меня рождается, но об изобилии хлеба говорится: “*Если же оно умрёт, то приносит много плода*” [Ин 12, 25, Вульг]. Умирая, дал вина в изобилии; воскреснув и вознесшись, излил <благовонное> масло [ср. Песн 1, 2], и «*излил на нас обильно*» [Тит 3, 6, «Син»], как говорит апостол. И вот — изобилие хлеба, вина и масла *от росы небесной и от тука земли* [Быт 27, 28, «Син»]. О тук земли, о благодати полная! Как тук <отделён> от мяса [ср. Сир 47, 2], так Ты отделена от громады грешников, благодати полна, полна хлеба, полна вина, полна масла, в преизбытке полна всех даров Святого Духа. *Господь с Тобою* [Лк 1, 28, «Син»]: с Тобою — в горенке сердца, с Тобою — в чертоге чрева; с Тобою Он пребывает, с Тобою остаётся и никогда от Тебя не отходит. Господь с Тобою; что значит — «с Тобою»? Господь — одной с Тобою природы, превозносимой куда выше ангелов. Обитает в ангелах Бог, а не с ангелами; обитает Бог⁵⁸ в Тебе, обитает с Тобою. Восседает на ангелах Бог, восседает на престолах [ср. Пс 9, 5], *восседает на херувимах* [Пс 98, 1, «Син»; ср. Дан 3, 54] и серафимах, восседает и правит⁵⁹ ими всеми, но ни в одном царстве нет произведения, подобного этому великому престолу из кости слоновой [ср. 3 Цар 10, 18].

Благословенна Ты между женами [Лк 1, 28, «Син»]. Полнота благодати Твоей изливается на землю и напояет её [ср. Ис 55, 10], умножая⁶⁰ порождения её; каплям её возрадуется порождающая [ср. Пс 64, 11, Вульг], и блаженной назовут Тебя все поколения [ср. Лк 1, 48, Вульг]. Благословенна Ты между женами. Мало того: благословенна ты превыше мужей: жены в муках рожают [ср. Быт 3, 16], мужи питаются хлебом своим в поте лица своего [ср. Быт 3, 19], а Ты порождаешь без мук, вкушаешь пищу без труда. И этого мало: благословенна Ты

XII MEDITATIONES

sumptum: comede et vives in aeternum. Immo et fructum germinabis quem quicumque comederit *non morietur in aeternum*. Vide etiam qui attulerit: non serpens sed angelus, non coluber tortuosus sed Gabriel speciosus: *Ave*, inquit, *gratia plena*. Quam suave redolebas angelo, *cella aromatica*, paradisi deliciarum; quam suave redolebat ager tuus plenus cui benedixit Dominus, cujus odore refectus aiebat: *Ave gratia plena*. Videbat jam in accubito suo regem quem adorans indicabat: *Dominus tecum*. Senserat per totam mundi latitudinem tantae benedictionis respergendam esse fragrantiam, cum subjecit: *Benedicta tu in mulieribus*; immensum quoque praemium quod cohaeredibus suis filius tuus in fine daturus est intuens, conclusit: *Et benedictus fructus ventris tui*.

превыше ангелов; ангелы от Бога питаются, но не скажешь, что они питают Бога. Ты же, Благословенная, питаешь питающего и Тебя, и ангелов. *И благословен плод чрева Твоего* [Лк 1, 42, «Син»], посредством Которого благословенны и жены, и мужи, и ангелы. А Ты благословенна превыше всех, поскольку *многие дочери скопили богатство, но Ты превзошла всех* [Притч 31, 29, Вульг]. Ибо плод чрева Твоего помазал Бог елеем радости более соучастников Твоих [ср. Пс 44, 8; Евр 1, 9], /л. 106v/ и от полноты Его все мы приняли [Ин 1, 16, «Син»]; но Ты приняла преизобильнее всех.

Не зря задумалась (*cogitabas*) Ты, Госпожа, что́ это за неслыханное, дивное и достойное приветствие, над коим Ты задумалась (*cogitares*) [ср. Лк 1, 29]. Никакого ума не достанет его выдумать: оно было ниспослано Тебе из рая. Такого наша земля не породит. Подумай над тем, каковó оно, вдохни его запах, отведай вкус. Это плод, снятый с древа жизни: вкуси, и будешь жить вечно [ср. Быт 2, 9, 16–17; 3, 22]. Более того, и плод родишь Ты такой, что всякий, кто вкусит от него, *не умрёт вовек* [Ин 11, 26, «Син»]. Заметь также, кто принёс это приветствие: не змий, но ангел, не змей извивный, а Гавриил предивный: «Радуйся», молвил он, «благодати полная!» Сколь сладостно благоухала Ты для ангела, кладовая благовоний [ср. Ис 39, 2, Вульг], райский сад услад! [ср. Иез 28, 13, Вульг] Сколь сладостно благоухало полное поле Твоё, благословенное Господом! [ср. Быт 27, 27] Запахом этим освежённый, молвил он: «Радуйся, благодати полная!» Уже видел он за столом своим Царя, на Которого указал, преклоняясь: «Господь с Тобою». Чувствовал, что по всему простору мировому предстоит разнести благоухание⁶¹ столь великого благословения, прибавив: «Благословенна Ты в женах» [ср. Быт 27, 27]. И, узрев также безмерную награду, которую Сын Твой в конце даст сонаследникам Своим [ср. Рим 8, 17], заключил⁶²: «И благословен плод чрева Твоего!» [Лк 1, 42, «Син»]

MEDITATIO IX

Curre, pauper, curre illuc, curre ubi est vita. Tibi dico, anima mea, quare fame consumeris et moerore; numquid consiliarius non est tibi? Curre, misera, ad Dominam tuam. Hodie celebrat grande convivium, accipiens in thalamo suo altissimi filium. Hodie regales nuptiae celebrantur, patent cellaria, aperiuntur horrea, et famelici saturantur. Curre, festina priusquam janua claudatur. O gratia plena, vide quam vacua est anima mea. Domina mea, tota domus tua frumento, vino et oleo plena est. Tu es enim horreum filii tui Joseph, tu infinitae profunditatis cellarium. Ideo, Domina, non es passa vinum in nuptiis defecisse, et dixisti filio tuo benigno Jesu: *Vinum non habent*. Conscia vini quod habebas, filium ut propinaret admonebas. Et vere, Domina, nisi nostrum prius deficiat vinum, non interpellas ut suum nobis ministret antidotum. *Vinum nostrum fel draconum*. Transeat et deficiat a nobis lethalis infectio, ut veniat et repleat viscera nostra tua vitalis potio. Vinum et musica tua laetificent cor. Regales nuptiae sunt: bibunt amici tui vinum novum, et cantant canticum novum. Cantat ibi tuus psaltes David: *Eructavit cor meum verbum bonum*. Comederat et biberat quod eructabat. Ubi? In sanctuario Dei, quia dederat ei pius sacerdos de panibus quibus vesci non licet nisi solis sacerdotibus. Cantat sponso, cantat et sponsae novum epithalamium: *in voce exultationis sonus epulantis*.

Sed quomodo cantabit qui fame laborat? Plorare magis habet quam cantare. *Ego sum*, Domina, ego sum qui *fame pere*o. Vix mihi modicum quid farinae vel olei residuum est; tua vero apotheca oleo plenissima /f. 107r/ est et superabundat, ut omnia pauperum vascula quae ad te suspectant repleantur. Plena es vini, plena es olei, plena frumenti. Tu es enim illud maximum horreum filii tui Joseph in quo frumentum septem annorum plenissimorum reconditum est, frumentum illud quod *in culmo uno septem spicas pullulat uberrimas*. Septem spicae nostrae steriles sunt et percussae aurugine, nisi *tuarum spicarum pulchritudinem devorent*. Plane periisset tota Aegyptus, nisi horrei tui abundantia subvenisset. Venite de longinquis terrae finibus, venite, fratres Joseph qui fame laboratis, venite cum jumentis et sacculis vestris; *venite, emite et comedite. Emite absque argento, et*

РАЗМЫШЛЕНИЕ IX

<СВАДЕБНЫЙ ПИР>

Беги, бедняжка, беги отсюда, беги туда, где есть жизнь. Тебе говорю, душа моя, ибо снедает тебя голод и скорбь: разве нет у тебя советчика? [ср. Мих 4, 9] Беги, несчастная, к Госпоже своей. Сегодня задаёт Она великий пир, принимает в чертоге Своём Сына Всевышнего. Сегодня справляют царскую свадьбу [ср. Мф 22, 2], нынче кладовые открываются, житницы отворяются [ср. Быт 41, 56], голодные насыщаются [ср. 1 Цар 2, 5, Вульг]. Беги, спеши, пока дверь не затворилась! [ср. Мф 25, 10] О благодати полная, узри, сколь пуста душа моя. Госпожа моя, весь дом Твой полон хлеба, вина и елея [ср. Иоиль 2, 19]. Ибо Ты — житница Сына Своего, Иосифа [ср. Быт 45], Ты — кладовая безмерной глубины. Потому, Госпожа, не смирилась Ты с тем, что на свадьбе не хватало вина, и сказала щедрому Сыну Своему Иисусу: *«Вина нет у них»* [Ин 2, 3, «Син»]. Зная, что у тебя за вино, Ты призвала Сына Своего выставить угощение. И действительно, Госпожа, если бы до этого было у нас вино, Ты не просила бы Его дать нам противоядие. Вино наше — яд змеиный [ср. Втор 32, 33]. Да минует и обойдёт нас смертельная отрава [ср. Мф 26, 39], чтобы явился и наполнил чрева наши Твой напиток жизни. Вино Твоё и музыка Твоя возвеселят сердце [ср. Пс 103, 15]. Это царская свадьба: пьют друзья Твои вино новое [ср. Сир 9, 13, Вульг; 9, 15; Мф 26, 29], поют песнь новую [ср. Пс 32, 3]. Поёт там⁶³ псалмопевец Твой Давид: *«Излилось из сердца моего слово благое»* [Пс 44, 2, «Син»]. Он ел и пил то, что исходило из его сердца. Где? Во святилище Божиим, ибо дал ему благочестивый священник хлёба, есть который позволено⁶⁴ только священникам [ср. 1 Цар 21, 6]. Поёт⁶⁵ он жениху, поёт и невесте новую свадебную песнь гла-сом ликования, среди кликов пирующих [ср. Пс 41, 5, Вульг].

Но как будет петь тот, кто мучим голодом? Ему скорее ры-дать, чем воспевать! Это я, Госпожа, я *умираю от голода* [Лк 15, 17, «Син»]. Осталась у меня только пригоршня муки да чуть-чуть мас-ла [ср. 1 Цар 17, 12], а Твои закрома полным-полны масла [ср. 2 Пар 32, 28] /л. 107г/ и преизбыточествуют, дабы наполнились все сосуды бедняков, взирающих на Тебя⁶⁶. Полна Ты вина, полна масла, полна хлеба. Ибо Ты — огромная житница Иосифа, сына Твое-го, куда собран урожай за семь изобильнейших лет [ср. Быт 41, 47–49], такой урожай, что на одном стебле прорастает семь тучных ко-лосьев [ср. Быт 41, 5, Вульг]. А наши семь колосьев бесплодны и поби-

XII MEDITATIONES

cognoscetis Joseph, immo ille vos cognoscet. Peregrinus est vobis Joseph, nisi vobiscum discumbat et vobis panem frangat. *Ponite*, ait, *panes*.

Seorsum Joseph, et seorsum Aegyptii, et seorsum fratres Joseph. *Illicitum est enim Aegyptiis comedere cum Hebraeis, et profanum putant hujusmodi convivium*; sed quare seorsum Joseph? Quia *torcular calcavi solus, et de gentibus non est vir mecum*. Comedite ergo meridie, comedite fratres Joseph, et inebriamini, et cognoscetis Joseph. Postquam enim comederunt coram eo, *non se*, inquit, *poterat ultra continere Joseph, sed elevavit vocem suam cum fletu, quam audierunt etiam Aegyptii, quia in omnem terram exivit sonus eorum. Ego sum Joseph: adhuc vivit pater meus, adhuc vivit senior?* Mirum est si vivat. Vivit et mortuus est. Ipse enim est vetus homo noster Adam qui audito nomine filii sui Joseph reviviscit, et *quasi de gravi somno evigilans*, ait: *Sufficit mihi. Vadam et videbo eum antequam moriar. Adducite*, inquit, *eum ad me, induite novum hominem* ut vivere possit, nam vetus homo mortuus est. *Biennium est quod coepit esse fames in terra, quia refrigescit caritas multorum; adhuc restant anni quinque* quando etiam quinque talenta cessabunt. *Veniet tempus quale non fuit ex eo quo gentes esse coeperunt, et erunt pestilentiae et fames*. Habet autem Joseph pauperes suos: *esurientes implebit bonis, et divites dimittet inanes*.

ты ржой, и <могут> только пожрать красу Твоих колосьев [ср. Быт 41, 6–7]. Конечно, весь Египет погиб бы, если бы не помощь от изобилия житницы⁶⁷ Твоей. Придите с дальних концов земли, придите, братья Иосифа, мучимые голодом, придите со своим выючным скотом и мешками: идите, покупайте и ешьте; покупайте без серебра [ср. Ис 55, 1, «Син»], и узнаете Иосифа — нет, это Он вас узнает. Чужеземец для вас Иосиф, если не возляжет с вами и не преломит для вас хлеб [ср. Лк 24, 30]. *«Подавайте кушанье»* [Быт 43, 31, «Син»], МОЛВИТ ОН.

Отдельно — Иосиф, отдельно — египтяне, отдельно — братья Иосифа. Ибо египтянам не позволено есть с евреями, и оскверняющей считают они такого рода трапезу [ср. Быт 43, 32, Вульг]; но почему Иосиф отдельно? Потому что *Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною* [Ис 63, 3, «Син»]. Так что ешьте в полдень [Быт 43, 16], ешьте, братья Иосифа, и пейте [ср. Песн 5, 1], и узнаете Иосифа. Ибо, после того как поели они в его присутствии, он не мог больше сдерживаться и громко зарыдал, так что слышали это даже египтяне [ср. Быт 45, 1–2], поскольку по всей земле прошёл их звук [ср. Пс 18, 5, Вульг]. *«Я Иосиф; жив ли ещё отец мой? [Быт 45, 3, «Син»] Жив ли ещё старый?»* [ср. Быт 43, 27] Удивительно, если жив. Жив и мёртв. Ведь он — ветхий человек наш Адам [ср. Рим 6, 6], который ожил, услышав имя сына своего Иосифа и, словно пробудясь от глубокого сна [ср. Быт 45, 26, Вульг], молвил: *«Довольно с меня. Если Иосиф, сын мой, ещё жив, пойду и увижу его, прежде чем умереть»* [Быт 45, 28, Вульг]. *«Приведите его ко мне»* [ср. Быт 45, 13], молвил Иосиф, и облеките в нового человека [ср. Еф 4, 24, Вульг], чтобы он мог жить, ибо ветхий человек мёртв [ср. Рим 6, 6, Вульг]. Два года прошло, как начался голод на земле [ср. Быт 45, 6], ибо охладевает во многих любовь [ср. Мф 24, 12]; остаётся ещё пять лет [ср. Быт 45, 6], когда и пять талантов иссякнут [ср. Мф 25, 15]. Придёт время, какого не бывало с тех пор, как появились народы [ср. Дан 12, 1, Вульг], и будет мор и глад [ср. Мф 24, 7]. Но у Иосифа есть свои бедняки: голодных Он преисполнит благ, а богатых отпустит⁶⁸ ни с чем [ср. Лк 1, 53].

MEDITATIO X

Qui manducat meam carnem et bibit meum sanguinem habet vitam aeternam. Doce nos, magister bone qui solus doces hominem scientiam, doce nos quomodo carnem tuam manducare et sanguinem tuum bibere debeamus. Scimus enim, Domine, quoniam verba tua *spiritus et vita sunt*; carnalis autem homo non percipit ea quae sunt *Spiritus Dei*. Nam qui per se hoc verbum percipere voluerunt inter se litigabant ad invicem, et ideo non *suxerunt mel de petra*; sed eliso cornu abierunt retro quidam etiam ex discipulis, dicentes: *Durus est hic sermo*. Tu autem, Domine, percussisti petram, et exierunt *aquae largissimae, ita ut biberet populus et jumenta*. Sed populus *bibebat de spiritali eos consequente petra*, jumenta /f. 107v/ autem nondum bibunt de spiritali quia jumenta sunt.

Inclinasti, Domine, coelos tuos et descendisti usque ad humilimos nostrae locutionis modos, sed iterum *ponis nubem ascensum tuum*, quia per carnem tuam trajicis nos ad spiritum. Alioquin caro non prodest quicquam remanentibus in carne tantum; prodest autem caro his qui per carnem proficiunt ad spiritum. Nec ignoramus, Domine, quod caro tua et sanguis tuus corporaliter manducetur et bibatur in veritate; sed qualiter eadem caro et sanguis tuus spiritaliter manducetur et bibatur, cum spiritus neque manducet neque bibat, doceri a tuo spiritu exoramus.

Sed per nubem ascendamus ad spiritum, et de consuetis ad incognita transeamus, ut ex his modis quibus caro manducat et bibit, qualiter spiritus etiam suo modo manducet et bibat perpendamus. Verbi gratia, cum panem hunc corporeum et sensibilem manducamus, prius de ipso panis corpore buccella separata ponitur in os, ac deinde attritum cum dentibus et saliva liquefactum transglutimus, ut ad interiora cibus ipse perveniens robur et alimentum corpori distribuat. Panis vero animae Christus est, *panis vivus qui de coelo descendit*, qui suos nunc per fidem, in futuro per speciem pascet. Per fidem enim Christus habitat in te, et fides Christi Christus est in corde tuo. Quantum credis in Christo, tantum possides Christum. Et unus quidem panis est Christus, quia *unus Dominus, una fides*, omnium credentium, quamvis alii plus, alii minus de ejusdem fidei dono

ДВЕНАДЦАТЬ РАЗМЫШЛЕНИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЕ X

<ПРИЧАЩЕНИЕ, ЛЮБОВЬ. ПОДРАЖАНИЕ>

Кто ест плоть Мою и пьёт кровь Мою, тот живёт вечно [ср. Ин 6, 54]. Научи нас, благой Учитель [ср. Мк 10, 17], единственный, Кто учит человека⁶⁹ знанию [ср. Пс 93, 10], научи нас, как нужно нам есть плоть Твою и пить кровь Твою. Ибо мы знаем, Господи, что слова Твои *суть дух и жизнь* [Ин 6, 63, «Син.»]; но плотский *целовек не принимает того, что от Духа Божия* [1 Кор 2, 14, «Син.».]. Ведь те, кто хотел сам понять это слово, спорили между собой [ср. Ин 6, 52] и потому не питались мёдом из камня [ср. Втор 32, 13]; но даже некоторые из учеников, расшибив себе лоб⁷⁰, отступились <от Него> [ср. Ин 6, 67], воскликнув: «Что за наглые речи!» [ср. Ин 6, 61] — Но Ты, Господи, разбил камень, и вытекло много воды, так что пил и народ, и скот [ср. Числ 20, 11]. Однако народ пил из камня духовного, следующего за ним [ср. 1 Кор 10, 4, Вульг], /л. 107r/ а скот из духовного пока ещё не пьёт, поскольку он — скот.

Преклонил Ты, Господи, небеса Свои, и снизошёл [ср. 2 Цар 22, 10] до самых низменных словес наших, но снова превращаешь облака в подножие Своё [ср. Пс 103, 3, Вульг], ибо через плоть Свою влечёшь нас к духу. Впрочем, плоть ни на что не годна [ср. Ин 6, 63] тем, кто пребывает в одной только плоти; однако плоть нужна тем, кто через плоть продвигается к духу. Нам, конечно, известно, что плоть Твоя и кровь Твоя поистине телесно поедается и выпивается; но, поскольку дух не ест и не пьёт, мы умоляем Духа Твоего объяснить нам, каким образом та же самая плоть и кровь поедается и выпивается духовно.

Однако поднимемся через облако к духу и перейдём от привычного к непознанному, чтобы поразмыслить над тем, каким образом дух на свой лад ест и пьёт, исходя из того, как ест и пьёт плоть. Скажем, когда мы вкушаем этот телесный и чувственно воспринимаемый⁷¹ хлеб, сначала отдельный кусочек этого хлеба кладётся в рот, а затем мы проглатываем его, перетёртый зубами и разжиженный слюной, чтобы пища эта, пройдя во внутренности, дала телу силу и питание. А хлеб души — Христос⁷², хлеб живой, сошедший с небес [ср. Ин 6, 41], Который ныне питает своих верой, а в будущем <питает> зримым [ср. 2 Кор 5, 7]. Ибо верую Христос обитает в тебе, и вера во Христа — Христос в сердце твоём [ср. Еф 3, 17]. Насколько ты веруешь во Христа, настолько ты обладаешь Христом. Причём Христос — один хлеб,

percipiant. Nec sunt tot fides quot credentes: alioquin non credentes fidei sed fides credentibus subesset. Nunc autem sicut una est veritas, ita et una fides in una veritate omnes et regit et pascit credentes, unusque et idem spiritus dividit singulis prout vult.

De uno ergo pane vivimus omnes, et omnes accipimus singuli suam portionem, et tamen integer est omnibus Christus, nisi his qui scindunt unitatem. Non dico integer quod tantum sapias de Christo quantum sapit de seipso Christus, quod nec ipsi angeli in coelo nec omnis creatura potest. Sed in hoc dono quod accepi totum Christum possideo, et totum me possidet Christus, sicut membrum quod possidetur a toto corpore vicissim possidet totum corpus. Illa igitur portio fidei quam sortitus es buccella est in ore tuo; sed nisi hoc ipsum quod credis frequenter et pie cogites, et dentibus, hoc est animi tui sensibus, terendo et versando quasi comminuas, non transiet tibi collum, id est non perveniet usque ad intellectum. Quomodo enim intelligitur quod et raro et negligenter cogitatur, maxime de re tantum subtili quantum et invisibili? Fides enim invisibilia proponit, et multo labore menti sudandum est, priusquam aliquid inde transglutiat. Nisi enim saliva sapientiae descendens desursum a patre luminum arentem cibum liquefaciat, in vanum laboras; quia quod cogitando colligis ad intellectum non penetrat. Unde beatus Job: /f. 108r/ *Antequam comedam suspiro*; et sponsa: *Anima mea liquefacta est, ut dilectus locutus est*. Otiosam ergo fidem habes, nisi saepius inde cogitando, *labores manuum tuarum manduces*. Nec tamen totum illud quod credis aut simul cogitare aut totum quod cogitas simul intelligere potes, sed paulatim et quasi minutatim et cum gravi gemitu cibum tuum parturis.

Sic etiam in memoria fides velut parens invisibilis, et nisi rore coeli fecundata et cum dolore multo non potest parere filium suum. Hoc est intelligentiae verbum, per quod ipsa fides quasi per simillimam sibi imaginem suam melius videri potest. Tamdiu autem parere non cessabit, donec tota fides transeat in speciem, et tunc *jam non meminit pressuræ propter gaudium, quia natus est homo in mundum*, qui prius in utero clausus tenebatur, et tam diuturno conatu et gemitu edebatur. Maledicta est anima sterilis, et quae non parit semper hunc filium. Semper igitur meditando lex Dei sit in ore tuo, ut semper bonum parias intellectum. Per intellectum vero cibus ipse spiritalis transit

ибо один Господь, одна вера [Еф 4, 5, «Син»] у всех верующих, хотя одни получают от этого дара веры больше, другие — меньше. Вер не столько же, сколько верующих; в противном случае не верующие подчинялись бы вере, а вера — верующим. А ныне, как есть одна истина, так и одна вера в одной истине и правит всеми верующими, и кормит их, и один и тот же Дух уделяет каждому по отдельности, как хочет [ср. 1 Кор 12, 11].

Потому все мы живём одним хлебом [ср. 1 Кор 10, 17] и все получаем свою долю, и всё же Христос целостен для всех, кроме тех, кто нарушает единство. Я говорю «целостен» не потому, что ты вкушаешь от Христа столько же, сколько Сам Христос от Себя вкушает, что невозможно ни самим ангелам небесным, ни какой-либо твари. Но в том даре, что я получил, я владею всем Христом целиком, и Христос владеет мною целиком — как один член, которым владеет всё тело, в свою очередь, владеет всем телом. Ибо та частичка веры, что тебе досталась, — это кусочек у тебя во рту. Но, если ты не будешь часто и благоговейно размышлять о том, во что веришь, перетирая этот <кусочек> зубами, то есть чувствами духа своего, вращая <во рту> и размельчая, — не пройдёт он тебе в горло, то есть не дойдёт до разумения. Ведь как можно понять то, о чём думаешь редко и небрежно, особенно <если это> предмет столь же утончённый, сколь и зримый? Ибо вера предлагает предметы незримые, и много нужно душе попотеть, прежде чем она что-нибудь из этого проглотит. Если слюна мудрости, нисходя свыше, *от Отца светов* [Иак 1, 17, «Син»], не размочит сухую пищу, напрасно ты трудишься [ср. Пс 126, 1], поскольку то, что ты накапливаешь размышлением, не доходит до разумения. Потому и <говорит> блаженный Иов: /л. 108г/ *«Вздохи мои предупреждают хлеб мой»* [Иов 3, 24, «Син»], а невеста: *«Душа моя растаяла, когда говорил возлюбленный»* [Песн 5, 6, Вульг]. Так что вера твоя ленива, если ты не станешь, часто об этом размышляя, есть от трудов рук своих [ср. Пс 127, 2]. Но не всё, во что ты веришь, и не всё, что притом можешь помыслить, и не всё, что можешь помыслить и притом понять, — но понемногу, как бы мало-помалу, причём лишь с тяжкими стонами, порождаешь ты пищу свою.

Так вот и в памяти вера — будто незримая роженица; и лишь оплодотворённая росой небесной, лишь в великих муках может она родить сына своего, то есть слово разумения, посредством которого саму веру можно увидеть, словно через самый схожий

in affectum cordis, ut quod intelligis non negligas, sed per amorem diligenter colligas. Frustra enim intellexisti, nisi quod intellexeris diligas, nam in amore sapientia est. Nam et intellectus praecedit spiritum sapientiae, et intellectus quidem quasi in transitu gustat: amor autem solidum sapit. Ibi, hoc est in amore, totum robur animae consistit: illuc omnis vitalis refectio confluit, inde vita per omnia virtutum membra diffunditur. *Omni custodia*, inquit, *serva cor tuum, quoniam ex ipso vita procedit*.

Amor ergo quasi cor in medio positum est, ad quem tria praecedentia, id est fides, meditatio et intellectus, proficiunt et solidantur, et ex quo alia subsequencia procedunt et diriguntur. In primis ex amore procedit imitatio. Quis enim non velit imitari quod amat? Nisi Christum amaveris, non imitaberis, id est non sequeris. Dixit enim Simoni Petro postquam amorem ejus exploraverat: *Sequere me*, hoc est imitare. Sequebatur Judas pedibus Christum, sed affectibus avaritiam; et Giezi Eliseum, non pietatis affectu sed cupiditatis. His pedibus, hoc est totis affectibus, sequendus est Christus. Ideo namque Miphiboseh non est secutus regem David in tribulatione, quoniam infirmus erat pedibus; cum autem in omnibus sequendus sit Christus, sed maxime in passionibus, quia in necessitate probatur amicus. *Qui non bajulat*, inquit, *crucem suam et venit post me non est me dignus*. Bajulat autem crucem post Christum Simon quidam Cyrenaeus, sed usque ad crucis supplicium non pervenit. Sequendus est Christus, et inhaerendum est Christo: non est deserendus usque ad mortem. *Vivit*, inquit, *Dominus et vivit anima tua, quia non derelinquam te*; et adhaesit semper magistro, usque dum curru igneo ille /f. 108v/ sublevatus est. Sequebantur Christum septuaginta duo discipuli; sed audito sermone quem capere non poterant, abierunt retro. Sequebatur Petrus in passione, sed a longe, quia negaturus erat. Solus eum usque ad mortem crucis latro secutus est. Quid dicam: latro secutus est Christum usque ad mortem crucis, an Christus latronem? Nimirum Christus latronem tamdiu secutus est donec latro fugere ultra non potuit; at ubi fuga periit a latrone, latro secutus est Christum, et cum Christo paradisum ingressus est.

Sequendus est ergo Christus, et inhaerendum est Christo. *Mihi autem*, inquit, *adhaerere Deo bonum est*; et *adhaesit anima mea post te, me suscepit dextera tua*. *Qui enim adhaeret Domino unus spiritus est*:

с ней образ. Однако рожать она не прекратит до тех пор, пока вся вера не перейдёт в зримое, и тогда она уже не помнит боли⁷³ от радости, потому что родился в мир человек [ср. Ин 16, 21], который прежде был заключён во чреве и родился лишь благодаря столь длительным усилиям и стонам. Проклята душа бесплодная, которая не рождает всё время такое дитя. Пускай же благодаря размышлению закон Божий всегда будет в устах твоих [ср. Пс 36, 31], чтобы ты всегда порождал доброе разумение. А через разумение эта пища духовная переходит в сердечную привязанность, дабы ты не пренебрегал тем, что разумеешь, но тщательно собирал посредством любви. Ибо тщетно уразумел ты, если не полюбишь того, что уразумел: ведь в любви — мудрость. Разумение предшествует духу мудрости, причём разумение вкушает как бы мимоходом, тогда как любовь вкушает основательно. В этом, то есть в любви, заключается вся крепость души; сюда собирается вся жизненная пища, отсюда жизнь растекается по всем членам добродетелей⁷⁴. Со всею бдительностью храни сердце своё, ибо из него проистекает жизнь [ср. Притч 4, 23, Вульг].

Так что посередине, словно сердце, расположена любовь, к коей устремляются и в коей сплываются три предшествующих: вера, размышление и разумение; а из неё проистекают три последующих и ею направляются. Во-первых, из любви проистекает подражание. Кто же не захочет подражать тому, что любит? Если не возлюбишь Христа, не станешь подражать Ему, то есть следовать. Сказал же <Он> Симону Петру, после того как испытал любовь его: «Иди за Мной» [ср. Ин 21, 19], то есть подражай. Ногами Иуда следовал за Христом, но сердцем — за алчностью; и Гиезий следовал за Елисеем не из благоговения, а из жадности [ср. 4 Цар 5, 20—27]. Этими-то ногами, то есть всеми побуждениями чувств, и нужно следовать Христу. Вот Мемфивосфей: он не пошёл за царём Давидом в беде, потому что был слаб ногами [р. 2 Цар 19, 25—26]. Хотя следовать Христу нужно во всём, но более всего — в страданиях, ибо в нужде друг проверяется. <Господь> молвит: «Кто не несёт свой крест, <хотя> и идёт за Мною, тот Меня не достоин»⁷⁵ [ср. Мф 10, 38; Лк 14, 27]. Вот Симон Киринейский: он несёт крест за Христом [ср. Лк 23, 26], но до казни на кресте не доходит. Нужно следовать Христу и нужно держаться Христа: нельзя оставлять Его даже до смерти [ср. Флп 2, 8]. <Елисей> молвит: «Жив Господь, и жива душа твоя, ибо я не оставлю тебя» [ср. 4 Цар 2, 2]; и он всегда держался учителя, покуда тот не был вознесён на ог-

XII MEDITATIONES

non tantum unum corpus, sed etiam unus spiritus. De spiritu Christi totum corpus ejus vivit. Per corpus Christi pervenitur ad spiritum Christi. Esto per fidem in corpore Christi, et quandoque unus spiritus cum Christo eris. Jam per fidem unitus es corpori, per speciem unieris et spiritui. Quamvis nec fides hic sine spiritu, nec spiritus illic sine corpore erit, nam et corpora nostra tunc non spiritus sed spiritalia erunt. *Volo, inquit, pater, ut sicut ego et tu unum sumus, ita et isti in nobis unum sint, ut credat mundus.* Ecce unitio per fidem. Et post pauca: *ut et isti consummati sint in unum, et cognoscat mundus.* Ecce unitio per speciem.

Hoc est corpus Christi spiritaliter manducare: fidem in illo puram habere, et de eadem fide studiose meditando semper quaerere, et quod quaerimus intelligendo invenire, et inventum ardenter diligere, quemque diligimus pro posse nostro imitari, et imitando constanter illi adhaerere, et adhaerendo perenniter uniri.

ненной колеснице [ср. 4 Цар 2, 11]. /л. 108v/ Следовали за Христом семьдесят два ученика [ср. Лк 10, 17, Вульг]; но, услышав речи, понятия которых не смогли, они возвратились обратно [ср. Ин 6, 66]. Следовал за Христом и Пётр в <Его> страдании, но в отдалении, ибо предстояло ему отречься от Него [ср. Мф 26, 58]. Один только разбойник последовал за ним до смерти на кресте⁷⁶ [ср. Мф 27, 38]. Что вернее: разбойник последовал за Христом до смерти на кресте или Христос за разбойником? Конечно, Христос следовал за разбойником до тех пор, пока разбойник не мог уже убежать; когда же не стало убежища для разбойника [ср. Пс 141, 5, «Син»], разбойник последовал за Христом и вошёл со Христом в рай [ср. Лк 23, 43].

Так что нужно следовать Христу и держаться Христа. «А мне», говорит <Писание>, «благо *держаться Бога*» [ср. Пс 72, 28, Вульг]; Тебя держится душа моя, десница Твоя поддержала меня [ср. Пс 62, 9, Вульг]. Кто держится Господа, тот составляет один дух [ср. 1 Кор 6, 17, Вульг]: не только одно тело, но и один дух. Духом Христа живёт всё его тело. Через Тело Христа приходит он к Духу Христа. Будь через веру в Теле Христовом — и когда-нибудь станешь одним духом со Христом. Через веру ты уже объединился с Телом, через зримое соединишься и с Духом. Впрочем, и здесь не может быть веры без духа, и там дух не будет без тела, ибо и тела наши тогда будут не духом, а духовными <телами> [ср. 1 Кор 15, 44]. «Хочу», говорит <Господь>, «Отче, чтобы так же, как едины Ты и Я, они тоже были в Нас едины, дабы уверовал мир» [ср. Ин 17, 21, Вульг]. Вот единение через веру. И чуть дальше: «чтобы и они были совершены воедино, и пусть мир познаёт» [ср. Ин 17, 23, Вульг]. Вот единение через зримое.

Вот что значит духовно вкушать Тело Христово: иметь в Нём чистую веру и посредством усердного размышления всегда стараться узнать об этой вере; и через разумение обнаруживать то, что мы стараемся узнать; и горячо любить обнаруженное; и в меру наших сил подражать любимому; и в подражании постоянно Его держаться; и, держась Его, навеки с Ним объединиться.

MEDITATIO XI

Nunc ad calicem transeamus. Prius enim caro manducatur, postea sanguis bibitur. Perfectionum est hoc, calicem salutaris, hoc est calicem Jesu, accipere, id est acceptabiles habere passiones. Unde et in octavo loco ponitur: *Beati qui persecutionem patiuntur propter justitiam*. In septem praecedentibus corpus Christi manducatur, in octavo sanguis ejus bibitur. Sicut enim cibus diu terendo cum labore et mora trajicitur, potus autem citius et suaviter labitur, ita et morum disciplina virtutumque soliditas diu et difficile addiscitur, passiones autem perfectionum et suaves nimis eis sunt et velocius pertransire videntur, *quia calix tuus inebrians quam praeclarus est*. Praeclara et amabilis illa ebrietas dolorem vertit in suavitatem, et non videntur eis *condignae passiones hujus tam parvi temporis ad futuram gloriam*.

Quis enim sapiens et intelligens misericordias Domini non velit accipere calicem benedictionis de manu Domini, bibere et communicare passionibus Domini? *Accipiens*, inquit, *calicem, gratias egit*. Non solum accipere sed etiam gratias agere debet qui accipit, qui tanto honore apud eum habitus est ut de calice ejus bibere mereatur. Primogenitus et princeps omnium primus accepit et bibit et gratias egit, et postea dedit discipulis suis dicens: *Bibite ex hoc omnes*. Nullum excepit: gaudii sui voluit omnes habere participes. Primus accepit et benedixit: ibi consecratus est calix passionis. Nisi enim passio Christi praecederet quae nostram quoque passionem /f. 109r/ benediceret, passio nostra quid nobis valeret? Non esset nobis passio nostra benedictio dulcedinis sed calix amaritudinis. Mors autem Christi nostrae mortis amaritudinem in nimiam convertit dulcedinem. Sanguinem ergo Christi bibitoris fides passionis Christi proponitur, *quia Christus passus est pro nobis, nobis relinquens exemplum*.

In contemplatione autem beatæ illius passionis, quasi in propositione calicis, sitis, hoc est desiderium tolerandæ passionis, ardentius excitatur. Unde in bello Machabaeorum *ostenderunt elephantis sanguinem uvæ et mori ad acuendos eos in proelium*. Post sitim calix accipitur, quando desiderium passionis ad effectum perducitur. Quis enim bibat nisi sitiat? Etiam quando bibebat Christus in cruce, sitiebat. *Sitio*, inquit: *illi autem obtulerunt spongiam*

РАЗМЫШЛЕНИЕ XI

<ПИТИЕ, СОН, ПОКОЙ>

Перейдём теперь к чаше: ведь сперва вкушается Плоть, а потом выпивается Кровь. Это дело совершенных — принимать *чашу спасения* [Пс 115, 4, «Син»], то есть чашу Христа, а значит, охотно принимать страдания. Поэтому на восьмом месте <заповедей блаженства> стоит: «Блаженны те, кого преследуют за справедливость» [ср. Мф 5, 10]. В семи предыдущих <местах> вкушается Тело Христово, а в восьмом пьётся Кровь Его. Ибо, как пищу проглатывают, долго и с трудом её пережевывая, тогда как питьё проходит⁷⁷ быстрее и легче, — так и нравственная добродетельность, наряду с основательностью добродетелей, усваивается долго и с трудом, а страдания людей совершенных, кажется, и весьма сладки для них, и проходят быстрее, ибо насколько же преславна опьяняющая чаша Твоя! [ср. Пс 22, 5, Вульг] Это преславное и любезное опьянение превращает страдание в сладость, и не кажется им, что нынешние временные страдания, столь краткие, чего-нибудь стоят в сравнении с грядущей славой [ср. Рим 8, 18].

Ибо кто из мудрых и разумеющих милосердие Господне [ср. Пс 106, 43] не захочет принять чашу благословения из руки Господа, выпить и причаститься страданий Господних? [ср. Иер 25, 17; 1 Кор 10, 16] «Взяв чашу», говорит <Писание>, «Он воздал⁷⁸ благодарность» [ср. Мф 26, 27]. Не только брать, но и воздавать благодарность должен берущий, ибо он в такой чести у Него, что заслуживает испить из Его чаши. Первенец и Глава всего [ср. Пс 88, 28; Кол 1, 15; Евр 1, 6] первым взял, выпил и воздал благодарность, а затем отдал ученикам Своим, сказав: «*Пейте из неё все*» [Мф 26, 27, «Син»]. Ни для кого не сделал Он исключения: пожелал, чтобы все стали сопричастниками Его радости [ср. Ин 15, 11]. Первым Он взял и благословил: тогда освящена была чаша страдания. Ибо что значило бы для нас наше страдание, /л. 109г/ если бы ему не предшествовало страдание Христа, благословившего и наше страдание? Страдание наше было бы для нас не благословением сладости, а горькою чашей. Но смерть Христа превратила горечь нашей смерти в исключительную сладость. Потому тем, кто будет пить Кровь Христову, предлагается вера в страдания Христовы, ибо *Христос пострадал за нас, оставив нам пример* [ср. 1 Петр 2, 21].

Но при созерцании этого блаженного страдания, словно при предложении чаши, сильнее разжигается жажда, то есть же-

XII MEDITATIONES

aceto plenam, et cum gustasset noluit bibere. Non enim de spongia cavernosi et dolosi cordis acetum veteris malitiae, sed de puro et simplici calice novae laetitiae vinum bibit. Ergo qui bibit, hoc est qui patitur, non tristis sed gaudens patiatur. Unde Jacobus: *Omne gaudium existimate, fratres mei, cum in temptationes varias incideritis; et apostoli ibant gaudentes a conspectu concilii, quoniam digni habiti sunt pro nomine Jesu contumeliam pati.* Hoc est enim bibere et inebriari, de passionibus exultare. *Comedite, inquit, amici, et bibite et inebriamini, carissimi mei.* Qui comedunt, amici, qui autem bibunt et inebriantur, carissimi reputantur. Sunt autem qui bibunt sed non inebriantur, quia non laeti sed tristes flagellantur. *Bibit Noe vinum, et inebriatus est* et dormivit. Dormivit et Christus in passione, sicut ipse dicit: *Ego dormivi et soporatus sum.* Dormit et sponsa: *Ego dormio, inquit, et cor meum vigilat.* Dormiebat Jacob in via, qui corde vigilanti stupebat miranda mysteria quae videbat. Quid est enim dormire, nisi ab istis sensibus corporeis mentem sequestrare, ut possit in intimis vigilare? Ergo dormiat caro, vigilet cor.

Dormiendum est enim et requiescendum. Quis autem requiescit nisi qui corde vigilat? *In pace, inquit, in idipsum dormiam et requiescam.* Et ad discipulos: *Dormite jam et requiescite.* Dormite ab exterioribus, requiescite in intimis. *Sabbatum requietionis est affligetisque in eo animas vestras.* Quomodo sabbatum est requietionis si animae affliguntur? Non in afflictione requies est; sed cum caro affligitur, spiritus requiescit, cum caro crucifigitur, mens sabbatum habet requietionis. In sabbato requietionis duplex intelligitur requies: una qua sabbatizat a labore sensibilium, alia qua gaudet in amore spiritualium. *Omnis anima quae afflicta non fuerit die hoc peribit de populis suis.* Qui non communicaverit passionibus Christi non communicabit et gloriae. De sabbato requietionis pervenitur ad octavam resurrectionis,

ление переносить страдание. Потому на Маккавейской войне слонам показывали кровь винограда и тутовника⁷⁹, чтобы настраивать их на сражение [ср. 1 Макк 6, 34]. Чашу берут, испытав жажду, когда желание страдания осуществляется. Кто же станет пить, не испытывая жажды? Даже Христос, когда пил⁸⁰ на кресте, жаждал. «Жажду», сказал Он, а Ему поднесли губку, пропитанную уксусом; и, отведав её, Он не захотел пить [ср. Мф 27, 34; Ин 19, 28–29]. Ибо пьёт Он не уксус ветхой порочности из губки ноздреватого и злокозненного сердца [ср. 1 Кор 5, 8], а вино новой радости — из чаши чистой и простой. Значит, тот, кто пьёт, то есть страдает, пусть страдает не скорбя, а радуясь. Вот почему Иаков <говорит>: *«С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения»* [Иак 1, 2, «Син»], да и апостолы пошли из синагоги, радуясь, что за имя Иисуса⁸¹ удостоились принять бесчестье [Деян 5, 41, «Син»]. Ибо пить и опьяняться — значит радоваться страданиям. *«Ешьте, друзья»*, говорит <Писание>, *«пейте и насыщайтесь, возлюбленные!»* [Песн 5, 1, «Син»] Кто ест — те считаются друзьями, а кто пьёт и опьяняется — возлюбленными. Однако есть и такие, кто пьёт, но не опьяняется, ибо они принимают бичевание не с радостью, а со страданием. Выпил Ной вина, опьянел [ср. Быт 9, 21] и заснул. Спал и Христос, принимая страдание, как Сам Он говорит: «Я заснул и задремал» [ср. Пс 3, 6]. Спит и Невеста: *«Я сплю»*, говорит Она, *«а сердце Моё бодрствует»* [Песн 5, 2, «Син»]. Спал в пути Иаков, бодрствующим сердцем поражаясь увиденным⁸² им дивным таинствам [см. Быт 28, 10–12]. Ибо что означает «спать», кроме одного: отлучить душу от этих телесных чувств, дабы она могла бодрствовать во внутреннем? Так что пусть плоть спит, а сердце бодрствует.

Значит, нужно спать и отдыхать. Но кто же отдыхает, кроме бодрствующего сердцем? «В безмятежности», говорит <Он>, «усну, и в ней же упокоюсь»⁸³ [ср. Пс 4, 9, Вульг]. И ученикам: «Спите уж, почивайте!»⁸⁴ [ср. Мк 14, 41, Вульг]. Спите, <отвлекаясь> от внешнего, и бодрствуйте во внутреннем. Это суббота покоя, и сокрушайте свои души [ср. Лев 23, 27, 32, Вульг]. Как может быть суббота покоя, если души сокрушаются? В сокрушении покоя нет; но, когда сокрушается плоть, покоится дух; когда плоть предаётся на распятие, душа пребывает в субботе покоя. Нужно понимать, что в субботу покоя (requietionis) спокойствие (requies) двояко: одно — в котором субботаствуют (sabbatizat) от труда по восприятию вещей чувственных, — и другое, в котором радуют-

XII MEDITATIONES

/f. 109v/ in qua vita est aeterna, ad quem finem tendit quod caro Christi manducatur et sanguis bibitur. *Qui manducat*, inquit, *meam carnem et bibit meum sanguinem habet vitam aeternam*. Jam habet in praedestinatione, licet nondum in adimptione. Quisquis spiritu manducat hoc corpus et bibit hunc sanguinem *mortem non videbit in aeternum*. Nam impii, etsi dente premant, sed spiritu corpus hoc non manducant, et ideo mortui jam in sepulcris viventibus habitant.

Sed ut praedicta succincte colligamus, per fidem calix proponitur, per calicem sitis excitatur, per sitim ad potandum festinatur: potus autem inebriat, et inebriatus dormit, dormiens requiescit, requiescens vitam aeternam possidet.

ся любовью к вещам духовным. Всякая душа, которая не станет сокрушаться в этот день, будет истреблена из среды своих народов [ср. Лев 23, 29, Вульг]. Кто не причастится страданий Христа, тот не причастится и <Его> славы [ср. 1 Петр 4, 13]. От субботы упокоения переходят к восьмому дню воскресения, /л. 109v/ где жизнь вечная; к этой цели и устремляется вкушение Плоти Христа и выпивание Крови Его. «*Ядущий Мою Плоть*», говорит Он, «*и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную*» [Ин 6, 54, «Син»]. Уже имеет — в предопределении, хотя пока что и не в исполнении. Кто в духе вкушает Плоть Сию и пьёт Кровь Сию, *тот не увидит смерти вовек* [Ин 8, 51, «Син»]. Ибо нечестивцы, даже если вонзаются в Тело Сие зубами, в духе его не вкушают и потому уже сейчас пребывают мёртвыми в живых гробницах.

Но давайте вкратце припомним вышесказанное: верою чаша преподносится, чашею жажда возбуждается, жаждою к питию устремляются. Питие опьяняет, опьянённый спит, спящий покоится, а покоящийся обладает жизнью вечною.

XII MEDITATIONES

MEDITATIO XII

Ne pluas super nos, Domine, coturnices, desideria carnis nostrae, quae non nisi duobus cubitis levantur a terra, quia non attingunt dona spiritus tui. Ne pluas *super nos sicut pulverem carnes, quia caro pulvis est et in pulverem revertitur*, et gloriam tuae imaginis in pulverem deducit. *Omne quod intrat in os in ventrem vadit et in secessum emittitur*. Talis est omnium voluptatum carnalium finis, *et sicut arena maris volatilia pennata*. Gaudet edacitas, pennulas movet, sed mox in arenam convertitur. Gaudet luxuria, modicum volitat, sed mox in arenam maris transit. Omnis dulcedo carnis in amaritudinem finit. Modicum levant infelicem animam, sed mox aggravatur in arenam. Tuum autem manna, Domine, minutum est sicut *semen coriandri*, et mane descendit ut ros, non vespere sicut coturnices; et fractum mola, candorem producit et dulcedinem *quasi panis oleati*. Hic *panis est angelorum quem manducavit homo*. Dicunt adhuc increduli: *Manhu? Quid est hoc?* quia minutum vident et humilem et quasi despectum sermonem tuum, et ideo redeunt et concupiscunt carnes magnas, carnes Aegyptias, quia nesciunt neque gustaverunt absconditum intus mannae saporem, *habentem omne suavitatis delectamentum*. Redeunt ad carnes et exsiccant eas ad solem *in circuitu castrorum*. Mira res: uno eodemque sole et carnes indurantur et manna liquescit. Siccantur carnes ut amplius durabiles sint; indurantur iniqui, ut suas diutius expleant voluptates. Tuum autem manna liquefiebat cum sol incalesceret, et quia *anima mea liquefacta est, ut dilectus locutus est*.

Incalesce super nos, sol meridiane, ut liquefiat manna et currant aromata illius *sicut torrens in austro*. Colligite, filii Israel, colligite manna et frangite mola, et *replebitur sicut adipe et pinguedine anima vestra*. Molestus est labor, sed fructuosus. *Labores manuum tuarum quia manducabis*, et jam /f. 110r/ *beatus es, et in futuro bene tibi erit*. Frangite, inquam, mola corpus et animam, et invenietis medullam: corpus *jejuniis, laboribus, vigiliis*, animam legis divinae studiis. Non excidat tibi lex de ore cordis tui: volve, revolve, versa, reversa, et tunc intelliges quid sapiat manna. Sic faciebat ille qui dicit: *Quam dulcia faucibus meis eloquia tua, Domine: super mel et favum ori meo*. Esto apis virginea, collige de flosculis manna. Habes *hortum voluptatis* rosis

РАЗМЫШЛЕНИЕ XII

<МАННА И ХЛЕБ>

Не проливай на нас, Господи, дождь из перепелов [ср. Исх 16, 13], то есть из вожделений плоти нашей, не поднимающихся над землёю выше чем на два локтя [ср. Числ 11, 31], ибо не добираются они до даров Духа Твоего. Не сыпь на нас плоть, словно прах [ср. Пс 77, 27, Вульг], ибо плоть есть прах и во прах возвратится [ср. Быт 3, 19], и во прах низводит она славу образа Твоего. Всё, что входит в уста, перемещается в чрево и извергается наружу [ср. Мф 15, 17]. Таков конец всех плотских вожделений, и птицы эти пернатые — что песок морской [ср. Пс 77, 27]. Алчность ликует, крыльями машет, но разом песком обернётся. Похоть ликует, чуть-чуть пролетит, но разом в песок обратится морской. А Твоя, Господи, манна малá, словно кориандровое семя [ср. Числ 11, 7], и ниспадает она поутру, как роса, а не ввечеру, как перепела [ср. Исх 16, 13]; и, растолчённая в ступе, даёт благоухание и сладость, словно от хлеба с <благовонным> маслом [ср. Числ 11, 8]. Это и есть тот ангельский хлеб, которым питался человек [ср. Пс 77, 25]. До сих пор говорят неверующие: «“Манху?” <Значит:> “Что это такое?”» [ср. Исх 16, 15, Вульг] Ибо видят они что-то мелкое [ср. Исх 16, 14] и ничтожное, как слово Твоё, оставшееся в небрежении [ср. Ин 6, 60, Вульг], и потому возвращаются и вожделеют плоти обильной, плоти египетской [ср. Исх 16, 2–3], ибо не ведают и не отведали сокровенного вкуса манны, способной доставить всяческое удовольствие [ср. Прем 16, 20]. И возвращаются к плоти, и раскладывают её на солнце вокруг стана [ср. Числ 11, 32]. Дивное дело: на одном и том же солнце плоть загрубевает, а манна тает [ср. Исх 16, 21]. Плоть запекается, чтобы дольше просуществовать; загрубевают незаконные, чтобы дольше предаваться своим наслаждениям. А Твоя манна растаяла, когда солнце стало жарче, поскольку и душа моя растаяла, когда говорил возлюбленный [ср. Песн 5, 6, Вульг].

Раскались над нами, Солнце полуденное, чтобы растаяла манна и чтобы растеклись её благовония, как поток на полдень [ср. Пс 125, 4, Вульг]. Собирайте, сыны Израиля, собирайте манну и толките в ступе, и наполнится душа ваша словно бы туком и жиром [ср. Пс 62, 6, Вульг]. Утомительный это труд, но плодотворный. Раз будешь есть от трудов рук своих, ты уже сейчас /л. 110r/ блажен, и в будущем тебе будет хорошо! [ср. Пс 127, 2, Вульг] Толките, говорю, в ступе [ср. Числ 11, 8] тело и душу, — и обнаружите сердцевину:

XII MEDITATIONES

plenum et liliis, mira varietate depictum. Quidquid illic inveneris suave est et odoriferum: conde abundanter alveolo tuo mel et favum. Et quid amplius dicam? Unus idemque cibus et api mel est et cervo fons aquae et *panis cor hominis confirmans*. Hic est panis oleatus: sanat aegrotum, roborat sanum, *faciem exhilarat*; omne delectamentum et omnem saporem suavitatis habet. Ubi sunt coturnices, ubi sunt carnes exsiccatae? Certe putruerunt in dentibus edentium. Si in dentibus putruerunt, quanto magis in ventribus. Immo etiam computruerunt simul *jumenta in stercore suo*. Panis autem angelorum quem manducavit homo putrescere nescit; non vadit in secessum, sed tendit in excelsum. Illuc reducit hominem unde traxit imaginem.

тело — постами, трудами, бдениями [ср. 2 Кор 6, 5], а душу — изучением Божественного закона. Пусть не исходит у тебя сей закон из уст сердца твоего [ср. Втор 4, 9]: мни <его>, переминай, катай <во рту>, перекатывай — и тогда поймёшь, каков вкус манны. Так делал и тот, кто сказал: «Как сладки гортани моей изречения Твои, Господи! Они лучше мёда и сот устам моим» [ср. Пс 18, 11; 118, 103]. Будь пчелою девственной, собирай с цветочков манну. Есть у тебя сад усад [ср. Быт 3, 23, Вульг; Иоиль 2, 3, Вульг], полный роз и лилий, изукрашенный с дивным разнообразием [ср. Есф 1, 6, Вульг]. Всё, что там отыщешь, будет сладостно и благоуханно: храни в изобилии у себя в горшочке мёд и соты. И что мне ещё сказать? Всё это одна и та же пища: и мёд для пчелы, и источник для лани⁸⁵ [ср. Пс 41, 2], и «*хлеб, который укрепляет сердце человека*» [Пс 103, 15, «Син»]. Это хлеб с <благовонным> маслом: он больного исцеляет, здорового укрепляет, лицо возвеселяет [ср. Притч 15, 13, Вульг]; он способен доставить всяческое удовольствие и угодить любому вкусу⁸⁶ [ср. Прем 16, 20]. Где перепелá, где вяленое мясо? Конечно, сгнило в зубах едящих <его> [ср. Числ 11, 33]. Если уж в зубах оно сгнило, то насколько же сильнее — в чревах! Мало того: сгнило также и зерно в испражнениях⁸⁷ [Иоиль 1, 17, Вульг]. А хлеб ангелов, которым питался человек [ср. Пс 77, 25], сгнить не может; он наружу не извергается, а ввысь устремляется. Он возводит человека туда, откуда тот получил <свой> образ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подзаголовки к каждому из «Размышлений», забранные в ломаные скобки <>, принадлежат переводчику. В примечаниях указываются наиболее значительные и интересные разночтения, обнаруживаемые в латинских рукописях «Размышлений» Гвиго (см. перечень использованных рукописей). Кроме того, даются минимальные комментарии, призванные разъяснить некоторые места трактата.
- 2 *Свои* (suos). // *H*: «мои» (meos).
- 3 *Господи* (Domine). // *H*: «Боже» (Deus).
- 4 *Скажет* (loquatur). // *H*, *P*²: «говорит» (loquitur).
- 5 *Разве там есть какое-то место? Нет...* (Numquid locus est? Non...) // *P*¹: «Разве человек сказал?» (Numquid locutus est homo).
- 6 *Любит* (amat). // *H*: «полюбит» (amet).
- 7 *Советчика* (consiliatorem). // *B*, *H*, *P*¹, *P*²: «помощника» (auxiliatorem).
- 8 *Плод спасения* (fructum salutis). // *R*: «спасителя» (salvatore); *V*: «дух спасения» (spiritum salutis).
- 9 *Грехов своих* (peccatorum suorum). // *B*, *P*¹, *V*: «своей скотины» (pecorum suorum).
- 10 *Звонят* (tinniunt). // *B*, *P*¹: «зазвонят» (tinnient).
- 11 *Говорит она* (inquit). // *R*: «говорит служанка Твоя» (inquit ancilla tua).
- 12 *Мука — чистое* (mundus) *и утончённое сияние*. // *B*, *H*, *P*¹, *P*²: «чистая (munda) мука и утончённое сияние».
- 13 *Не оставляешь* (derelinquis). // *P*¹: «не оставил» (dereliquis).
- 14 *Страху* (timor). // *B*, *P*¹: «страху Господню» (timor Domini).
- 15 *Семикратной* (septemplicis). // *B*, *P*¹: «семиобразной» (septiformis). Это разночтение — эпитет, относимый св. Августином к дарам Святого Духа.
- 16 *Согрешил Иерусалим* (peccavit Jerusalem). // *V*: «согрешила душа моя» (peccavit anima mea).
- 17 *Блудное безрассудство* (meretricialis vecordia). // *B*, *H*, *L*, *P*¹: «блудная стыдливость» (meretricalis verecundia).
- 18 *Ты стала* (facta es). // *B*: «она стала» (facta est).
- 19 *Тела* (corporis). // *V*: «тела своего» (corporis tui).
- 20 *Божия* (Dei). // *V*: «Господня» (Domini).
- 21 *Божий* (Dei). // *B*, *H*, *L*, *P*¹, *V*: «Господень» (Domini).
- 22 *Под нежным телёнком мы разумеем* (intelligimus) *Христа*. // *B*, *P*¹: «мы верим (credimus), что нежный телёнок — Христос».
- 23 *Наставить* (dirigat). // *B*, *H*, *L*, *P*¹, *P*², *V*: «возлюбить» (diligat).

- 24 *В мире, в Нём Самом* («in pace in idipsum»). Одно из излюбленных выражений Гвиго, которым он пользуется и в «Лестнице затворников» (гл. XV; см. наст. изд., с. 45). Трудное для понимания место: неточно цитируя Вульгату, автор вкладывает в эти слова, выхваченные из контекста, некий особый, дорогой для него смысл. Ср. франц. перевод: «на вершине безмятежности» («dans le sommeil de la paix»).
- 25 *Создал Ты, Господи, небо и землю* (Domine, coelum et terram fundasti). // *B, P¹*: «создал Ты, Господи, землю, и небо — дело рук Твоих» (Domine terram fundasti et opera manuum tuarum sunt coeli).
- 26 *Упоминания* (mentione). // *V*: «краткого упоминания» (brevi mentione).
- 27 *Мироустройство* (machina mundi). Ср. Лукреций, «О природе вещей» (*De rerum natura*), V. 95–96.
- 28 *Внимание ума* (mentis acies). Ещё одно излюбленное выражение Гвиго. Ср. *Леств.* гл. XIV (наст. изд., с. 41), где говорится о «нестойком внимании ума человеческого»: (mentis humanae acies infirma).
- 29 *Земля души* (terra mentis). // *V*: «земля души души» (terra mentis mentis).
- 30 *Лишена вида и не устроена* (invisibilis et incomposita). Цитата из доиеронимовского латинского перевода Библии («Ветус Латина», Быт. 1, 2; см.: *Vetus Latina: Die Reste der altlateinischen Bibel*. Ed. B. Fischer (OSB), Freiburg, 1951–1954). Как видим, Гвиго не упускает возможности обратиться к различным вариантам библейского текста, чтобы извлечь из них нужные ему аллегорические смыслы.
- 31 *Хаос ... порядка природы своей* (chaos ... naturae suae modum). // Описание первозданного хаоса у Гвиго Второго близко напоминает аналогичное описание у Овидия («Метаморфозы», I. 5–10). О внебиблейских источниках *XIII*Разм см. в статье: наст. изд., с. 121–125.
- 32 *Верит* (credit). // *V*: «уверовала» (credidit).
- 33 *Упята* (reconditur). // *H, L, P², V*: «загнана» (retunditur).
- 34 *Затемняется* (obscuratur). // *V*: «затемнится» (obscurabitur).
- 35 *Господню* (Domini). // *H, L*: «Божью» (Dei).
- 36 *Из-за неё* (propter has). // *B, P¹*: «Из-за этой чешуи» (propter has... squamas).
- 37 *Борения* (agone). // *V*: «борения Твоего» (agone tuo).
- 38 *Господи* (Domine). // *V*: «Христэ» (Christe).
- 39 *И будет* (fiet). // *R*: «и стал» (facta est).
- 40 *Кристальной чистотой* (vitrea puritate). // *B* и *P¹*: «чистотой жизни» (vitae puritate).
- 41 *Двигаются* (ambulant). // *V*: «двигались» (ambulabant).
- 42 *К началу* (originem). // *B* и *P¹*: «к образу» (imaginem).
- 43 *Чрезмерная скорбь* (tristitia). // *P¹*: «чрезмерная праведность» (iustitia).
- 44 *Сыну Господа моего* (Domini mei). В 24 гл. Книги Бытия эти слова проносит раб Авраама, так что верный их перевод был бы иным: «сыну господина моего» (таков франц. перевод в издании *Sources Chrétiennes*).

Однако Гвиго толкует историю сватовства Исаака к Ревекке, как всегда, аллегорически, усматривая в Ревекке прообраз Богородицы. Так что здесь «Сын Господа моего» — Иисус Христос, как напрямую разъясняется в конце этого размышления.

- 45 *Авраама* (Abrahae). // *B* и *P*¹ дают любопытное «анаграмматическое» различие: «habere» («иметь») вместо «Abrahae». Смысл фразы получается иным: «Ведаю, Госпожа, ... с какой ... любовью зришь Ты на всякого, у кого есть верный раб Вышнего».
- 46 *Убегает* (fugit). // *P*¹: «был», «держался» (fuit).
- 47 *О Дева* (virgo), *прекраснейшая видом и девственностью* (virginitate). // *V*: «О прекраснейшая для мужа (viro) видом и благонаравием (benignitate)».
- 48 *Возлѣг* (accumbam). // *V*: «прохаживался» (ambulem).
- 49 *К жениху Своему Исааку* (ad sponsum tuum Isaac). // *B* и *P*¹: «к жениху Своему с Исааком» (ad sponsum tuum cum Isaac). При этом роль Исаака как прообраза Иисуса Христа утрачивается.
- 50 *Жезлом* (virga). Кажется, Гвиго слышит здесь созвучие со словом «дева» (virgo): жезл — символ наказания, Дева — начало милосердия.
- 51 *Оросило нас с неба* (nobis ... de coelo oravit). // *B* и *P*¹ дают курьёзное различие: «обесцветило нам» (nobis ... decoloravit).
- 52 *Утучнилась* (impinguata). // *V* даёт не менее курьёзное различие: «подверглась нападению» (impugnata).
- 53 *Руно* (vellus). Гвиго, возможно, вспомнил здесь историю Гедеона (Суд 6: 39–40).
- 54 *Престол из слоновой кости* (de ebore thronus). Его описание, аллегорически развиваемое ниже применительно к Богородице, см. 3 Цар 10, 18–20. Там перечисляются все примечательные особенности этого престола.
- 55 *Семь ступеней*: шесть деятельных добродетелей и одна созерцательная. Дорогая для Гвиго мысль: ср. «чертог семикратной славы» в IV гл. «Размышлений» (см. с. 65 наст. изд.).
- 56 *Небесный двор* (curia). // *B* и *P*¹: «небесная земля (terra)».
- 57 *Вырос* (crevit). // *H*, *L*, *V*: «<Он> сотворил» (creavit).
- 58 *Бог* (Deus). // *L*: «Господь» (Dominus).
- 59 *Восседает и правит* (sedet et regnat). // *P*¹, *V*: «но и правит» (sed et regnat).
- 60 *Умножая* (multiplicans). // *V*: «умножь» (multiplica).
- 61 *Благоухание* (fragrantiam). // *V*: «пыль», «жар» (flagrantiam).
- 62 *Заключил* (conclisit). // *B*, *H*, *P*¹, *P*²: «заключил и молвил» (conclisit et ait).
- 63 *Там* (ibi). // *P*¹, *V*: «Тебе» (tibi).
- 64 *Позволено* (licet). // *B*, *H*, *L*, *P*¹, *P*²: «позволено было» (licebat).
- 65 *Поёт* (cantat) // *P*¹: «Пой» (canta).

- 66 *Взирающих на Тебя* (qui ad te suspectant). // *B, P¹*: «которые обращаются к Тебе с просьбой» (qui ad te suppetant).
- 67 *От изобилия* (abundantia) *житницы*. // *H, L*: «от хлеба (frumentum) в житнице».
- 68 *Преисполнит ... отпустит* (implebit ... dimittet). // *B, P¹, V*: «преисполнил ... отпустил» (implevit ... dimisit).
- 69 *Человека* (hominem). // *B, P¹*: «каждого» (omnem).
- 70 *Расшибив себе лоб*: букв. «сломав рог» (eliso cornu). Видимо, это фразеологизм, опять вызывающий в памяти *Леств*, гл. XIV, где употреблено другое выражение: «быка за рога тащить» (bovem cornu trahere); см. наст. изд., с. 39.
- 71 *Чувственно воспринимаемый* (sensibilem). // *B, P¹, P²*: «не воспринимаемый чувственно» (insensibilem).
- 72 *Христос* (Christus). // *V*: «дух» (spiritus).
- 73 *Не помнит боли* (non meminit pressurae). // *B, P¹*: «не боится быть горделивой» (non metuit praesumere).
- 74 *По всем членам добродетелей* (per omnia virtutum membra). // *B, H, L, P¹*: «по членам всех добродетелей» (per omnium virtutum membra).
- 75 *Кто не несёт свой крест, <хотя> и идёт за Мною, тот Меня не достоин* (Qui non bajulat ... crucem suam et venit post me non est me dignus). Действительный смысл этого стиха, видимо, иной: «Кто не несёт свой крест и *не* идёт за Мною, тот Меня не достоин» (см., напр, перевод В. Н. Кузнецовой: «Канонические евангелия», М., 1993, с. 154). Однако из дальнейшего явствует, что Гвиго опирается именно на неверное понимание этого текста — отсюда и предлагаемый перевод (так же переведено, напр., в «Син»). Французский переводчик предпочёл придерживаться верного понимания евангельской цитаты (р. 187), хотя в данном случае это едва ли оправдано.
- 76 *До смерти на кресте* (ad mortem crucis). // *H*: «до горы креста» (ad montem crucis).
- 77 *Проходит* (labitur). // *V*: «пьётся» (bibitur).
- 78 *Воздал* (egit). // *B, P¹, P², V*: «воздаёт» (agit).
- 79 *Кровь винограда и тутовника* (sanguinem uvae et mori): т. е. сок или вино (ср. Быт 49, 11; Втор 32, 14). Из сообщений античных авторов известно, что перед сражением слонам давали алкогольные напитки, чтобы возбудить их для сражения (см., напр., Клавдий Элиан, «О природе животных», 13, 7; подтверждение — в 3 Макк 5, 1). Разумеется, Гвиго и это толкует аллегорически.
- 80 *Пил* (bibebat). // *B, H, P¹, P²*: «пьёт» (bibit).
- 81 *Иисуса* (Jesu). // *V*: «Его» (Eius).
- 82 *Увиденным* (quae videbat). // *H, L*: «поведанным» (quae dicebat).
- 83 *«В безмятежности ... усну, и в ней же упокоюсь»* (in pace in id ipsum dormiam et requiescam). Снова одна из излюбленных Гвиго цитат из

Писания, уже использованная выше: см. Размышление IV и прим. к месту. Ср. франц. перевод: «Я засыпаю в мире, и точно так же буду покоиться».

84 *Спите уж, почивайте!* (Dormite iam et requiescite). Ярчайший пример крайней вольности Гвиго в обращении со священным текстом. Действительно, в латинском тексте Мк 14, 41 по Вульг сказано именно так, т. е. оба глагола стоят в повелительном наклонении. Видимо, это объясняется тем, что в греч. оригинале соответствующие формы изъявительного наклонения омонимичны с формами повелительного (Καθεύδετε τὸ λοιπὸν καὶ ἀναπαύσεσθε). Однако такую логику понять нелегко, тем более что сразу после этого следуют слова: «Хватит! Час настал!» (ἀλέχει ἡ ἄθην ἡ ὥρα). Поэтому переводчики, естественно, предпочитают понимать слова Иисуса как вопрос: «Вы всё ещё спите?» (см., напр., «Син.» и проч.). Но Гвиго всё это мало занимает. Он располагает буквальной цитатой, которую использует для развития своей парадоксальной аллегории: страдание плоти как безмятежный сон (см. выше слова «Я заснул и задремал» из Пс 3, 6, которые он вкладывает в уста страдающего Христа). Воистину, для средневекового аллегорического мышления «тщетны все препоны».

85 *Для лани* (servo). // V: «для вóрона» (corvo).

86 *Доставить всяческое удовольствие и угодить любому вкусу* (omne delectamentum et omnem saporem suavitatis habet). Ср. *Леств.* гл. III (наст. изд., с. 13).

87 *Сгнило также и зерно в испражнениях.* Так в тексте, приводимом у Гвиго: «Computruerunt iumenta in stercore suo». Известен другой, более «пристойный» вариант латинского текста: «Computruerunt semina subtus glebas suas»; он соответствует «Син.»: «Истлели зёрна под глыбами своими».

ВОЛЬНИЦА АЛЛЕГОРИЗМА И ЛОГИЧЕСКАЯ ВОЛЯ: ДВА ПОЛЮСА МЫШЛЕНИЯ ГВИГО ВТОРОГО КАРТУЗИАНЦА?

*Aliud dicitur, aliud demonstratur*¹

Гвиго Второй (Guigo II), автор двух небольших трактатов о духовной практике, написанных по-латински и переведённых в настоящем издании на русский, был настоятелем монастыря католического монашеского Ордена картузианцев (Ordo Cartusienensis, OCart), основанного св. Бруно Кёльнским в 1084 г.

Современному секулярному миру члены этого Ордена известны прежде всего как производители ликёра «Chartreuse»; молва приписывает им также выведение особой «картузианской» (Chartreux) породы домашних кошек, от чего сами монахи предпочитают открещиваться. Относительно недавно картузианцы невольно привлекли к себе внимание широкой публики благодаря документальному фильму немецкого режиссёра Ф. Грёнинга «Великое молчание» («Die Große Stille», 2005), снятому в главном монастыре Ордена, Великой Шартрезе, что во французских Альпах, неподалёку от Гренобля².

Что же касается богатого духовного и интеллектуального наследия, оставленного членами этого едва ли не самого «закрытого» монашеского Ордена Католической Церкви за девять с лишним веков его существования, то оно остаётся практически неизвестным, причём не только в России, но и «на Западе»³.

---

¹ Говорится одно, а показывается другое (лат.).

² Основные сведения об Ордене картузианцев см. на его официальном пятиязычном сайте: <http://www.chartreux.org>. Существует и русскоязычный сайт: <http://carthusian.narod.ru>. См. также: *Задворный* и вышеупомянутый фильм Ф. Грёнинга.

³ Некоторое исключение составляет григорианское пение в исполнении картузианцев: компакт-диски с соответствующими записями вполне до-

Даже о самом, пожалуй, видном представителе этого Ордена, Дионисии Картузианце (ван Рейкеле, 1402–1471 гг.), Учителе Церкви, прозванном «последним схоластом» и «экстатическим доктором» (*Doctor ecstaticus*), секретаре и сподвижнике Николая Кузанского, отечественный читатель знает, пожалуй, лишь из книги Йохана Хёйзинги «Осень средневековья», где этот персонаж представлен рельефно и ярко, с нескрываемой симпатией. А ведь он был весьма заметной и выдающейся фигурой своей эпохи, политическим деятелем и плодовитым автором...¹ Что же тогда говорить о других, далеко не столь знаменитых членах этого Ордена?

И всё же, вопреки этой не слишком отрадной картине, духовное наследие картузианцев существует и терпеливо дожидается своего часа. Скрамную, но неотъемлемую и по-своему значительную часть этого наследия составляют и дошедшие до нас трактаты Гвиго Второго: «Двенадцать размышлений» (*XII Meditationes*)² и «Лествица затворников, или Письмо о жизни созерцательной» (*Scala claustralium, seu Epistola de vita contemplativa*)³. О других сочинениях Гвиго Второго ничего не известно⁴. Мало того: в рукописях, содержащих эти трактаты,

ступны.

¹ Наследие Дионисия Картузианца составляет 42 тома *ин-кварто* (издано в 1896–1935 гг.). См. о нём: *Шишков; Хёйзинга, passim* (прежде всего сс. 205–207). См. также отдельный сайт, посвящённый Дионисию: <http://casalibus.chetz-alice.fr>.

² Далее *XIIРазм.* Русский перевод ранее публиковался: *Гвиго II Картузианец* (2004).

³ Далее *Леств.* Русский перевод ранее публиковался: *Гвиго II Картузианец* (2003).

⁴ Во многих рукописях, содержащих *XIIРазм* и *Леств.*, за ними следует ещё один краткий трактат, «Размышление над “Величием”» («*Meditatio de Magnificat*»), во многом напоминающий сочинения Гвиго. Знаменитый палеограф, бенедиктинец (OSB) Ж. Мабильон (1632–1707 гг.), включил его в своё издание сочинений св. Бернарда из Клерво под заглавием «Слово на Песнь Пресвятой Приснодевы Марии» (*Sermo in Canticum Beatae Virginis Mariae*), а ещё более знаменитый аббат Ж.-П. Минь (1800–1875 гг.) воспроизвёл его в своей «Латинской патрологии» (PL 184, coll. 1121–128), также в Бернардовом корпусе. Исходя из положения этого трактата в ряде рукописей, а также из ряда иных соображений, это «Размышление» одно время приписывали Гвиго Второму. Однако такое мнение можно смело считать ошибочным (подробнее см.: *Guigues II le Chartreux*, pp. 72–75).

даже они зачастую приписаны другим авторам, чаще всего знаменитым — например, св. Бернарду из Клерво¹.

Обыкновение приписывать сочинения малоизвестных *авторов* выдающимся *авторитетам* было свойственно и античности, и Средним векам, да и впоследствии от него не избавились окончательно. Наш случай в этом отношении весьма показателен: в 59 из 93 рукописей, содержащих *Леств* и подобных бенедиктинцем (OSB) Домом Вильмаром, этот трактат приписан как раз св. Бернарду из Клерво. В 16 других рукописях это сочинение приписано св. Августину. Даже в «Патрологии» Ж.-П. Миня *Леств* Гвиго издана в числе сочинений того же св. Августина под заглавием «Райская лестница» (*Scala Paradisi*: PL 40. 997—104).

К счастью, в XX веке благодаря трудам исследователей (прежде всего А. Вильмара, Э. Колледжа и Дж. Уолша) историческая справедливость восторжествовала, и авторство Гвиго сейчас надёжно подтверждено изданием его трактатов в авторитетной серии *Sources Chrétiennes*. А теперь латинский текст *Леств* Гвиго и его французский перевод размещены на официальном сайте Ордена картузианцев: <http://www.chartreux.org>.

Биографические сведения о Гвиго и его адресате

Как хотелось бы набросать портрет Гвиго II столь же яркими красками, какими изображён у Йохана Хёйзинги другой, более известный член того же Ордена, — Дионисий Картузианец:

Покой неведом ему. Ежедневно прочитывает он почти всю Псалтирь целиком — половину, по крайней мере, прочитать, по его словам, просто необходимо. Чем бы он ни был занят, даже когда он одевается или раздевается, он читает молитвы. <...> Дионисий высок ростом, крепок и может полностью полагаться на своё тело: у меня железная голова и медный желудок, говорит он. <...> Он постоянно общается с умершими. <...> Он узнаёт своего отца среди помещённых в Чистилище и добивается его вызволения. Видения, откровения, образы наполняют его беспрестанно, однако говорит он об этом не иначе как с неохотой. Он стыдится экстазов...²

¹ См., напр., примечание переписчика к одной из рукописей: «Завершает лестница из четырёх ступеней святого Бернарда» (наст. изд, с. 48).

² Хёйзинга, сс. 206—207.

К сожалению или к счастью, но подобный «катафатический» портрет Гвиго II попросту немислим. Слишком мало известно и о его жизни, и о его личности: над ним будто бы нависает «облако неведения», *The Cloud of Unknowing*. Попытаемся всё же изложить то небольшое, что нам известно о нём с большей или меньшей степенью достоверности.

Гвиго Второй был девятым по счёту приором Великой Шартрезы¹: в этом качестве он упоминается в папских буллах от 1176 и 1177 гг. В 1180 г. он был смещён с этой должности, но ещё в 1185 г. упоминается в хрониках обители как «бывший приор». Умер Гвиго около 1188 г. Считается, что именно о нём повествует легенда из анналов Ордена: якобы после смерти Гвиго на его могиле стало совершаться столько чудесных исцелений, что наплыв паломников начал мешать размеренной жизни монахов. Тогда приор, придя к могиле, именем святого послушания приказал Гвиго прекратить свои ходатайства за исцеление больных².

Как бы ни относиться к этой легенде, она ясно показывает, что у своих собратьев Гвиго слыл святым. Однако ни сам он, ни его собратья по Ордену не выказывали никакой видимой заинтересованности в его репутации как духовного писателя³. Показательно, что издателями трактатов Гвиго Второго в серии *Sources Chrétiennes* выступили *августинец* (OSA) Эдмунд Колледж и *иезуит* (SJ) Джеймс Уолш, а до них сличением рукописей Гвиго занимался *бенедиктинец* Дом Андрэ Вильмар (OSB). Тем самым был подан достойный пример плодотворного сотрудничества членов различных католических монашеских Орденов.

* * *

Если сведения о жизни Гвиго Второго крайне скудны, то о его «возлюбленном брате Гервазии» (Жервэ), адресате *Леств*, не

¹ Гвиго Второго следует отличать от Гвиго Первого, автора «Обычаев Шартрезы» (*Consuetudines Cartusiae*), то есть Устава Ордена, бывшего пятым по счёту приором обители и пользовавшегося гораздо большей известностью. В прошлом двоих Гвиго нередко смешивали друг с другом — и, конечно же, приписывали Первому сочинения Второго.

² «Анналы картузианского Ордена» (*Annales Ordinis Cartusiensis*), II, p. 478.

³ Правда, французский перевод трактатов Гвиго был сделан неким «Картузианцем» (un Chartreux), пожелавшим остаться неизвестным.

известно вообще ничего. В своё время Дом А. Вильмар высказал предположение о том, что за этим именем скрывается третий приор картузианского монастыря Монс-Деи (Мон-Дьё) близ Реймса. Приорат Гervазия завершился в 1159 г.: то ли вследствие его смерти, то ли по иным причинам. Издатели трактатов Гвиго Второго, Э. Колледж и Дж. Уолш, ставят эту идентификацию под сомнение, но сами никаких гипотез на сей счёт не выдвигают¹.

Между тем напрашивается иное, более простое и неожиданное предположение. *Леств* определяется как «Послание господина Гвиго Картузианца брату Гervазию». Эти слова, «господин» и «брат», невольно обращают на себя внимание: к чему такие уточнения в общении людей, не просто близко знакомых друг с другом, но и состоящих в духовной связи? Кажется, ответ может быть вполне однозначным. «Господин» (*dominus*) в данном случае обозначает «иеромонах», т. е. монашествующий-священник. В современном варианте это звание сохранилось у картузианцев и бенедиктинцев, где иеромонахи носят звание «Дом» (*Dom*, из *dominus*). Тогда слово «брат» (*frater*) должно обозначать «просто» монаха, не облечённого священным саном; такие монахи у картузианцев занимались и занимаются преимущественно ручным трудом, ремёслами. Иеромонахи живут по большей части в отдельных домах или кельях, «братья» — в особой «киновии»; их общение друг с другом строго ограничено несколькими часами в неделю. Если учесть это обстоятельство, становится понятно, почему Гвиго пишет свой трактат в форме послания: иного способа поделиться своими мыслями у него попросту нет. Таким образом, выходит, что трактат Гвиго — часть «переписки из двух углов».

Из текста *Леств* явствует, что брат Гervазий решил обратиться к Дому Гвиго за советами относительно собственной духовной практики². Между тем вся I глава *Леств* выдержана в строгом духе смирения: Гвиго всячески подчёркивает первенство и превосходство своего адресата — во всяком случае, практическое. Думается, что это «этикетное» смирение, которое подлинный картузианец *должен* проявлять всегда. Прояв-

¹ См.: *Guigues II le Chartreux*, pp. 29–30.

² Ср. *Леств* I: «Не написать тебе в ответ я не могу, ибо ты первым пригласил меня к этому своим письмом».

лением этого смирения можно считать и самоопределение автора: «*брату* Гервазию — *брат* Гвиго». Если предположение о том, что Гервазий был простым монахом, верно, тогда, называя себя «братом», Гвиго стремится подчеркнуть их принципиальное равенство в области «духовного делания». Пожалуй, равны они и в своём стремлении к безымянности, безвестности; к ним в полной мере можно отнести девиз, сформулированный впоследствии автором знаменитого трактата «О подражании Христу»: *Ama nesciri*¹.

Единство сочинений Гвиго

Датировка сочинений Гвиго возможна только по косвенным данным. Ряд соображений указывает на то, что *XIIРазм* были написаны раньше, а *Леств* представляет собою значительно строже продуманную разработку основных мотивов первого трактата. *Леств* обычно датируют третьей четвертью XII века; о времени написания *XIIРазм* можно лишь гадать.

Несмотря на существенные различия, оба сочинения Гвиго выказывают несомненное лингвистическое, стилистическое и образное единство. Доказательств тому можно привести немало. Возьмём хотя бы метафору пережёвывания, поглощения и усвоения пищи, призванную проиллюстрировать процесс постижения Божественных истин: частично представленная в X и XI главах *XIIРазм*, она подробно развивается в III–VI главах *Леств*².

О единстве трактатов свидетельствуют также излюбленные Гвиго цитаты, переходящие из одного сочинения в другое. Такова, напр., довольно загадочная цитата из Псалма: «*in rase in idipsum*»³. В IX главе *XIIРазм* цитируется Пс 41, 5 о свадебной песни (epithalamium)⁴ — брачная песнь (epithalamium) упоминается и в гл. XV *Леств*⁵. Цитата из Пс 127, 2 в XII главе *XIIРазм*

¹ «Люби пребывать в безвестности» (лат.): «О подражании Христу», I. 8. Этот трактат, приписывающийся св. Фоме Кемпийскому, обнаруживает примечательные параллели с сочинениями Гвиго.

² Подробнее об этом мотиве см. ниже: наст. изд., с. 126–129.

³ Пс 4, 9 (Вульг): *XIIРазм*, гл. IV; *Леств*, гл. XV. См. наст. изд., сс. 45, 67.

⁴ См. наст. изд., с. 87.

⁵ См. наст. изд., с. 43.

(«будет тебе хорошо») приводится и в самом конце *Леств*¹, знаменуя собою *цель* трактата (то есть и его *τέλος*, и его *σχολός*).

Подобные примеры можно множить, но это, пожалуй, ни к чему: единство авторства обоих сочинений вполне очевидно.

«Божественное чтение» (*lectio divina*)
в христианской традиции

Оба сочинения Гвиго можно отнести к традиции *lectio divina* (лат. «Божественное чтение»). Более того: именно *Леств* считается одним из классических воплощений этой традиции.

Наряду с литургической и личной молитвой, а также физическим трудом, «*лекцио дивина*» была и остаётся одной из неотъемлемых характеристик христианской монашеской традиции — как на Западе, так и на Востоке. Общепринятого определения понятия «*лекцио дивина*», пожалуй, не существует. Однако ясно, что поначалу оно представляло собою индивидуальное (не литургическое) чтение Священного Писания, требующее напряжённого размышления-усвоения («*медитацио*») и призванное стать для христианина неиссякаемым источником его молитвы («*орацио*») и вообще духовной жизни. В дальнейшем ко Священному Писанию прибавились сочинения Отцов Церкви, жития святых, всевозможная благочестивая литература, и примерно к XV в. сложилось понятие «*лекцио спиритуалис*» (*lectio spiritualis*, «духовное чтение»), тесно связанное с «*лекцио дивина*», но представляющее собою, тем не менее, самостоятельный вид духовной практики.

Традиция «*лекцио дивина*» восходит, в конечном счёте, к иудаизму. Так, у кумранитов предписывалось наличие особого человека, изучающего Тору днём и ночью, а также её совместное изучение старшинами общины². У «рядовых» иудеев Писание читалось не только публично, в синагогах, но и в частном порядке. Поскольку не каждая семья могла располагать свитком Торы, тексты, очевидно, зачастую заучивались наизусть на богослужениях, а затем «пережёвывались» (т. е. глубоко усваивались) и воспроизводились по памяти³. Всё это близко напоми-

¹ См. наст. изд., сс. 45, 105.

² «Устав общины», VI. 6—7; см.: *Тексты Кумрана*, с. 121.

³ См.: Jousse.

нает нам то, что мы встречаем у Гвиго Второго: знак равенства между чтением и слушанием (на богослужении) и максимальное усвоение текста.

Известно, что раннехристианские общины уже к началу II в. н. э. располагали списками новозаветных книг, которые могли читать в частном порядке¹. Киприан († 258 г.) уже цитирует 0,9 всего объёма Нового Завета². Не случайно именно Киприану принадлежит высказывание, подчёркивающее неразрывную связь чтения Писаний с молитвой: «Либо усердно молись, либо читай: то сам ты беседуй с Богом, то Бог будет беседовать с тобою»³. Эта формулировка впоследствии неоднократно повторялась и переиначивалась многими Отцами и Учителями Церкви.

Однако впервые само выражение «Божественное чтение» (θεία ἀνάγνωσις) встречается у Оригена⁴ († ок. 254 г.), который, по словам св. Иеронима († ок. 420 г.), проводил все дни, чередуя чтение и молитву⁵. О постоянном чтении Писаний, чередующемся с молитвой, говорят многие Отцы Церкви, а также учредители и законодатели монашества — как восточного, так и западного⁶, — видевшие в «лекцио дивина» также мощное средство аскезы.

И всё же особое место в их ряду занимает Августин († 430 г.)⁷. Хорошо известны его слова об Амвросии, в которых обычно видят удивление Августина перед непривычной для него манерой «тихого чтения»: когда Амвросий читал, «голос и язык

¹ См.: Мецгер, сс. 39–74; Harnack.

² См.: Мецгер, сс. 160–161.

³ Лат. «Sit tibi vel oratio assidua vel lectio: nunc cum Deo loquere, nunc Deus tecum» («Послания», I. 15: PL IV. 221b).

⁴ Письмо Григорию Чудотворцу, 4: «И, прилежа Божественному чтению, правильно и с верою в Бога неуклонно отыскивай сокрытый от большинства ум (νοῦν, т. е. смысл) Божественных сочинений (γραμμάτων)».

⁵ Послание к Марцелле, 43. 2: PL XXII. 478: «Он проводил дни и ночи таким образом, что чтение сменяло (exciperet) молитву, а молитва — чтение».

⁶ Многочисленные примеры см.: Rousse, pp. 474–478.

⁷ Характерно, что и само обращение Августина произошло благодаря книге; ср. знаменитый эпизод с услышанными им словами: «Tolle, lege!» («Бери, читай!»): «Исповедь», VIII. 12. 29, пер. М. Е. Сергеев; см.: Августин, с. 144). В XX в. этот эпизод приводился как указание на возможность воздействия «лекцио спиритуалис» (см.: Naval).

его молчали»¹. Такая манера, отличная от принятого в античности чтения вслух, стала называться «*legere sibi*» (лат. «читать про себя»). Именно так обычно и совершалась «*лекцио дивина*» впоследствии².

Постепенно объём этого понятия расширяется. Уже св. Бенедикт († 547 г.) в своём «Правиле» предписывает монахам читать не только Священное Писание, но и жития Отцов, и «Правило» св. Василия Великого³. В Ключинском аббатстве в середине XI в. ко кругу авторов, рекомендуемых для чтения, прибавляются Евсевий, Орозий, Иосиф Флавий и даже Тит Ливий. Именно необходимость в книгах для «*лекцио дивина*» вызывает к жизни монастырские библиотеки и скриптории. «Божественное чтение» становится синонимом учёных занятий (лат. *studium*), интеллектуальной жизни.

* * *

В этом постепенном расширении понятия «*лекцио дивина*» принял участие и Гвиго II. Для него тоже тексты, используемые в этой практике, не ограничивались Священным Писанием⁴. В частности, можно предположить, что ему пригодились поэмы Лукреция и Овидия.

(1) Прежде всего, в *XIIРазм* (гл. V) Гвиго использует выражение *machina mundi*, «строение мира». Это выражение восходит к поэме Лукреция (ок. 99—55 до Р. Х.) «О природе вещей» (*De rerum natura*, V. 96):

... и рухнет глыба и устройство мира (*moles et machina mundi*),
поддерживавшееся в течение многих лет.

Впрочем, это выражение Гвиго мог позаимствовать и из сочинений других христианских авторов. Напр., несомненно к нему восходит выражение *machina mundana*, «мировое устройство»,

¹ «Исповедь», VI. 3. 3 (пер. М. Е. Сергеевко); см.: *Августин*, с. 87.

² Хотя, например, И. Момбэр († 1501 г.), один из представителей течения «*Девоцио модерна*», рекомендовал читать, напротив, вслух, поскольку «при этом истина крепче запечатлевается в сердце» (*Mombaer*, p. 126b).

³ См.: *Mundo*.

⁴ И здесь поневоле приходится возразить издателям трактатов Гвиго, утверждавшим, что он «сосредоточивается на одной лишь Библии» (см.: *Guigues II le Chartreux*, p. 34).

в одном из любовных стихотворений, входящих в сборник *Carmina Burana* (“A globo veteri”, № 67, строфа 1b) и принадлежащих, как полагают, Петру из Блуа (род. ок. 1135 г.):

Которая (т. е. Природа), приводя в действие причины /
Мирового устройства (*machinae mundane*), / О нашей Деве /
Уже тогда помышляя, / Усерднее пестовала Её, / Наделила
большей / Честью, / Дав Ей преимущество / И награду / За
труд¹.

В первых строфах этого стихотворения излагается космогония, сильно отличная от христианской и восходящая скорее к языческим представлениям (напр., творение происходит не «из ничего», а из некоего изначального субстрата, который называется то *chaos*, то *globus* — и т. п.).

Правда, непосредственным источником для Петра из Блуа (а возможно, и для Гвиги II, добавим мы) могли послужить не Лукреций и Овидий непосредственно, а сочинения вроде «Космографии» (*Cosmographia*) Бернарда Сильвестриса, опубликованной впервые в 1140-х гг. В качестве других возможных источников указывают на поэму Гиральда Камбрийского (ок. 1146 — ок. 1223 гг.) «Сотворение мира» (*De mundi creatione*) либо на сочинения Алана Лилльского (ок. 1120 — 1202 гг.) «Плач природы» (*De planctu Naturae*) и «Антиклавдиан» (*Anticlaudianus*). Но и Лукреций, и Овидий были, разумеется, знакомы многим средневековым авторам напрямую. Что же касается непосредственно выражения *machina mundana*, «мировое устройство», то оно есть, напр., у Пруденция (348 г. — после 405 г.) в «Происхождении греха» (*Hamartigenia*, 274ff):

Неудивительно, если вращаются сотрясённые члены мира, /
Если, приведённое в движение своими пороками, тяжко трудится
мирское / Строение (*mundana ...machina...*)²

(2) В той же V главе *XIII*Разм, несколько ниже, Гвиги даёт описание дотварного хаоса, который представляет собою его не устроенная Богом душа:

¹ Que causas machinae / Mundane suscitans, / De nostra virgine / Iam dudum cogitans, / Plus hanc excoluit, / Plus prebuit / Honoris, / Dans privilegium / Et pretium / Laboris (CB, p. 212).

² Nec mirum si membra orbis concussa rotantur, / si vitiis agitata suis *mundana* laborat / *machina*...

Она, словно некий хаос (*quoddam chaos*), из-за мешанины своей отвратительнейший и запутанный (*teterrimum et involutum*), не ведает ни конца своего, ни начала, ни порядка природы своей — разве только верит, что чудесным образом была создана Творцом своим из ничего и после сей жизни будет перенесена либо в преисподнюю, по заслугам своим, либо на небеса, по милосердию своего Родителя¹.

Это описание близко напоминает начало «Метаморфоз» Публия Овидия Назона (I. 5—9):

Не было моря, земли и над всем распростертого неба, —
Лик был природы един на всей широте мироздания, —
Хаосом (*chaos*) звали его. Нечленённой и грубой громадой (*moles*),
Бременем косным он был, — и только, — где собраны были
Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе.

(пер. С. В. Шервинского)

(3) И всё же Лукреций и Овидий как источники (будь то прямые, будь то опосредованные) духовной практики Гвиго не представляют собою чего-либо особенно удивительного. Однако совсем иное впечатление производит прочтение следующего загадочного отрывка (*Леств* XI, о пользе богооставленности):

Но берегись, невеста: когда нет с тобою Жениха, недалеко Он уходит; и, хоть ты его не видишь, он-то тебя всегда видит. Тело Его полно глаз спереди и сзади, никогда не сумеешь ты от Него укрыться, ведь вокруг тебя — Его вестники, дүхи, прозорливейшие доносчики, чтобы смотреть за тем, как поведёшь ты себя в отсутствие Жениха, и обвинить тебя перед Ним, если заметят в тебе какие-нибудь признаки распушенности и развязности.

Исходя из своих представлений о круге чтения Гвиго, его издатели указывают в качестве параллели к этому месту лишь описание колёс в видении Иезекииля (Иез 1, 18)². Но сюда, разумеется, следует добавить и описание херувимов в Иез 10, 12³, а также Откр 4. 6—8 (хотя это уже явно вторичное место, опирающееся на книгу Иезекииля).

¹ См. наст. изд., с. 69.

² «А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырёх вокруг полны были глаз».

³ «Все их тела, спины, руки и крылья были повсюду полны глаз, точно так же, как и их четыре колеса».

Однако сразу видно, что в книге Иезекииля не просто нет таких выразительных подробностей: там идёт речь о другом. Меркаба (а так трактуется это описание, по крайней мере в иудаизме) — не шпионит, не блюдёт, не карает. Нет никакой темы соблюдения верности, никаких указаний на ревнивого Жениха, неотступно следящего за своей невестой, причём не только самостоятельно, но и помощью особо назначенных для этого наблюдателей.

Зато все эти мотивы есть в совершенно неожиданном месте: это Михр-Яшт (Яшт 10), т. е. знаменитый гимн Митре из Младшей Авесты. Там говорится о Митре (зороастрийском, конечно) примерно следующее:

Всеведущий (*vîspô.vîdhvâ*), тысячеумный (*hazangra.yaoxshîfî*), тысячеухий (*hazangra.gaoša*), с десятью тысячами очей (*baēvare.čašman*). Этими очами он следит за лжецами, нарушившими слово. Обмануть его невозможно (*yô nôit kahmâi aiwi-draoxdhô*), он не подвержен лжи (*adhaoyamnô*). Он озирает всё, что между небом и землёй (*âdidhâiti yât aňtare zãm asmanemca*), видит всех лжецов (*vîspem vaēnaiti druzhiñtem*) (строфы 7; 24; 27; 60; 82; 91; 95; 107; 141).

Восемь подручных (*râtauyô*) Митры сидят на всех высотах, следя за теми, кто нарушает слово (*mithrô-drujem*); таких они различают (*daidhyañtô*) и замечают (*hishmareñtô*) (строфа 45). Намечается довольно строгая таблица соответствий между отрывком из Гвиги и этим гимном:

Жених (<i>Леств</i>)	Митра («Михр-Яшт»)
Хоть ты его не видишь, он-то тебя всегда видит	Всеведущий; очами следит за лжецами, нарушившими слово; озирает всё, что между небом и землёй
Тело его полно глаз спереди и сзади	С десятью тысячами очей; тысячеумный, тысячеухий
Никогда не сумеешь ты от него укрыться	Обмануть его невозможно, он не подвержен лжи, видит всех лжецов
Вокруг него — его вестники, дүхи, прозорливейшие доносчи-	Восемь подручных Митры сидят на всех высотах, следя за теми,

ки, чтобы смотреть за тем, как- кто нарушает слово; таких они
поведёшь ты себя в отсутствие различают и замечают
Жениха, и обвинить тебя перед
ним

Картина получается впечатляющая. Об иранском влиянии на иудаизм после пленного периода, и в частности на книгу Иезекииля, было написано уже немало. Неплохо изучено и влияние зороастризма на христианство¹. Но в основном речь идёт всё же о первых веках христианства, где влияние митраизма действительно было значительным. Но Гвигио II жил всё же во второй половине XII века, и подозревать его в непосредственном знакомстве с младоавестийским гимном Митре — попросту невозможно. Значит, приходится предположить, что он имел дело с каким-то промежуточным источником, где достаточно подробно и точно излагались мотивы этого гимна. Что это был за источник — ещё предстоит установить (кто-то из ересиологов или таких Отцов Церкви, как Фирмик Матерн?). Ответа пока нет; но сам по себе вопрос о неожиданно широком религиозно-доктринальном кругозоре приора Великой Шартрезы заслуживает самого пристального внимания.

* * *

Дальнейшее развитие традиции «*лекцио дивина*» за счёт расширения объёма «рабочих текстов», обособление практики «*лекцио спиритуалис*» и связанные с этим проблемы не имеют прямого отношения к разговору о Гвигио II². Отметим лишь, что эта традиция в Западном монашестве никогда не угасала; жива она и поныне. Второй Ватиканский Собор (1962—1965 гг.) снова подчеркнул её значимость³.

¹ Вспомним хотя бы уникальный эпитет Митры из того же 10-го Яшта: *tanumāthra*, т. е. «тот, чьё тело состоит из слова/мантры». Здесь обычно принято видеть прообраз христианского богословия Воплощения Слова/Логоса.

² См. об этом: *Rousse*, с обширной библиографией.

³ Декрет «*Perfectae caritatis*», 6 и Конституция «*Dei Verbum*», 25 (см.: *Документы II Ватиканского Собора*, сс. 190—191 и 251).

*Краткий экскурс: духовная практика
как пережёвывание и усвоение пищи*

В *Леств* (гл. III) Гвиго II сравнивает описываемую им методику духовной практики с пережёвыванием и перевариванием пищи:

Чтение как бы целиком вкладывает в уста пищу, размышление разжёвывает её и размалывает (*masticat et frangit*), молитва — обретаёт вкус, а созерцание — это сама сладость, веселящая и подкрепляющая.

В средневековых (и не только) латиноязычных христианских сочинениях, посвящённых духовной практике, эта метафора встречается часто: священный текст нужно тщательно «пережёвывать» (*ruminare* и т. п.), потом «отрывать» (*eructare*), потом снова «пережёвывать» и т. д., и только потом уже «переваривать» (*digerere* и т. п.), «усваивать» (*partem sui facere* и т. п.). Здесь можно сослаться хотя бы на нескольких знаменитых современников и почти современников Гвиго II: на Гильома из Сен-Тьерри († 1148 г.)¹, Бернарда из Клерво († 1158 г.)² и Бонавентуру из Баньореджо († 1274 г.)³. Впрочем, и впоследствии эта традиция не прерывалась: она идёт через «Жизнь Христа» Лудольфа Картузианца (I. 2. 7) через анонимный «Краткий компендий “Духовных упражнений”»⁴ и вплоть до «Духовных упражнений» (ДУ) св. Игнатия Лойолы⁵.

Но, пожалуй, именно Гвиго II в обоих своих трактатах разрабатывает эту метафору наиболее подробно и охотно.

---

¹ «Письмо братьям из монастыря Монс-Деи», I. 10. 31 (PL 184, 327c–328a): «Но и из ежедневного чтения кое-что следует отправлять в чрево памяти (*in ventrem memoriae*), чтобы оно вернее переварилось (*digeratur*) и, возвращаясь обратно, тщательнее пережёвывалось (*ruminetur*)».

² «На Песнь Песней», 16. 2.

³ Путеводитель души к Богу, I. 5: «Надлежит не поверхностно пробежать по этим умозрениям, но тщательнейшим образом (*morosissime*) их пережевывать (*ruminandus*)».

⁴ Рус. пер.: Аноним 2006, сс. 130, 207.

⁵ ДУ [2]; [102]; [111]; [137]; [150]; [191]; [201]; [219]; [342] (рус. пер.: Лойола 2010).

Приведённых выше примеров, наверное, достаточно для того, чтобы показать, что метафора пережёвывания/переваривания пищи прочно укоренена в христианской традиции духовных упражнений. Но даже самый поверхностный обзор истории вопроса показывает, что у этой метафоры, видимо, два разных корня, друг от друга никак не зависящих: иудейский и эллинский.

(1) Начнём с иудейского. Как известно, у «рядовых» иудеев Писание читалось не только публично, в синагогах, но и в частном порядке. Поскольку не каждая семья могла располагать свитком Торы, тексты, очевидно, зачастую заучивались наизусть, а затем как раз «пережёвывались» (т. е. глубоко усваивались) и воспроизводились по памяти. Отсюда и сравнения благочестивых иудеев с различными жвачными животными:

Как животное жуёт жвачку, так народ, который ему соответствует, возносит устами хвалы Святому (Мидраш Раба, Лев 13: 5).

Поэтому верблюд символизирует Вавилон и его царя Навухаднецара, о котором написано: «Теперь я, Навухаднецар, превозношу и восхваляю Царя небесного» (Дан 4: 34)¹.

Мидию символизирует кролик, жующий жвачку, потому что царь Кир разрешил евреям возвратиться в Иерусалим.

Зато свинья жвачку не жуёт. Поэтому она ассоциируется с сынами Эдома, а её мясо запретно. Именно так высказывался один из авторитетов: «Она не жуёт жвачку» (Лев 11: 7)².

(2) Однако, независимо от этого, у античных авторов, продолжавших собственную древнюю (возможно, пифагорейскую) традицию духовных упражнений, эта метафора тоже вполне обычна. Здесь будут упомянуты лишь несколько из них: Эпиктет (50 г. — 138 г.), Плутарх (ок. 45 г. — ок. 127 г.) и Сенека (4 г. до Р. Х. — 65 г.).

Вот особенно примечательный пассаж (Эпиктет II. 9. 18):

Ведь одно дело отложить хлеб и вино в кладовую, другое дело — съесть (φαγεῖν). Съеденное переварилось (τὸ βρωθὲν ἐλέφθη), рас-

¹ Отсюда, наверное, и не вполне понятная иначе история о том, как сей царь стал есть траву.

² Изложено по: Глазерсон, сс. 162–163.

пределилось (ἀνεδόθη), стало жилами, плотью, костями, кровью, здоровым цветом лица, здоровым дыханием.

(пер. Г. А. Тароняна)¹

Плутарх («Как узнать о собственном преуспейании в добродетели», 80A) подаёт пример своевольного толкования хрестоматийного места из Гомера:

Если те, кто зарабатывает на философии, сразу же будут выводить на агору, на беседу юношей или на царское пиршество только ещё обучающихся, упражняющихся и наблюдающих, то они не больше думают о том, что нужно заниматься философией, чем продающие лекарства — о том, что нужно лечить. Такой софист скорее ничем не отличается от гомеровской птицы, которая

*Как птица приносит неоперившимся птенцам
Всё, что ухватит в клюв, даже если ей самой это
причиняет вред² —*

— ей, которой ничто из добытого не идёт на обычную пользу, ибо она этого не усваивает (ἀναδιδόντι), не переваривает (καταλέττοντι).

Наконец, в латинской философии этой метафорой пользуется в своих целях Сенека («Нравственные письма к Луцилию», II. 4):

Не приносит пользы и ничего не дает телу пища (*cibus*), если ее извергают, едва проглотивши. <...> Во множестве книги лишь рассеивают нас. Поэтому, если не можешь прочесть всё, что имеешь, имей столько, сколько прочтёшь — и довольно.

---

¹ У того же Эпиктета (III. 21. 2f) эта тема развивается:

«Те, кто вобрал в себя голые правила, тотчас же хотят изрыгнуть (ἐξεμέσαι) их, как страдающие желудком — пищу (τροφήν). Прежде всего перевари (πέψον) их, затем не изрыгай (ἐξεμέσῃς) вот так. А иначе дело чистое в действительности получается рвотным средством (ἐμετός) и несъедобным (ἄβρωτον). Но ты покажи нам какое-то изменение своей верховной части души вследствие усвоения (ἀναδοθέντων) их, как атлеты показывают свои плечи, развитые вследствие упражнений и еды (ὡν ἔφαγον)». (пер. Г. А. Тароняна)

² «Иллиада», IX. 323–324 (пре. Н.И. Гнедича)

Словно как птица, беспёрым птенцам промышляючи корму,
Ищет и носит во рту и, что горько самой, забывает.

«Но, — скажешь ты, — иногда мне хочется развернуть эту книгу, иногда другую». — Отведывать (*degustare*) от множества блюд признак пресыщенности, чрезмерное же разнообразие яств не питает, но портит желудок. Потому читай всегда признанных писателей, а если вздумается порой отвлечься на другое, возвращайся к оставленному. Каждый день запасай что-нибудь против бедности, против смерти, против всякой другой напасти и, пробежав многое, выбери одно, что можешь переварить (*concoquas*) сегодня.

(пер. С. А. Ошерова)

Итоги этого поверхностного обзора ясны: христианство вобрало в себя две не зависевшие друг от друга традиции, причём в рамках христианских духовных практик эта метафора получила дальнейшее любопытное развитие. Свой вклад в это внёс и Гвиго II Картузианец.

Место Гвиго в Западной мистической традиции

XII век, когда жил Гвиго, был важным этапом в развитии мистической традиции христианского Запада. В чём именно состояло значение этого этапа, можно показать на примере одного из малоизвестных её представителей, а именно самого Гвиго. С одной стороны, он усвоил и верно сохранил опыт не только своих предшественников и современников (Бернарда из Клерво, Гильома из Сен-Тьерри, Гуго и Ришара Сен-Викторских), а через них — и наследие Отцов Церкви. С другой же стороны, Гвиго с этой традицией в известном смысле порывает.

Его великих современников столь же глубоко, как и самого Гвиго, занимал вопрос о том, как достичь высот созерцания. Однако, в то время как большинство из них удовлетворялось утверждением о том, что это возможно лишь благодаря вольному дару Бога, Гвиго первым применил здесь классическое христианское учение о взаимодействии благодати и свободной воли и указал, какую именно роль играют эти две силы, когда человек поднимается по традиционной «лестнице» созерцания. Например, для Ришара Сен-Викторского само собой разумеется, что размышление (*meditatio*) — процесс сугубо интеллектуальный, а интеллект сам по себе не способен достичь всей полноты познания и любви к Богу. Гвиго же, в отличие от него, был убеждён, что в достижении созерцательных высот свободная

воля человека и его интеллект играют столь же существенную роль, что и благодать Бога.

Сразу ли пришёл Гвиго к этой мысли? Если *Леств* действительно написана после *XIIРазм*, тогда соблазнительно будет наметить хотя бы самые основные этапы развития мышления Гвиго. Например, так: коль скоро учение о взаимодействии благодати и свободной воли излагается только в *Леств* — значит, Гвиго осознал необходимость его приложения к вопросу о созерцании только после написания *XIIРазм*. В эту же эволюционистскую схему можно уложить и следующий факт: в *XIIРазм* мы имеем дело с тем, что можно было бы назвать «вольницей аллегоризма», тогда как в *Леств* несравненно ярче проявляется логическая *воля* к порядку — не «кудрявому»¹, как в *XIIРазм*, а строгому, чёткому, легко обозримому *Ordnung*.

Об этом ещё пойдёт речь ниже; а пока отметим, что подобный эволюционистский подход к сочинениям Гвиго может завести далеко. Если в этом свете рассмотреть, например, аллегорический метод, как его использует Гвиго, то окажется, что в течение двух-трёх десятилетий он проделал тот путь, который богословская мысль в целом прошла на протяжении многих веков. Если принять за исходную точку широкого бытования *христианской* аллегорезы деятельность Александрийской богословской школы², а за время решительного отказа от неё — эпоху Реформации и Контрреформации, то получится, что просуществовала она более тысячи лет. А Гвиго, отдавший щедрую дань аллегорезе в *XIIРазм* и сильно сокративший её использование в *Леств*, окажется кем-то вроде «вундеркинда» или даже

¹ «Я сказал: виноград как старинная битва живёт, / Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке» (О. Э. Мандельштам, «Золотистого мёда струя...»).

² Александрийская аллегореза восходит, видимо, к Филону Александрийскому (ум. ок. 50 г. по Р. Хр.), а его аллегореза представляет собою причудливый сплав иудейской и эллинской, а создателем последней считался пифагореец Феаген Регийский (вторая половина VI в. до Р. Х.), а то и учитель самого Пифагора, Ферекид Сиросский (сер. VI в. до Р. Х.), который, в свою очередь, знал «тайные книги финикийцев»... Всё это так; но в данном случае нас занимает прежде всего именно *христианская* аллегореза, причём не с точки зрения её генезиса, а как некое условное целое. О её классическом этапе см. толковый очерк: *Эко* (2003), сс. 71–106 (глава «Символ и аллегория»).

пророка: ведь в своём «онтогенезе» он прошёл чуть ли не весь «филогенез»!

Так ли это в действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала поделиться некоторыми наблюдениями над содержанием и стилем сочинений Гвиго.

«ДВЕНАДЦАТЬ РАЗМЫШЛЕНИЙ»

«Размышления» (*Meditationes*) представляют собою, по сути дела, двенадцать ярких примеров того, как нужно действовать на *второй* ступени лестницы созерцания, описанной Гвиго во *втором* его трактате. *XIIРазм* строятся на свободных ассоциациях, возникающих при чтении тех или иных мест Священного Писания. Ассоциации эти преимущественно «внутритекстовые»: это означает, что некое место из Писания, взятого как единое целое, соотносится в сознании Гвиго с неким другим местом, то — ещё с одним, ещё и ещё... Так сплетается сложная сеть, где каждая цитата кивает на множество других, тем самым как бы заявляя: «Я значу вовсе не то, что ты думал поначалу!» В этом-то и состоит, собственно говоря, цель «чтения»: выстроив изощрённую систему взаимных отражений, добраться до аллегорического смысла, отбрасывая смысл грубый, буквальный.

Разумеется, для такого «чтения» надо обладать отменной памятью. И Гвиго, похоже, знал «Вульгату» наизусть. Во всяком случае, его способность находить в ней нужные ему места превышает возможности нынешних поисковых текстовых программ. Превышает — потому что Гвиго сопоставляет друг с другом не только «слова» Писания, но и «дела», о которых в нём повествуется; его аллегории строятся не только *in verbis*, но и *in factis*¹. Прибегнув к анахронизму, можно сказать, что *XIIРазм* разыгрываются на той самой «упоминательной клавиатуре», в которой Мандельштам, например, видел «самую сущность образования»². Пользуясь ассоциативной памятью, Гвиго

¹ Это характерная черта того типа христианской аллегорезы, который У. Эко правомерно называет «библейским и литургическим»; см.: Эко (2003), сс. 93–95.

² «Разговор о Данте», II; см.: Мандельштам, т. 2, с. 368. Ср. также: «Образованность — школа быстрейших ассоциаций» (там же, с. 367).

«собирает» свои *XIIРазм* из многочисленных цитат и аллюзий (в том числе и из языческих авторов: напр., из Лукреция), перемежаемых собственными словами. Порою процент цитат и аллюзий настолько высок, что из-под пера Гвиго выходит почти настоящий центон¹ — да не простой, а аллегорический.

Стихия аллегорезы

Эти две характерные черты *XIIРазм* — «центонность» и буйный аллегоризм — сильно мешают современному человеку воспринимать и понимать сочинения Гвиго. Две-три аллегии мы ещё в состоянии вынести, но безудержный поток самой замысловатой аллегорической «отсебятины» (с нынешней точки зрения) уже явно претит нашему вкусу.

Кроме того, в некоторых аллегорических упражнениях Гвиго заходит, как нам может показаться, уж слишком далеко. Ладно ещё, когда мытарь Закхей у него вдруг оборачивается вороном, словно пушкинский мельник², а сам Гвиго — верблюдом³: это даже может показаться забавным, а для историка религий, пожалуй, в чём-то и поучительным. Но вот мы уже начинаем несколько настораживаться, когда, например, в конце гл. I *Леств* читаем такое посвящение «возлюбленному брату Гервазию»⁴:

Тебе первому по праву преподношу я эти начала нашего труда, дабы ты собрал первые плоды молодой посадки, которую, достойно похитив из рабства Фараону и из любезного уединения, поместил ты в стройный боевой порядок, искусно привив к оливе ветвь, умело отсечённую от дикой маслины.

Молодая посадка, которую похищают из рабства Фараону и при

---

¹ «Центон (от *лат.* cento — одежда или одеяло из разноцветных лоскутов): стихотворение, целиком составленное из строк других стихотворений. <...> Наиболее известны позднеантичные центоны Авсония, Пробы и др. (по Вергилию), византийский “Христос страждущий” (по Еврипиду). После эпохи барокко форма центона выходит из употребления, её используют как стихотворную шутку» (*Гаспаров 1983*, с. 492).

² *XIIРазм*, гл. III (см. наст. изд., с. 61.). Ср.: «Князь. Кто ты? — Старик. Я здешний ворон» (А. С. Пушкин, «Русалка»).

³ *XIIРазм*, гл. VII (см. наст. изд., с. 77.).

⁴ См. наст. изд., с. 9.

этом ставят в строй, да ещё и прививают к оливе... Не многовато ли для одной фигуры, пусть и аллегорической?¹

Ещё неуютнее становится, когда читаешь аллегорическое описание Богоматери в VIII главе *XIII Разм*², где Она предстаёт (последовательно): царским дворцом; Соломоновым престолом (причём описание отдельных его деталей способно навести на мысли совершенно неуместные); затем Сама же этот престол (т. е. Себя) воздвигает; поднимается по лестнице, т. е. по Себе Самой... И завершается всё это торжествующей риторической цепочкой:

Он — Господь, Я — Раба; Он — роса, Я — земля, отсюда и хлеб;
Он — манна, Я — сосуд, отсюда и червь. «Я червь», говорит Он...

К державинскому «Я раб, я царь, я червь, я бог» мы, кажется, уже привыкли; — но чтобы Сам Бог называл Себя червем?...³

¹ Разумеется, за этим хотелось бы видеть не простой набор цитат, а намёк на некую жизненную ситуацию. Гвиго хочет сказать, что именно Гервазий поставил его на путь духовной практики — это ясно. Но что именно нужно понимать под «рабством Фараону» и т. п.? Издатели трактатов Гвиго перечисляют несколько возможностей, в том числе и такую: благодаря Гервазию Гвиго покинул мир и стал монахом. Но вывод таков: на сей счёт мы можем лишь гадать (см.: *Guigues II le Chartreux*, pp. 229–30). И с этим малоутешительным выводом невозможно не согласиться.

² См. наст. изд., с. 81–83.

³ Парадоксальное, даже «кошунственное», сопоставление Христа с червем, проводимое здесь Гвиго, восходит к Пс 21, 7: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе» («Синодальный» перевод). Этот псалом, начальные слова которого Иисус произнёс на кресте, перед смертью, уже евангелисты толковали в «мессианском» или, точнее, «прообразовательном» духе, то есть понимали его как слова Христа, а не псалмопевца. О таком аллегорическом, «прообразовательном» понимании этих слов говорит Дионисий Ареопагит, затрагивая щекотливый вопрос о том, как можно говорить о Боге, прибегая к низменным сравнениям: «Прибавлю ещё и то, что кажется недостойней и невероятнее всего: сведущие в предметах Божественных передают, что <богоначалие (θεαρχία)> приписывает само себе даже вид червя (σώληκος)» («О небесной иерархии», II. 15–21; см. об этом: *Эко* (2003), сс. 80–81). Дионисий Ареопагит упоминает и другие отождествления Высшего Начала с такими низменными существами, как животные: пантера, бесплодная медведица и т. п. (см. там же). У Гвиго этот мотив развивается, по всей видимости, за счёт представления о том, что черви «самозарождаются» в мукé, т. е. появляются на свет в известном смысле «непорочно».

Этот своеобразный «постмодернизм» Гвиго (под коим в данном случае подразумевается насильственное разлучение означающего с означаемым) ярко проявляется и в характерной для него «физиологичности». В самом деле: основные образные мотивы обоих трактатов, по сути дела, вполне физиологические: это жажда и питьё, сон, пищеварительный процесс (особо любимый мотив)... Разумеется, при аллегорической «возгонке» всё материальное содержание здесь улетучивается — однако поражает то, что через свои алембики Гвиго с равным успехом пропускает не только «физиологию», но и священные тексты, содержание которых улетучивается с не меньшей скоростью. Коротко говоря, ему мало дела не только до истинного содержания использованной им цитаты, но даже и до контекстуального значения отдельных составляющих её *слов* — лишь бы они, то есть эти *слова*, подходили ему, пусть и в каком-нибудь другом значении. Вот, скажем, он развивает аллегорию вод небесных, неспособных низвергнуться вниз потому, что Бог их поддерживает, и обращается к Нему с мольбой¹:

Поддержи (suspende) и мои воды, поражённые сладостью гласа Твоего, ибо поддержание (suspendium) Твоё предпочла душа моя².

Здесь у Гвиго — почти точная цитата из Книги Иова (разумеется, по Вульгате); там сказано: «quam ob rem elegit suspendium anima mea». Но ведь эти слова Иова — вопль отчаяния, и suspendium означает здесь «удушьё»³. Откуда же такой странный ход мысли? Уж не оттого ли, что предыдущая фраза завершалась цитатой из послания апостола *Иуды* (стих 6), а его имя вызвало в памяти Гвиго другого Иуду, который, по Вульгате, laqueo se *suspendit* («повесился»)?⁴ Возможно, слово «suspendium» забрезжило в памяти Гвиго, подсказав ему соответствующий глагол, пусть и в другом значении, и другой ассоциативный ход⁵. Что же до реального значения слова в цитате из Книги Иова, то в вольнице

¹ *XIII Разм*, гл. VI (см. наст изд., с. 73).

² Ср. Иов 7: 15 (Вульг.).

³ Ср. пер. С. С. Аверинцева: «*Не дышать хотела бы моя душа; лучше смерть, чем моя боль!*»

⁴ Мф 27: 5.

⁵ Впрочем, у св. Бонавентуры почти аналогичное слово (лат. *suspensio*) используется совсем в ином смысле, близко напоминающем «стоянки» (араб. *макама*) на суфийском мистическом пути богопознания. См. «Пу-

аллегоризма подобные мелочи в счёт не идут. Там царит логика Шалтая-Болтая из «Алисы в Зазеркалье»: «Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше»¹.

Едва ли не самый яркий пример подобного «творческого прочтения», доходящего почти до кощунства (во всяком случае, для современного читателя) — это цитата из Мк 14: 41 в XI главе *XIIРазм*. Там приводятся слова Иисуса, обращённые к уснувшим в Гефсиманском саду ученикам («Всё ещё спите и почиваете?»), которые Гвигу, опираясь на Вульгату, понимает как повеление или, скорее, уговаривание («Спите уж, почитайте!»), не обращая ни малейшего внимания на то, что сразу за этим следует призыв: «Хватит! Час настал!»²

Если же слово не хочет значить «то́, что я хочу», тогда можно взять какой-то иной вариант текста. Именно так поступает Гвигу, цитируя не только Вульгату, но и «Ветус Латина», доиеронимовский латинский перевод Писания, в V главе *XIIРазм*³. И пожалуй, лучшее, что можем сделать мы — это не раздражаться филиппиками в адрес такого мышления, столь нам чуждого (как делали, например, Розанов и Лютер), а попытаться понять если не его *законы*, то хотя бы *методы*, по которым оно действует.

Анализ библейской и литургической аллегорезы Гвигу

Попробуем разобраться в том, как строится VII глава *XIIРазм* и чему она служит. По объёму глава невелика (в ней меньше двух машинописных страниц), но для стиля Гвигу она вполне показательна. Исходный «сюжет» её прост: это история сватовства Исаака к Ревекке (Быт 24); но ассоциативные и образные волны, расходящиеся из этого ядра, образуют узор весьма прихотливый и сложный.

Лейтмотив главы — жажда, утоляемая Девой. Эта тема очень искусно, по контрасту, вводится концовкой предыдущей, VI главы, в которой речь идёт о водах. Антитетичность и вообще характерна для мышления Гвигу; здесь же столь эффектный

теводитель души к Богу», I. 2—3, где словом *suspensio* обозначаются шесть ступеней пути к Богу (*Бонавентура*, с. 42).

¹ «When I use a word, <...> it means just what I choose it to mean — neither more nor less» («Алиса в Зазеркалье», гл. VI; пер. Н. Демуровой).

² См. наст. изд., с. 101.

³ См. наст. изд., с. 69.

переход доказывает, между прочим, что главы VI и VII должны следовать одна за другой по замыслу автора.

В основе главы лежат несколько пар аллегорических отождествлений: Авраам = Бог Отец; раб Авраама = Гвиго; Исаак = Христос; Ревекка = Приснодева, верблюды = Гвиго и прочие грешники. Кроме того, есть одна эпизодическая роль: дьявол, напрямую не названный и лишь на миг промелькнувший где-то на заднем плане¹. Все главные «роли» содержательно важны для всего эпизода. Они выдерживаются на всём протяжении сцены, и только сам Гвиго в известный момент молниеносно преобразуется из раба в верблюда².

Итак, Ревекка предлагает напиться рабу Авраама и его верблюдам, а также предоставляет им место для ночлега, тем самым соглашаясь стать невестой Исаака. Эту нехитрую схему Гвиго превращает в объект своего духовного упражнения, которое сам так и называет: «размышление» (*meditatio*). Весь сборник *XIII Разм* как раз и есть ряд упражнений на различные темы; а из *Леств* мы знаем, что, кроме размышления, существуют ещё чтение, молитва и созерцание.

Как же происходит «размышление»? Да ровно так, как описывает его сам Гвиго в III–VI главах *Леств*, т. е. как процесс «пережёвывания» и «проглатывания» того или иного «куска» из Писания. Прежде всего, Гвиго выделяет в исходной схеме несколько «образов-организаторов» (дева, жажда, верблюды и т. д.) и отдаётся вольному ходу ассоциаций. В данном случае это означает, что он припоминает другие места (из обоих Заветов), где эти мотивы встречаются. (В конечном счёте таких «цитат по ассоциациям», придающих новый поворот мысли упражняющегося, наберётся в этой главе около десятка).

Первая из них подсказана мотивом «жажды»: это история богача и нищего Лазаря (Лк 16), тотчас же переводящая исходную схему в новое измерение. Эта ассоциация подсказана, конечно, и фигурой Авраама, к которому обращается с мольбой

¹ Он и появился только по ассоциации: Дева «мужем не познана», т. е. не тронута тем «мужем», от которого — грех.

² Ср. слова «некоего старца» в «Великом Патерике» (132): «Стань как верблюд, тяжело нагруженный поклажей своих грехов, за узду следующий за тем, кто ведает путь Божий» (пер. А. В. Маркова, Д. А. Поспелова; цит. по: *Великий Патерик*, с. 48).

изнывающий от жажды богач (напомним: сам Гвиго пока что отождествляет себя с рабом *Авраама*). Ясно, что к истории Ревекки это не имеет ни малейшего отношения, но Гвиго об этом и не заботится; его задача — придать исходной схеме некий свежий «оттенок вкуса».

Затем опять возвращается сцена у колодца, а от неё — новая ассоциация: красота и непорочность Девы. На ум Гвиго, естественно, приходит Песнь Песней («Вся ты прекрасна, и нет на тебе ни пятнышка!»), и тут-то на единственный миг промелькивает дьявол, опрометью от этой чистоты бегущий.

Следующий ход — от непорочности к готовности помочь. Снова сцена у колодца, Ревекка и кувшин у неё на плече. «И верблюдам дам напиться» — и Гвиго оборачивается верблюдом, т. е. грешником. Жест Ревекки, снимающей с плеча кувшин, Гвиго с великолепной смелостью превращает в трансцендентный: с горнего (*altissima*) плеча кувшин в один миг опускается на преклонённую к земле (*humilis*¹) и податливую (*flexibilis*²) руку Девы. Этот жест, нисходящий из мира горнего в мир дольний, обращён ко всем, в том числе и ко грешникам. И они спешат напиться, а Гвиго вспоминает цитату из Исаяи (60: 6) о «множестве верблюдов», тем самым отождествляя Деву с Иерусалимом.

Это отождествление могло бы, наверное, повлечь за собой вереницу новых ассоциаций, но Гвиго бросает этот эффектный ход и возвращается к теме гостеприимства Ревекки. На сей раз он представляет себя отверженным, и этот мотив подкрепляется «бедственными» цитатами (Иез 39: 4; Плач 1: 2), переходящими к «обнадёживающей» (Пс 9: 35, Вульг = 10: 34 «Син»). Он просит Ревекку принять и его под свой кров, дать ночлег; мотив ночлега до рассвета неожиданно вызывает у него едва ли уместные «эротические» ассоциации³ (не будем, впрочем, забывать об аллегорической «алхимии» Гвиго: ему важны лишь слова Писания сами по себе, а не их контекст). Далее следует сцена отъезда

¹ Конечно, «*humilis*» в обычном словоупотреблении значит прежде всего «смиранный», но в данном случае важна этимологическая связь со словом «земля».

² «*Flexibilis*» означает не только «гибкий», но и «подающийся мольбам», и это очень важный для Гвиго смысловой оттенок.

³ См. Притч 7: 18; Песн 2: 17; 4: 6.

Ревекки к Исааку, причём в уме Гвиго возникает картина богатого каравана с благовониями, особенно уместная в 3 Цар 10: 2, где речь идёт о приезде царицы Савской к Соломону.

Заключает главу изощрённый ассоциативный ход: грешник-верблюд склоняет колени перед Девой, как становится на колени настоящий верблюд (замечательный образ!). Верблюда погоняют чем-то вроде жезла (лат. *virga*); отсюда память Гвиго подсказывает ему эсхатологический контекст из Исаяи (11: 4) о «жезде (*virga*) уст» Мессии, которым Он поразит землю. А заступиться за грешников призвана Дева (лат. *Virgo*). Итак, *virga* предстаёт орудием казни, а *Virgo* — милосердной Заступницей: это созвучие блистательно завершает собою сложный, многомерный (по сути дела, «центонный») образ Пресвятой Девы, созданный Гвиго в этой главе.

Гвиго-поэт

По необходимости краткий, хотя и далеко не полный разбор VII главы *XIIРазм* уже превысил по своему объёму саму главу. Это и не удивительно: ведь мы, несомненно, имеем дело с текстом *поэтическим*. Надо сказать, что Гвиго всегда пишет отменно; и всё же в *XIIРазм* он — поэт в гораздо большей степени, чем в *Леств.* Причём не только из-за своеобразного «импрессионизма», столь характерного для более раннего трактата: попросту говоря, в *XIIРазм* есть немало мест, которые никто не усомнится назвать подлинно поэтическими. Вот, например, парадоксальная картина водопада, застывшего от сильного жара:

Благодаря непрестанному жару, Господи, воды наднебесные затвердели до прочности хрусталя; низвергнуться вниз они уже не могут; и когда луч солнца Всевышнего ударяется в них, они друг за другом дают яркие отблески: «Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф!»¹

Замечательно смелый, неожиданный и впечатляющий образ: хрустальный водопад, застывший от сильного жара. Но одной образностью дело не ограничивается: Гвиго охотно прибегает и к иным поэтическим средствам. Вот пример стиха в прямом смысле слова:

¹ *XIIРазм*, гл. VI (см. наст. изд., с. 73).

Contremiscant aquae nóstrae a sónitu tonítrui túi¹

Прежде всего, это шестнадцатисложник, распадающийся на два полустишия по восемь слогов в каждом (*Кон-трэ-ми-скант-á-квэ-нó-стр'а* // *сó-ни-ту-то-ни-труи-ту-и*). Таким размером написано, например, первое последовательно рифмованное поэтическое произведение на латинском языке: «Псалом против донатистов» (*Psalmus contra Donatistas*) св. Августина².

Далее, даже невооружённое ухо услышит в этой строке созвучия (*контрэ~*, *нострэ~*). Но особенно впечатляет восьмисложная последовательность: *ни-ту-то-ни-труи-ту-и*. Это уже, несомненно, попытка создать звуковую картину раскатов грома, чему служит огласовка (*у-о-и-и-у-и*) и аллитерация (*т-т-н-тр-т-*).

Другое выразительное поэтическое средство — рифма. Во времена Гвиго она уже прочно вошла в латиноязычную поэзию. Кроме того, сохранилась и даже заново окрепла давняя традиция рифмованной прозы: так написаны, напр., драмы Хротсвиты (X в.)³. Возможностей для рифмовки в латинском языке немало (окончания глагольных форм, герундиев, существительных и т. п.), так что она может возникать произвольно. Однако в некоторых пассажах Гвиго частота рифмовки такова, что мысль о произвольности отпадает сама собою. Вот одно из таких мест:

...faciunt hoc hypocritae,
carnem suam crucifixerunt,
sed mercedem a Christo non receperunt.
Quare? Quia timorem
Dei non habuerunt. <...>
Multi carnes suas crucifixerunt
non tuo timore
sed vanitatis amore⁴.

¹ «Да содрогнутся воды наши от грохота грома Твоего»: *XIIРазм*, гл. VI (см. наст. изд., с. 73). Словосочетание *tonitrui tui*, «грома Твоего», Гвиго взял из Пс 76, 19, Вульг.

² См. об этом: *Гаспаров* (2003), сс. 78, 87–88.

³ См.: *Гаспаров* (2003), с. 85.

⁴ «...делают так лицемеры; плоть свою они распяли, а награды от Христа не получили. Почему? Да потому, что страха Божия не было у них. <...> Многие плоть свою распинали не из страха перед Тобою, а из любви к

При такой записи схема рифмовки становится вполне наглядной: ААБААББ. Преднамеренность этого построения представляется вполне очевидной.

Наконец, обратим внимание на такое выразительное средство, как риторические фигуры. Благодаря их применению порою возникают своеобразные «строфические» конструкции. Вот пример одной из них, построенной на анафоре:

Gáudet edácitas,
pénnullas móvet,
sed móx in arénam convértitur.
Gáudet luxúria,
módicum vólitat,
sed móx in arénam máris tránsit¹.

Если записать эти фразы так, как они записаны здесь, они воспринимаются как два «трёхстишия». Здесь, кроме анафор в первой и третьей строках «трёхстиший» (*Gaudet ... sed móx in arénam*), важно ещё почти равное число слогов в строках: 6 / 5 / 10 на 6 (или 5) / 6 / 10.

Вернёмся теперь к разобранный выше VII главе *XIIPазм*. Формально она строится как мольба (*prex*), что недвусмысленно выражается троекратным повторением глагола *obsecro* («умоляю», букв. «заклинаю»: строки 1, 9, 38)². Характерно, что сначала Гвиго обращается к Богу Отцу (строки 1–2): «приди ко мне ныне и яви милосердие» (*occurre mihi hodie et fac misericordiam*). Затем возникает опорный образ Девы-Посредницы, и Гвиго адресует Ей такие мольбы: А) «обрати девственные очи Свои на меня» (*verte virgineos oculos tuos super me*: строка 9); Б) «умоляю, дай и мне питья и предоставь на эту ночь место для ночлега» (*et mihi, obsecro, potum da et provide hac nocte locum mansionis*: строка 38); В) «введи меня <...> в дом Отца Своего» (*introduc me <...> in domum patris tui*: строки 46, 49). Прямые обращения к Деве, вводящиеся звательным падежом (*Domína*, «Госпожа»: строки

суетному» (*XIIPазм*, гл. IV; см. наст. изд., с. 65).

¹ «Алчность ликует, крыльями машет, но разом песком обернётся. Похоть ликует, чуть-чуть пролетит, но разом в песок обратится морской» (*XIIPазм*, гл. XII; см. наст. изд., с. 105).

² Здесь и далее номера строк VII главы *XIIPазм* указаны по изданию в серии *Sources Chrétiennes*, с которого был сделан русский перевод. Всего в главе 62 строки.

7, 12, 15, 26; *Virgo*, «Дева»: строка 37; *Mater*, «Матерь»: строка 47) красной нитью проходят через всю главу. Они перемежаются высказываниями в других «речевых жанрах», прежде всего восхвалениями и жалобами. Однако жанр мольбы неизбежно требует применения некоторых поэтических средств: формульных выражений, ритмизованных структур, рифмовки, ассонансов и аллитераций и т. п. Этими-то средствами Гвиго и пользуется в полной мере.

Прежде всего, в мольбе, обращённой к некоей высшей Силе, необходимо назвать эту Силу по имени (или перечислить её имена). Гвиго исполняет это условие и использует два общепринятых именованья Богоматери, две «формулы», соотносимые с Её образом. Однако делает он это довольно тонко: ведь отождествление Ревекки с Марией должно оставаться аллегорическим! Эпитет «благодати полная» (*gratia plena*)¹ Гвиго в первый раз применяет «прикровенно», относя его к кувшину с живительной водой (строка 24): «кувшин Свой, благодати полный» (*hydriam tuam gratia plenam*). И лишь в самом конце главы он прямо цитирует упомянутый стих из Евангелия от Луки, не оставляя никаких сомнений в том, что обращается он к Богоматери (строка 57): «благодати полная, Господь с Тобою» (*gratia plena, Dominus tecum*). Столь же недвусмысленно звучит и другой эпитет (строка 46): «Матерь милосердия» (*mater misericordiae*).

Далее, в тексте главы немало рифмовок и рифмоидов. Вот пример пассажа, «начинённого» рифмующимися словоформами (строки 20–25): «*facie pulcherrima, corpore integerrima, spiritu sanctissima*, <...> *subvenire paratissima* <...> *hauris de altissimo fonte misericordiae* <...> *super humerum fortissimae intelligentiae tuae*»². В других пассажах рифмующиеся слова идут подряд или почти подряд: «*supra quam rogare, sperare aut cogitare possumus*» («нежели мы можем просумь, уповать или помыслумь»: строка 32); «*laborem et dolorem consideras*» («взираешь на тяготы и горести»: строка 46); «*laboranti et arenti linguae meae*» («языку моему,

¹ Лк 1, 28, Вульг.

² «Ликом прекраснейшая, телом чистейшая, духом святейшая <...> охотно готова Ты придти на помощь бедствующим <...> черпаешь из глубочайшего источника милосердия <...> на плече Своего могущественного разумения».

страждущему и пылающему»: строки 9—10); «dabis mihi camelo peccatori gibboso, deformi et tortuoso, potum» («мне, верблюду-грешнику, горбатуму, безобразному и коварному, дашь Ты питья»: строки 30—31).

Другой приём фонетической организации текста, используемый Гвиго — построение обозримого отрывка на том или ином гласном звуке. Хотя при непосредственном чтении этот приём едва ли осознаётся, он всё же, несомненно, воздействует на сознание читателя — особенно если последний читает вслух. Примером может послужить следующая синтагма, построенная на звуке «э» (строки 56—57): «*Prae cunctis enim electa es et praeelecta*» («Ибо перед всеми Ты избрана и предызбрана»). Заметим, что в данном случае огласовка на «э» осложняется рифмой: «*electa ... praelecta*» («избрана ... предызбрана»).

Подобных примеров можно было бы привести ещё немало. Однако и тех, что есть, уже достаточно, чтобы утверждать, что Гвиго вполне сознательно пользуется поэтическими средствами, усиливающими завораживающее воздействие текста, его «фасцинацию». Эта черта гораздо сильнее выражена в *XIII Разм*, чем в *Леств*, где важнее логически строгая и последовательная композиция. Тем не менее и там поэтическая стихия то и дело прорывается наружу¹.

«ЛЕСТВИЦА ЗАТВОРНИКОВ»

Не раз отмечалось, что второй трактат Картузианца обнаруживает влияние не только Отцов Церкви (прежде всего Августина), но и выдающихся духовных писателей, живших в эпоху Гвиго. Это касается прежде всего богословского содержания *Леств* и разработки в ней идеи взаимодействия человеческой воли и благодати. Однако *Леств* можно поместить в гораздо более широкий контекст, если принять во внимание тот «образ-организатор», который определяет и глубинный символический смысл, и композицию сочинения.

¹ Ср. хотя бы цитированное выше место из обращения к «возлюбленному брату Гервазию»: *Леств*, конец гл. I; см. наст. изд., с. 9.

*Лестница духовного и интеллектуального восхождения:
типологический экскурс*

Образ лестницы, по которой человек совершает духовное восхождение к утраченным некогда небесам¹, относится к числу, пожалуй, самых распространённых архетипов человеческого мышления. Историки религий подробно рассмотрели бытование этого образа в самых разных культурах и религиях: начиная от первобытных народов вплоть до метафор в произведениях современных писателей².

В архаических культурах аналогом лестницы выступает «мировая ось», воплощённая в виде горы, дерева, лианы и т. п., и находящаяся в актуальном «центре мира». Примером может служить хотя бы жертвенный столб *юпа* (у́ра-) в ведийском культе: в важнейший момент жертвоприношения жрец должен был взбираться на его вершину. Примерно так же поступали шаманы различных народов Евразии. Зримым воплощением этого архетипа можно считать, например, ступенчатую пирамиду фараона Джосера (2778 г. до Р. Х.), а также аналогичные пирамиды майя и ацтеков, равно как и вавилонские зиккураты. Изображения лестницы известны в храмах Митры.

Утратив всякую первоначальную связь с ритуалом, этот образ сохранился в сочинениях философов самых разных эпох и стран. Знаменито, например, представление о ступенях (ἐλπιναβάσμοι) восхождения души в платоновском «Пире» (211с). У Платона «сам текст становится подобием той “лестницы”, о которой в нём говорится. Подобное строение, отражающее платоническое *восхождение*, мы видим у Ксенофонта <Эфесского>»³.

Несколько особняком стоит «уроборический»⁴, «самопожирающий» извод этого мотива: сама по себе лестница не пред-

¹ Ср. слова Германа Константинопольского: «Крест — верная и спасительная ступень к *изначальному* блаженству» (PG 98, 238с). Крест здесь отождествляется с лестницей Иакова (см. ниже).

² См.: *Элиаде*, сс. 62—78; *Eliade* (1949), pp. 96—101; *Eliade* (1951), pp. 423—427; *Eliade* (1979), pp. 78—81.

³ *Протопопова* (2001а), с. 94.

⁴ От греч. Οὐροβόρος: змей, пожирающий собственный хвост; символ вечности, а также самоотрицания / самопреодоления — у гностиков, в магических папирусах, у алхимиков и т. д. См. об этом: *Visvader*.

ставляет никакой ценности, она нужна лишь для того, чтобы по ней взобраться. После этого в ней уже нет надобности. Кажется, впервые такая разработка мотива лестницы встречается у Секста Эмпирика (II в. по Р. Х.) в пассаже, где речь идёт о доказательстве невозможности доказательства:

Нет ничего невозможного в том, чтобы поднявшийся на высоту по какой-нибудь лестнице (κλίμαξ) после восхождения оттолкнул эту лестницу ногой. Точно так же вполне возможно, что скептик, справившись со стоящей перед ним задачей при помощи какой-нибудь стремянки (ἐπιβάθρα) рассуждения, доказывающего не-существование доказательства, потом устранил и само это рассуждение¹.

Впоследствии примерно такой же смысл придаёт традиционно-му образу лестницы немецкий философ-мистик, доминиканец Майстер Экхарт (ок. 1260 г. — 1327 или 1328 г.):

Равным образом он должен отбросить лестницу, после того как поднялся по ней².

Новую жизнь и широкую известность это сравнение обрело уже в XX столетии, в «Логико-философском трактате» Людвиг Витгенштейна (1889—1951 гг.), опубликованном в 1921 г. В самом конце этого сочинения говорится:

Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он уже поднялся с их помощью — на них — выше их. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу [die Leiter], после того как он взберётся по ней наверх)³.

Подобный «уроборический» подход совсем не свойствен Гвиго: его лестница обладает самодостаточной ценностью, по ней нужно то и дело подниматься и спускаться, как ангелы по лестнице Иакова.

¹ «Против учёных», VIII. 481 (ср. рус. пер. А. Ф. Лосева: *Секст Эмпирик*, т. I, с. 243).

² «Er muoz gelichesame die leiter abewerfen, sô er an ir ûfgestîgen ist». См.: *Эко*, с. 421; *Топоров*, с. 238 (с упоминанием аналогичного образа у Рюйсбрука Великолепного).

³ «Логико-философский трактат», 6. 54 (пер. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева); см.: *Витгенштейн*, сс. 72—73.

Но вот анонимный автор трактата «Облако неведения» (*The Cloud of Unknowing*), во многом следующий Гвигу Второму и, возможно, знакомый с его сочинениями напрямую, выделяет четыре ступени христианской жизни — «Обычную» (Common), «Особую» (Special), «Единичную» (Singular) и «Совершенную» (Perfect). При этом он утверждает, что «первые три из них можно начать и завершить в этой жизни; четвёртую же, по милости Божией, можно начать здесь, но она будет длиться бесконечно в небесной благодати»¹. Такой поворот мысли уже подводит ближе к «уроборической» позиции.

Христианская лестница духовного восхождения

В христианском мистицизме образ райской лестницы, сохранив свои исконные коннотации, обогатился новым и особым смыслом. По верному замечанию М. Элиаде, он стал играть центральную роль в сочинениях авторов, прибегавших к символизму духовного восхождения². При этом образы лестницы, райского древа и крестного древа наложились друг на друга. Исходной точкой стал здесь рассказ о лестнице Иакова, увиденной библейским патриархом во сне (Быт 28: 12—15)³. Христиане усматривали подтверждение достоверности этого рассказа в обетовании Христа апостолам в Ин 1: 51⁴.

Один из самых ранних примеров использования этого образа в христианской литературе содержится в «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты». Описанные там события произошли в Карфагене 7 марта 203 г. В гл. 4 пересказывается сон Перпетуи, брошенной в тюрьму во время преследований христиан. Она видит медную лестницу (κλίμακα χαλκῆν) высотой до неба. С обеих сторон узкой лестницы торчат многочисленные мечи, копья и вертелы, грозящие оступившимся. У подножия лестни-

¹ *The Cloud of Unknowing*, I (pp. 25—26). Между прочим, в 1981 г. этот трактат перевёл на английский язык Джеймс Уолш (SJ), ранее издавший сочинения Гвигу Второго.

² См.: Элиаде, с. 73.

³ Исследователи отмечают сходство этого образа с фризом, украшавшим ворота дворца ассирийского царя Саргона в Хорсабаде, где изображены духи, восходящие и нисходящие по лестнице: см. *Bertaud & Rayez*, p. 64.

⁴ «Отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

цы возлежит огромный змий, пытающийся помешать тем, кто по ней поднимается. Этот образ — предсказание мученичества, предстоящего героине¹.

Боэцию († 524 г.), также ожидавшему в тюрьме казни, явилась Философия, облачённая в хитроумное одеяние в виде ступенек лестницы². На одной из христианских гробниц IV в. изображён человек, поднимающийся по лестнице, у подножия которой лежит змий (как в видении Перпетуи), на другой — «просто» лестница.

В дальнейшем образ лестницы был существенно развит, обогатился новыми и старыми смыслами, впитав в себя всё многообразие символики духовного восхождения. Этот «образ-организатор» широко используется и в исламском мистицизме. Известна арабская легенда о восхождении Мухаммада на небо с помощью лестницы. Оригинальный текст её утрачен, но существуют латинский и французский переводы (XIII в.), сделанные с испанского перевода³. Символика различных ступеней на пути духовного восхождения хорошо знакома суфиям: речь идёт о *макамах* (букв. «стоянках») на духовном пути суфия. Кроме того, в суфийских текстах не раз встречается и мотив восхождения на священную гору (Каф или Синай)⁴. Отличный пример — частично переведённый на русский язык трактат шайха Абу Насра ас-Сарраджа ат-Туси (ум. в 988 г.) «Китаб ал-лума' фи-т тасаввуф» («Самое блистательное в суфизме»), 20 глав которого посвящены как раз изложению классического суфийского учения о *макамах*., т. е. «стоянках» на мистическом пути⁵. И не случайно суфийские мистические трактаты, как и христианские, изобилуют самыми причудливыми аллегориями.

Однако вернёмся к христианству. Как аллегории ступеней духовной жизни привлекались и другие пассажи из Священного Писания: напр., описания трёх этажей Ноева ковчега (Быт 6:

¹ Неудивительно, что сны о лестницах снились и язычникам: напр., ритору Элию Аристиду («Священные речи», 284. 6; 297. 34; 320. 6; 344. 29; 361. 19); см.: Доддс, с. 93.

² «Утешение философией», I. 1. Средневековые иллюстраторы, толком не разобравшись в этом описании, изображали боэциеву Философию с лестницей в руках.

³ См.: Muñoz Sendino.

⁴ См. об этом: Брагинский, сс. 193–195.

⁵ См.: Абу Наср ас-Саррадж ат-Туси.

16), 6 ступеней трона Соломона (3 Цар 10: 19), 7 или 8 ступеней храма Иезекииля (Иез 40: 26, 31). Ориген в середине III в. по Р. Х. писал о лестнице из трёх ступеней: очищение, просветление и единение / совершенство. Ту же схему использовал и Дионисий Ареопагит.

Постепенно в христианской литературе сложился особый жанр «Лествиц» — практических пособий, посвящённых монашескому и вообще духовному «деланию» (πραξιή) и призванных помочь монаху (и — шире — христианину) на его пути восхождения к Богу. Самый знаменитый из таких трактатов, озаглавленный «Райская лествица»¹, принадлежит преп. Иоанну Лествичнику († ок. 650? г.). Он состоит из 30 глав-ступеней, по числу лет Иисуса Христа до Его выхода на общественное служение:

...в образе тридцати лет Господнего совершеннолетия гадательно изобразил лествицу, состоящую из тридцати ступеней духовного совершенства, по которой, достигши полноты возраста Господня, мы явимся поистине праведными и непреклонными к падению².

Разнообразных «Лествиц» за многовековую историю христианства было написано немало: вероятно, несколько сотен. В одном только XX в. появилось около двух десятков подобных трактатов³. Что же касается Гвиго, то его непосредственным предшественником в этом отношении был Ришар Сен-Викторский († 1173 г.), оставивший два трактата на эту тему: «О ступенях любви» и «О четырёх ступенях истовой любви»⁴. Но, разумеется, не только он один оказал воздействие на Гвиго, а и вся многовековая традиция, восходящая к Оригену.

¹ Греч. Κλίμαξ τοῦ παραδείσου. Лат. перевод (*Scala Paradisi*) вышел в Венеции в 1531 г. Рус. перевод см.: *Иоанн Лествичник*.

² «Предисловие»; цит. по: *Иоанн Лествичник*, с. 6.

³ Из числа русских авторов XIX в. упомянем иеромонаха Авеля («Лествичка духовная для возведения христианина к любви Божией», М., 1848).

⁴ *De gradibus caritatis* (PL 196. 1195–1208), *De quattuor gradibus violentae caritatis* (PL 196. 1195–1208).

Строение лестницы Гвиго

В самом начале своего трактата Гвиго сообщает:

...однажды, занятый телесным ручным трудом, начал я раздумывать о духовном упражнении человека...¹

Это краткое замечание сделано вовсе не случайно. *Труд* физический (обязательная часть жизни монаха-картузианца, неизменно следующего правилу «ora et labora», «работай и молись») вызывает в уме Гвиго, натеревшего в построении аллегорий, ассоциацию с *трудом* духовным. Итогом раздумий на тему духовного труда, наложившихся на прочно усвоенную духовную традицию, и стала *Леств.*

Обращение Гвиго к «образу-организатору» лестницы было для него, можно сказать, вполне естественным. Насколько распространён был этот образ в его эпоху, можно судить хотя бы по такому факту: к 1163 г., т. е. ровно к тому времени, когда Гвиго был приором Великой Шартрезы, относится основание картузианского монастыря в Поблете, получившего название «Лествица Божия» (Scala Dei)². Кроме того, лестница уже ранее предносилась воображению Гвиго: в VII главе *XIIРазм* он сближал этот образ с Пресвятой Девой:

Взойдя деятельно по шести ступеням, на седьмой воздвигаешь Ты царю-миротворцу престол созерцательной благодати³.

Мотив отождествления Богоматери с лестницей — давний и широко распространённый. Иоанн Дамаскин († ок. 753 г.) именует Её «лестницей скорого достижения Неба (οὐρανóφθαστος κλίμαξ), виденной древле Иаковом»; Альберт Великий († 1280 г.) — «лестницей восхождения (scala ascensionis) от греха к благодати»; Пётр Дамиани († 1072 г.) — «небесной лестницей» (scala coelestis); Бернард Клервоский — «лестницей для грешников» (scala peccatorum); древние литании величают Её «лествицей Иакова». Итак, в обращении Гвиго к жанру «Лествиц» нет ничего удивительного. Однако важнее другое: избрав такой жанр, Гвиго более или менее осознанно отошёл от бесконечных упражнений в аллегоризме, предпочтя им строгую и ясную

¹ *Леств.*, гл. II; см. наст. изд., с. 11.

² См.: *Wilmart*, pp. 230–240.

³ *XIIРазм.*, гл. VII; см. наст. изд., с. 81.

логику ступеней духовного восхождения к высотам созерцания. К такому переходу побуждала уже сама структура второго трактата Картузианца.

* * *

Лествица Гвиго состоит из четырёх неразрывно связанных друг с другом ступеней: чтение (*lectio*), размышление (*meditatio*), молитва (*oratio*) и созерцание (*contemplatio*)¹. Композиция трактата определяется последовательным описанием этих четырёх ступеней.

Четырёхчастная структура сочинения Гвиго заслуживает особого обсуждения. Вспомним, что Ориген выделял *три* ступени духовного восхождения (у Иоанна Лествичника они помножены на 10). С другой стороны, Ришар Сен-Викторский, предшественник Гвиго, говорит о *четырёх* ступенях жизни христианина. Число таких ступеней у разных авторов различно². Некоторое представление об этом разнообразии может дать таблица, где авторы «Лествиц» разделены по числу описываемых ими ступеней:

3	Ориген († 253 г.); Григорий Нисский († 394 г.); Дионисий Ареопагит († ок. 500 г.); Филоксен Маббургский († 523 г.); Жан Жерсон († 1429 г.); Николай Кемпф († 1497 г.), Мария-Магдалина де Пацци († 1607 г.)
4	Квдовультдеус († ок. 453 г.); Бернард Клервоский († 1153 г.); Ришар Сен-Викторский († 1173 г.); Гвиго II Картузианец († ок. 1188 г.); автор «Облака неведения» (XIV в.)
5	Бернардин де Ларедо († 1540 г.)
6	Алан Лилльский († 1202 г.); Бонаventura († 1274 г.), Луис де Понте († 1624 г.)
7	Августин († 430 г.); Григорий Великий († 604 г.); Рабан Мавр († 856 г.); Алан Лилльский († 1202 г.); Фома Галл († 1246 г.); Беатриса Назаретская († 1268 г.); Давид Аугсбургский († 1272 г.); Рюйсбрук († 1381 г.)

¹ *Леств.* гл. II; см. наст. изд., с. 11.

² Иоанн Лествичник предлагал читателям: «Каждый сам да рассмотрит себя, на какой он стоит степени» (XXVII. 30; цит. по: *Иоанн Лествичник*, с. 417).

- 8 Иларий Пиктавийский († 367 г.), с опорой на Иез 40: 26. 31
- 9 Иоанн Тритемий († 1516 г.)
Иларий Пиктавийский († 367 г.), с опорой на 4 Цар 20: 9–10;
- 10 Кассиан († 430 / 435 г.); Хуан де ла Крус († 1591 г.); Диего де Фуньес († 1622 г.)
Бенедикт Нурсийский († ок. 500 г.); Гуго Сен-Викторский
- 12 († 1141 г.); Бернард Клервоский († 1153 г.); Гвиго де Понте († 1297 г.)
Иларий Пиктавийский († 367 г.), с опорой на Иез 40: 26, 31 и
- 15 по числу градуальных псалмов (Пс 119–133); Бруно Шартрский († 1001 г.), по числу градуальных псалмов; автор «Речи о 15 ступенях» (XIII в.); Роберт Беллармин († 1621 гг.)¹
- 21 Зенон Веронский († 380 г.)
- 30 Иоанн Лествичник († ок. 650 г.); Иоанн Петрици († 1125 г.)
- 42 Гарсиа Хименес де Сиснерос († 1510 г.): по шесть ступеней на каждый день недели
- 190 Мелетий Галесиот († 1286 г.)

Конечно, вполне справедливо отмечалось, что число ступеней не так уж важно: главное — само духовное восхождение². Однако, если попытаться всё же как-то осмыслить это разнообразие, можно заключить, что в композиции «Лествиц» преобладают две числовые структуры, способные к различным комбинациям: триада и тетрада.

Освящённая древностью триада восходит даже не к Оригену, а к пифагорейской традиции (VI в. до Р. Х.), откуда её заимствовал Платон (ум. в 348 / 347 г. до Р. Х.), переосмыслив как три пути: очищения, просветления и единения. Перейдя от Платона к Плотину (ум. в 270 г. по Р. Х.), трёхчленное деление становится основным. Но и тетрада оказывается достаточно древней; что же касается Гвиго, то у него четырёхчастное деление появляется отнюдь не случайно.

Дело прежде всего в том, что именно Гвиго едва ли не пер-

¹ *De ascensione mentis in Deum per scalas rerum creatarum*. Существует старинный русский перевод: «Лестница умственного восхождения к Богу». М., 1786.

² *Bertaud & Rayez*, p. 80.

вым провёл чёткое и последовательное различие между двумя разными процессами: «размышлением» (*meditatio*) и «созерцанием» (*contemplatio*). И до него, и даже после него многие авторы трактатов по духовной жизни использовали эти термины достаточно расплывчато, зачастую считая их синонимами. Для Гвиго же они обозначают совершенно различные этапы: «размышление» представляет собою сознательную *деятельность* человеческого интеллекта, руководимого свободной волей, тогда как «созерцание» предстаёт вольным *даром* благодати (пусть даже этот дар был отчасти заслужен прежними трудами). В этом различении содержится самое ядро вклада, внесённого Гвиго в теорию и практику духовных упражнений. Его *Леств* как раз и призвана описать их основные этапы и воздействие оных (главы II–VII), затем дать рекомендации о том, как вести себя по отношению к пришедшей свыше благодати (главы VIII–XI), подчеркнуть взаимосвязь ступеней и необходимость снова и снова подниматься и спускаться по ним (XII–XIV) и, наконец, перечислить основные препятствия на этом пути (глава XV). (Отметим, что таких препятствий опять-таки четыре). Даже если предположить, что четырёхчленное деление Гвиго позаимствовал непосредственно у Ришара Сен-Викторского, ясно, что эту схему он осмыслил вполне по-новому.

Экскурс: триада и тетрада у св. Игнатия Лойолы

Некоторые авторы «Лествиц» пытались совместить в своих трактатах триаду и тетраду. Так поступает, например, Гуго Сен-Викторский в сочинении «О нравственном Ноевом ковчеге» (*De arca Noe morali*). У него необходимость такого сочетания обусловлена аллегорически истолкованным «образом-организатором»: на каждом из трёх этажей Ноева ковчега (замещающего собою лестницу) расположено по 4 лестницы, по одной в каждом углу. Не исключено, что Гвиго тоже подумывал о чём-то подобном: едва ли случайно, что его *XIII Разм* состоят из 12 глав.

Однако один из самых примечательных примеров попытки «наложить» триаду на тетраду — это «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы († 1553 г.). Хотя формально к жанру «Лествиц» «Упражнения» не относятся, знаменательные соответствия между ними и подобными трактатами отметил ещё иезуит Го-

тье Поллю (Paullus, † 1672 г.), автор сочинения «Лествицы и крылья духа, к Богу восходящего»¹. Духовное преобразование, ради которого совершаются упражнения, для Игнатия предполагает скорее путь *нисхождения*, путь *κένωσις*²; однако параллель с «Лестницами» представляется вполне оправданной, поскольку благодаря сочинениям бенедиктинского аббата Гарсии Хименеса де Сиснероса Игнатий усвоил давнюю мистическую традицию Запада, в которую входит, в частности, и Гвиго II Картузианец³.

Итак, «Упражнения» Игнатия занимают, как известно, *четыре* недели:

Нижеследующие упражнения разбиваются на четыре Недели сообразно четырём частям, на которые разделяются упражнения. <...> Первая из этих частей есть рассмотрение и созерцание грехов; вторая — жизнь Господа нашего Иисуса Христа до дня Вербного воскресения включительно; третья — Страсти Христа, Спасителя нашего; четвёртая — Воскресение и Вознесение³.

Четырёхчастная структура налицо. Однако при этом «Упражнения» подразделяются на *три* «жизни», т. е. этапа: «жизнь очищения» (*vita purgativa*: 1-я Неделя), «жизнь созерцания» (*vita contemplativa*: 2-я Неделя) и предполагаемая, хоть и не называемая прямо, «жизнь единения» (*vita unitiva*), которая для Игнатия равносильна процессу «выбора».

Это вполне традиционная триада, хотя в случае Игнатия она, скорее всего, восходит непосредственно к Сиснеросу. Однако в «Упражнениях» паломника она существенно переосмыслена: присущий им особый динамизм приводит к тому, что «наложение» двух структур происходит не механически (как например, у Гуго Сен-Викторского), а скорее как взаимодействие двух «силовых полей». Именно поэтому не так-то легко указать, в какой именно момент заканчивается «жизнь созерцания». Такая специфика композиции «Упражнений» Игнатия объясняется новизной его собственного мистического опыта, прочно укоренённого, тем не менее, в давней духовной традиции.

¹ *Scalae et alae spiritus ascendentis in Deum*, Doaui, 1663.

² Подробно об этом см.: *Меллони, passim*; *Солиньяк*.

³ «Духовные упражнения», [4]; цит. по: *Лойола*, с. 21.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гвиго II и судьбы христианской аллегорезы

Аллегория, один из видов символического миропонимания, неотъемлемо присуща человеку как «животному символическому» (*animal symbolicum*). Она возможна везде и всегда, где и когда существует подозрение, что нечто «значит» не то, чем оно «является». Тем более верно это по отношению к людям, жившим в иные (возможно, более счастливые) эпохи и готовым во всём «явном» видеть указание на нечто «сокровенное». Этим умонастроением, особенно характерным для эпохи Гвиго Второго, проникнуты знаменитые строки Алана Лилльского († 1202 г.):

Omnis mundi creatura,	Все создания в мире — будто
Quasi liber et pictura	Книга иль картина: суть то
Nobis est, et speculum.	Нам зеркало мерное.
Nostrae vitae, nostrae mortis,	Нашей жизни и кончины,
Nostri status, nostrae sortis	Состоянья и судьбины
Fidele signaculum.	Зна́мение верное ¹ .

Другое дело, что степень предрасположенности к такому взгляду, напрочь лишённому какой бы то ни было «простоты», меняется от одной эпохи к другой. Это хорошо видно на примере В. В. Розанова († 1918 г.) с язвительным презрением отзывавшегося об аллегорических приёмах св. Кирилла Александрийского, жившего пятнадцатью столетиями ранее († 444 г.):

Он останавливается на вопросе: «отчего Бог шёл перед Израилем в виде *столба* огненного». И разрешает: «для того, чтобы знаменовать выражение Апостола Павла о Церкви: Церковь есть *столб* и утверждение истины». Это всё равно, как если бы спросить: «для чего была война 12-го года». И ответить: «для того, чтобы на циферблате часов цифра 12 знаменовала *середину дня*». <...> Бог явился *грамматическою фигурою* для строки, написанной через 2000 лет².

¹ *Magistri Alani Rhythmus alter, quo graphice natura hominis fluxa et caduca depingitur* («Второй стих магистра Алана, в котором наглядно изображается преходящая и тленная природа человека»): PL 210, 579–580.

² «Об адогматизме христианства»; цит. по: *Розанов*, сс. 482–483.

В самом деле, современный человек, кажется, начисто лишён охоты к подобным выкладкам — разве что в качестве игры или пародии. Двенадцать месяцев — это двенадцать апостолов, четыре времени года — евангелисты, а весь год — Иисус Христос. Христа обозначает и грецкий орех: сладкая сердцевина — Его Божественная природа, скорлупа — природа человеческая, внутренние перегородки — крест... И так далее, и тому подобное — без конца. Уже Лютеру († 1546 г.) подобные плоды, в изобилии растущие в бескрайнем саду аллегорезы, набили страшную оскомину:

Эти аллегорические штудии суть занятия людей, пребывающих в праздности. Неужто вы полагаете, что мне стоило бы труда играть аллегориями по поводу любого создания Божьего? Да сыщется ли где скудоумный, неспособный на аллегории?¹

Но даже если мы готовы согласиться с Лютером, наш долг — подойти к этому вопросу исторически. А история возникновения, применения, развития и упадка аллегорического метода истолкования текстов (прежде всего священных или высоко авторитетных, но также и по видимости «профанных», как, например, греческий «роман») — одна из самых увлекательных тем в истории мысли вообще. Вполне законное, и притом весьма любопытное, место занимает в ней и Гвигио II Карпузианец.

Ко времени его жизни христианская аллегореза развивалась уже в течение более чем одиннадцати столетий. Конечно, зародился этот метод экзегезы в недрах языческого эллинского мира и получил, можно сказать, новую жизнь в сочинениях иудея Филона Александрийского (ум. ок. 50 г. по Р. Х.). Однако нельзя забывать и о том, что один из самых ранних примеров «прообразовательного», аллегорического толкования Ветхого Завета дал не кто иной, как сам апостол Павел (см.: 1 Кор 10: 11; Кол 2: 17; Евр 10: 1). Именно проблема согласования двух Заветов стала центральной для дальнейшего развития христианской аллегорезы, разделившейся на две ветви: александрийскую (соотнесившую ветхозаветные повествования с событиями из

¹ *Luther M. De captivitate Babylonica Ecclesiae praeludium* («Вступление о вавилонском пленении Церкви»). // *Weimarer Ausgabe*, 1888, VI, S. 562, 17 sqq.; цит. по: Хёйзинга, с. 234.

жизни Христа) и антиохийскую (видевшую в том же материале эсхатологический смысл)¹.

Решение такой задачи неизбежно требовало аллегорезы, которая, можно сказать, была общим «метаязыком» той эпохи. Характерно, что Цельс (ум. ок. 176 г. по Р. Х.) и Порфирий (ум. ок. 300 г. по Р. Х.) не хуже Розанова и Лютера критиковали христианство за злоупотребление аллегориями², однако, по крайней мере, сам Порфирий столь же широко применял их, чтобы истолковать Гомера в платоническом ключе. Чего сто́ит хотя бы его трактат «О пещере нимф», где в десять строчек из «Одиссеи» философ «вчитывает» целую бездну неоплатонических идей, приводя такое обоснование своего метода:³

Не следует думать, что подобные толкования насильственны и убедительность их есть результат измышлений. Надо признать, насколько древняя мудрость и гомеровская разумна, и не отказывать ей в точности [понимания] всякого достоинства [добродетели] человека, так как Гомер в мифологическом вымысле загадочно намекал на изображение божественнейших вещей.

Кажется, примерно так же (*mutatis mutandis*) мог бы оценить свою герменевтику и Гвигу II. «Христиане и язычники были схожими схоластами», справедливо замечает Э. Р. Доддс, «они не могли оспаривать авторитет древних текстов; они могли только обходить его, вычитывать в них свои собственные мысли»⁴.

В дальнейшем, в пределах уже сугубо христианской экзегезы, складывается классическая схема, выявлявшая четыре уровня смысла: буквальный, моральный, аллегорический и анагогический. (Отметим известное соответствие этой схемы четырём ступеням *Леств* Гвигу). Схема эта оставалась в силе на протяжении всего Средневековья. Именно благодаря это-

¹ См.: Протопопова (2001а), сс. 292–293.

² Примеры из Цельса см.: Ориген, «Против Цельса», IV. 33, 71; VI, 29 (*Штерн* 2001, сс. 260, 262, 269); примеры из Порфирия см.: «Против христиан», 69 (о причащении); у Иеронима, «Комментарий на книгу Даниила», XII. 1 (о воскресении мёртвых: см. *Штерн* 2002, сс. 139–140); у Евсевия, «Церковная история», VI. 19. 4–8 (об аллегорезе Оригена: см. *Штерн* (2002), сс. 143–145).

³ Перевод трактата Порфирия см.: Лосев, т. II, сс. 383–394; в целом об этом сочинении см.: Лосев, т. I, сс. 91–110.

⁴ Доддс, с. 210.

му упоминавшаяся выше проблема согласования двух Заветов была успешно решена, так что для Гвиго, например, Писание представляет собою *одну* Книгу, единство которой как раз и гарантируется бесконечными аллегорическими связями между двумя её частями.

Наконец, оформилось ещё одно, «индивидуалистическое» направление аллегорезы, в котором не только Писание, но и весь мир предстал материалом для упражнений в объяснении событий душевно / духовной жизни самого истолкователя. Об этом заявляет Алан Лилльский в строфе, цитированной выше; а ярчайшим представителем такого «аллегорического индивидуализма» (или уже «солипсизма») можно считать Опицина де Канистрис († ок. 1350 г.), оставившего серию болезненно изощрённых «автобиографических» иносказательных рисунков-схем, сопровождаемых «пояснительными» надписями. Сам Опицин так обосновывал свой метод:

Пусть каждый объяснит свою жизнь в духовном смысле (*spiritualiter*), в согласии со своей памятью, и пусть таким же способом раскроет он значение своей семьи, и её деяний, и все свои сны, какие сумеет вспомнить. <...> Тогда, уразумев всё в свете истины, <...> он, с Божьей помощью, будет в состоянии найти правильное суждение о своей собственной персоне, следуя моему примеру¹.

Иными словами, Гвиго II, далёкий от эксцессов, свойственных Опицину, жил всё же в эпоху полного торжества аллегорического метода. Он — не просто вид *homo symbolicus*, но, можно сказать, его подвид: *homo allegoricus*. Вместе с тем не будем забывать, что Гвиго был современником зрелой схоластики, рационализм которой бросал серьёзный вызов привычным аллегорическим ухваткам. Такие его близкие предшественники, как Гуго и Ришар Сен-Викторские, стремились объединить мистику и рационализм. Сказались ли эти тенденции на интеллектуальной эволюции Гвиго?

---

¹ Цит. по: Гуревич, сс. 93—94. Об Опицине в целом см.: Гуревич.

Кажется, неоспоримый контраст между логической *волей*, проявившейся в *Леств*, и *вольницей* аллегоризма, торжествующей в *XIIРазм*, подталкивает к утвердительному ответу на этот вопрос. Но не будем спешить: вспомним о соотношении двух этих сочинений. Ведь *XIIРазм* — это развёрнутая вторая ступень *Леств*, и на этой ступени аллегоризм продолжает бушевать вовсю. Собственно говоря, «*meditatio*» для Гвиго и есть аллегорическое истолкование цепочки мест из Писания. Но на остальных ступенях ни аллегорезе, ни рационализму просто нет места. Нет их ни в «чтении» (представляющем собою выстраивание ассоциативных рядов по памяти), ни, тем более, в «молитве» и особенно в «созерцании». *Леств* — конспективный обзор сложно сплетённого процесса, отдельные стадии («ступени») которого можно выделить лишь условно, только применив рефлексивное усилие и отвлекаясь от живой конкретности мыслей и эмоций. Потому-то Гвиго и говорит, что по ступеням «Лествицы» нужно то подниматься, то опускаться.

Однако для того, чтобы обобщить этот опыт и передать его другим, требуются некоторые логически внятные схемы. Их-то и предоставила Гвиго традиция «лествичного» жанра. В этом, и только в этом, проявилась его логическая воля к порядку. По сути же он в обоих трактатах остаётся *homo allegoricus*, живущим в таком мире, где каждое слово, каждая фигура, указывая на какую-то одну вещь, указывает в то же время и на некую другую, где «одна занавесь тянет за собою другую»¹. И, читая Гвиго, можно только радоваться возможности застать полнокровную христианскую аллегорезу в самом расцвете её сил. Что же касается её объективной оценки, то можно вспомнить слова Э. Р. Доддса:

Этот метод предоставлял теоретическим умам единственно возможный выход из-под тирании буквы; несмотря на его безнадежно неисторический характер, он был в каком-то смысле орудием прогресса².

---

¹ *Леств*, гл. XV; см. наст. изд., с. 45.

² Доддс, с. 209.

Итак, мы определили (пусть и вкратце) место Гвиго во многовековой истории христианского аллегорического метода прочтения Священного Писания, используемого в духовных упражнениях. Хотелось бы узнать что-нибудь о том, оказали ли его сочинения какое-либо влияние на дальнейшее развитие методики духовных упражнений, особенно в Восточной Церкви и, в частности, в России.

Что касается Западной Церкви, то говорить о прямом, непосредственном влиянии Гвиго на кого-либо из более авторитетных духовных учителей едва ли возможно. Вернее будет рассматривать его как одно из многочисленных звеньев во многовековой цепи духовного преемства. Причём цепь эта не строго линейна: она ветвится, образуя причудливые петли и кольца. С попыткой изобразить эту цепь графически читатель может ознакомиться в работе Х. Меллони, где отведено место и Гвиго II¹.

Следы *прямого* влияния редки: их можно обнаружить, пожалуй, лишь в трактате «Облако неведения» (*The Clowd of Unknowing*), написанном на среднеанглийском языке в XIV в.² Предполагают, что автору этого сочинения (оставшемуся неизвестным и, возможно, бывшему членом картузианского Ордена) принадлежит и перевод *Леств* Гвиго II на среднеанглийский. В частности, автор «Облака» также говорит о ступенях духовного восхождения (гл. 1); эти ступени он перечисляет в следующем порядке: Чтение (Lesson), Размышление (Meditation), Молитва (Orison) (глл. 35–36); во второй главе он сравнивает Бога с ревнивым женихом (ср. *Леств*, гл. XI) — и т. д., и т. п. Видимо, здесь действительно есть смысл предполагать непосредственное знакомство с трактатами Гвиго.

Если же обратиться к другим великим *авторитетам* духовной практики, напр. к *автору* книжицы «О подражании Христу» (*De imitatione Christi*) или св. Игнатию Лойоле, то здесь мы имеем дело лишь с опосредованным влиянием. Вспомним, в частности, о том, что именно Гвиго, пожалуй, впервые сформу-

¹ См.: Меллони, сс. 76–77.

² См.: *Guigues II le Chartreux*, pp. 45–52 (особенно p. 48, где отмечается, что существуют «многочисленные параллели между “Облаком неведения” и *Леств* Гвиго»).

лировал классический вариант учения о взаимодействии благодати и личных усилий применительно к «*лекцио дивина*».

Что же касается Восточной Церкви и, в частности, в России, то вывод ясен заранее: имя Гвиго здесь совершенно не известно. Тем не менее говорить об отсутствии если не влияния, то по крайней мере некоторой общности было бы ошибочно. Можно полагать, что духовный опыт монахов Западной Церкви XII века представлял собою в той или иной степени усвоенный исихазм¹. Коль скоро это так, можно осторожно полагать, что некий мост между Гвиго II Картузианцем и традиционной русской православной духовной практикой всё же существует. Они представляют собою разные потоки одной и той же Традиции.

Здесь, конечно, не место для очерка истории духовного «делания» (πραξις). В зависимости от личных предпочтений основателями этой традиции называют то Климента Александрийского, то Оригена, то Эвагрия Понтийского... Люди менее предвзятые справедливо замечают, что некие зачатки духовного «делания» были известны уже в античности: например, в пифагорейской школе, где практиковался ежедневный «отчёт совести»².

Подобных «прообразовательных» примеров можно было бы привести немало³. Однако, если брать христианскую духовную практику как некое целое, то в этом целом найдётся место не только для Григория Паламы или Нила Сорского, но и для Гвиго II. Как сказал он сам, «пусть одна занавесь потянет за собою другую» (*Леств.* гл. XV). И хотелось бы надеяться, что эта публикация сочинений Гвиго II на русском языке будет хоть в какой-то мере способствовать тому, чтобы Западная и Восточная традиции христианской духовной практики воспринимались не порознь, а как единое общехристианское достояние⁴.

¹ Dom Jean Leclercq, p. 129.

² См. «Золотые стихи», 40–44: *Фрагменты ранних греческих философов*, с. 504, и трактат Ямвлиха «О пифагорейской жизни», 165 (там же, с. 493).

³ Основательных исследований на эту тему немного: см. *Rabbow; Ado*.

⁴ См.: *Хоружий*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абу Наср ас-Саррадж ат-Туси*. Китаб ал-лума' фи-т тасаввуф («Самое блистательное в суфизме»). Пер. А. Д. Кныша. // Хрестоматия по исламу. М., «Наука», 1994, сс. 141–166
- Августин Аврелий*. «Исповедь». Пер. М. Е. Сергеев. М., 1997
- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. Пер. с франц. при участии В. Воробьева. М., СПб., «Степной ветер», 2005
- Бонавентура*, св. Путеводитель души к Богу. Пер. с лат., вступ. статья и комм. В. Л. Задворного. М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1993
- Брагинский В. И.* Символизм суфийского пути в «Поэме о море женщин» и мотив свадебного корабля. // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., «Наука», 1989, сс. 174–215
- Великий Патерик*, или Великое собрание изречений старцев. Систематическая коллекция. (Codd. Coils. 108, Coils 127, Sinait 454). Том I. Издание пустыни Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря Новая Фиваида. М., 2005
- Витгенштейн Л.* Философские работы (часть I). Пер. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М., «Гнозис», 1994
- Глазерсон*, рав Матитьегу. Огненные буквы. Мистические прозрения в еврейском языке. «Гешарим», Москва 1997 – Иерусалим 5758
- Гаспаров М. Л.* Центон. // Литературный энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1987, с. 492
- Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., «Фортуна Лимитед», 2003
- Гвиго II Картузианец*. Лестница затворников. Пер. А. Н. Коваля. // Точки – Puncta, № 1–2 /3/, 2003, сс. 29–48
- Гвиго II Картузианец*. Двенадцать размышлений. Пер. А. Н. Коваля. // Точки – Puncta, № 3–4 /4/, 2004, сс. 40–77
- Гуревич А. Я.* «В этом безумии есть метод». К проблеме «Индивид в Средние века». // Arbor Mundi. Мировое древо. Вып. 3. М., «Мировое древо», 1994, сс. 80–97
- Доддс Э. Р.* Язычник и христианин в смутное время. Пер. А. В. Пантелеева и А. Д. Петрова. СПб., «Гуманитарная академия», 2003
- Документы II Ватиканского Собора*. Пер. А. Н. Коваля. М., 1998

- Задворный В. Л.* Картузианцы. // Российская Католическая Энциклопедия, т. II, М., 2005, сс. 866–868
- Иоанн Лествичник.* Лествица, возводящая на небо. Преп. отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы. Сергиев Посад, 1908 (репр.: «Правило веры», Москва, 1997)
- Лойола, Игнатий.* Духовные упражнения. Духовный дневник. Пер. А. Н. Коваля. М., ИФТИ св. Фомы Аквинского, 2006
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Последние века. Т. I–II. М., «Искусство», 1988
- Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Тт. 1–4. М., «ТЕРРА» – «TERRA», 1991
- Меллони Х.* «Упражнения» св. Игнатия Лойолы в Западной традиции. Пер. А. П. Киселёва. // Точки – Puncta, № 3–4 /3/, июль–декабрь 2003, сс. 66–112
- Мецгер Б.* Канон Нового Завета. Пер. Д. Гзгяна. М., 1997
- Протопопова И. А.* (2001a). Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001
- Протопопова И. А.* (2001b). Философская аллегория, поэтическая метафора, мантика: сходства и различия. // Доклад, прочитанный в марте 2001 г. в ИВГИ РГГУ. См.: <http://kogni.narod.ru/mant.htm>
- Розанов В. В.* Около церковных стен. М., «Республика», 1995
- Секст Эмпирик.* Сочинения. Пер. А. Ф. Лосева и Н. В. Брюлловой-Шаскольской. Тт. I–II, М., «Наука», 1975–1976
- Солиньяк Э.* «Краткий компендий» «Сборника упражнений» Гарсии Хименеса де Сиснероса как один из источников «Духовных упражнений» Игнатия Лойолы. Пер. А. Н. Коваля. // Символ, № 50 (2006), Париж–Москва, сс. 91–125
- Тексты Кумрана.* Вып. второй. Введ., пер. и комм. А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой и К. Б. Старковой. Спб., 1996
- Топоров В. Н.* Мейстер Экхарт-художник и «ареопагитическое» наследство. // Палеобалканистика и античность. М., «Наука», 1989, сс. 219–252
- Фрагменты ранних греческих философов.* Часть I. Издание подготовил А. В. Лебедев
- Хёйзинга Й.* Осень средневековья. Пер. Д. В. Сильвестрова. М., «Наука», 1988
- Хоружий С. С.* Исихазм сегодня: Православный подвиг как общехристианское достояние. // Символ, № 52 (2007), Париж–Москва, сс. 474–502
- Шишков А. М.* Дионисий Картузианец. // Российская Католическая Энциклопедия, т. I, М., 2002, с. 1640

- Штерн* 2000: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Введ. и комм. М. Штерна, ред. Н. В. Брагинской. М.—Иерусалим, «Гешарим», 2000, т. II, ч. 1 («От Тацита до Артемидора»)
- Штерн* 2002: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Введ. и комм. М. Штерна, ред. Н. В. Брагинской. М.—Иерусалим, «Гешарим», 2002, т. II, ч. 2 («От Диогена Лаэртского до Симпликия»)
- Эко* У. Имя розы. Пер. Е. А. Костюкович. М., «Книжная палата», 1989
- Эко* У. Искусство и красота в средневековой эстетике. Пер. А. П. Шурбелева. СПб, «Алетейя», 2003
- Элиаде* М. Мифы, сновидения, мистерии. Пер. А. П. Хомик. М., «Рефл-бук», 1996
- Bertaud, E. & Rayez, A.* Échelle Spirituelle. // Dictionnaire de la Spiritualité, IV, Paris, 1960, pp. 62–86
- СВ: *Carmina Burana*. Die Lieder der Benediktbeurer Handschrift. Zweisprachige Ausgabe. München, Deutscher Taschenbusch Verlag, 1979
- Dom Jean Leclercq*. Otia monastica. Études sur le vocabulaire de la contemplation au Moyen Âge. // Studia Anselmiana, № 51, Roma, 1963
- Eliade* М. Traité d'histoire des religions. P., 1949
- Eliade* М. Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase. P., 1951
- Eliade* М. Images et symboles. P., 1979
- Guigues II le Chartreux*. Lettre sur la vie contemplative (L'Échelle des moines). Douze méditations (XII Meditationes). Introduction et texte critique par Edmund Colledge, O. S. A., et James Walsh, S. J. Traduction française par «Un Chartreux». // Sources Chrétiennes, № 163 (Série de textes Monastiques d'Occident, n° 19). Paris, Les Éditions du Cerf, 1970
- Harnack* A. Ueber den privaten Gebrauch der Heiligen Schriften in der alten Kirche. Leipzig, 1912
- Jousse* M. La manducation de la leçon dans le milieu ethnique palestiniens. Paris, 1950
- Mombaer* J. Rosetum exercitiorum spiritualium. Douai, 1620
- Mundo* A. M. Las reglas monásticas latinas del siglo VI y la lectio divina. // Studia monastica, vol. 9 (1967), 229–255
- Muñoz Sendino* J. La Escala de Mahoma. Madrid, 1949.
- Naval* F. Theologiae asceticae et mysticae cursus completus. Romae, 1919
- Rabbow* P. Seelenführung. Methodik der Exerzitien in der Antike. München, 1954

- Rousse J. La lectio divina.* // Dictionnaire de la spiritualité. Vol. IX, P., 1976, pp. 470–487
- The Cloud of Unknowing.* // A Book of Contemplation the which is called The Cloud of Unknowing, in the which a Soul is oned with God. With an Introduction by E. Underhill. L., J. M. Watkins, 1922
- Visvader J. The Use of Paradox in Uroboric Philosophies.* // Philosophy East-West, Honolulu, 1978, vol. 28 (October)
- Wilmart A. Auteurs spirituels et textes dévots de moyen âge latin.* P., 1932

SUMMARY

The present edition includes two medieval Latin treatises on spiritual practice known as “*lectio divina*”, their Russian translation with explanatory notes and the translator’s article on some important subject matters concerning the texts in question. Both treatises belong to Guigo II the Carthusian (OCart, died in 1188), who was the ninth Prior of the famous Grande Chartreuse monastery from 1176 (?) up to 1180.

Translated texts

The titles of Guigo’s treatises run as follows: “Twelve Meditations” (*XII Meditationes*) and “The Recluses’ Ladder, or Master Guigo the Carthusian’s Letter to Brother Gervasius, on Contemplative Life” (*Scala claustralium, seu Epistola domini Guigonis Carthusiensis ad fratrem Gervasium de vita contemplativa*). The Russian translation is based on the critical Latin text edited in the famous *Sources Chrétiennes* series (№ 163)¹.

Principles of translation

This Russian translation of Guigo II’s treatises is the first one; therefore it seems necessary to define some working principles the translator tried to follow while rendering the texts.

The main problem is that of quotations from the Bible. Guigo’s texts, so to say, “swarm” with them; some passages are composed in a manner almost identical to a “*cento*” (Latin: a text made up entirely from quotations from some other text/s/). Guigo II uses almost everywhere the Latin Vulgate version (there is only one case when he quotes the more ancient *Vetus Latina* version). Sometimes he quotes word to word; sometimes he gives his own paraphrases (more or less free), allusions or just vague hints. The rate of exact and free quotations amounts to 50% to 50% approximately.

---

¹ *Guigues II le Chartreux*. Lettre sur la vie contemplative (L’Échelle des moines, *Scala claustralium*). Douze méditations (*XII Meditationes*). Introduction et texte critique par Edmund Colledge (OSA), et James Walsh (SJ). Traduction française par «Un Chartreux». // *Sources Chrétiennes*, № 163 (Série de textes Monastiques d’Occident, n° 19). Paris, Les Éditions du Cerf, 1970.

Now, it is well known that Bible versions differ from each other, sometimes significantly. Thus, there are serious discrepancies between the Latin Vulgate and the Russian "Synodal" version. In other words, here one encounters the crucial problem of Bible translation face-to-face. The translator tried to quote the "Synodal" version literally, whenever Guigo quoted the Latin Vulgate literally and whenever it was possible. In other cases, the translator gave either his own translations of the Latin Vulgate version, or its paraphrases.

The rest of the Guigo's texts is composed in "regular" Latin (except two folk proverbs), which makes it possible to render them in a "common" way. Special attention is paid to the metrics of Guigo's texts, which constitutes an important part of his "language strategy". In general, it is to be recognized that Guigo's style is lucid, brilliant and charming; it was a real pleasure to find Russian equivalents to his Latin rhetoric figures. The French¹ and English² versions of Guigo's treatises were of some help in rendering them into Russian.

Translator's notes

To modern mentality, Guigo's texts may seem dull and strange, because nowadays the reader is generally inclined to evaluate an author in terms of "creative freedom". In order to surmount this obstacle, several translator's notes were introduced.

The notes can be roughly divided into three different categories:

(1) *Textological*. Therein, some different readings are taken into consideration and translated;

(2) *Biblical*. In them, a great deal of Bible quotations is identified. When Guigo gives his free paraphrase, allusion or just a hint, the full "Synodal" variant is reproduced in the note, enabling the reader to reconstruct the wider context;

(3) *Exegetical/hermeneutical*. Some considerations which seem necessary for understanding Guigo's texts are also given.

Translator's article

Its main purpose is to provide the reader with information on various matters concerning the historical context of Guigo's writings, the "*lectio divina*" tradition, the allegorical method of interpreting the Scriptures, and — last but not least — Guigo's own rhetoric/poetic devices.

¹ *Guigues II le Chartreux*, pp. 83–123, 127–203.

² *Guigo II*. Colledge E. & Walsh J. (translators). *The Ladder of Monks (A Letter on the Contemplative Life) and Twelve Meditations*. London, Mowbray, 1978.

Medieval Latin literature on spiritual practice is hardly known in Russia. It becomes especially evident, when one speaks of the Carthusian tradition: the present translation is in fact *the first one* from the long series of writings of the members of the St. Bruno's Order.

The composition of the article

- (1) General information on the Carthusian Order.
- (2) Some biographical information concerning Guigo II and his addressee.
- (3) The unity of Guigo's writings.
- (4) "*Lectio divina*" in the Christian tradition: an historical excursus.
- (5) Guigo's place in the Western mystical tradition.
- (6) *The XII Meditations*:
  - (6a) The element of allegorese;
  - (6b) Analysis of Guigo's biblical/liturgical allegorese;
  - (6c) Guigo the Poet.
- (7) *The Recluses' Ladder*.
  - (7a) The ladder of spiritual/intellectual ascension: a typological excursus;
  - (7b) The Christian ladder of spiritual ascension;
  - (7c) The structure of Guigo's ladder;
  - (7d) A brief digression: the triade and the tetrade in St. Ignatius of Loyola's writings;
- (8) Conclusion: Guigo II and the fate of the Christian allegorese.

New hypotheses suggested by the translator

The translator's observations lead him to suggest some *new* hypotheses on Guigo's addressee and the scope of Guigo's own scholarly knowledge.

(1) *The identification of Guigo's addressee.*

Of Guigo's life we know very few; but nothing, really nothing, is known about his "brother" in *Domino*, Gervasius, who "The Recluses' Ladder" is addressed to.

It is Dom André Wilmart (OSB) who has been the first to identify this Gervasius as the Prior of the Carthusian *Mons Dei* (Montdieu) monastery, whose priorate finished in 1165. The editors of Guigo's texts, E. Colledge (OSA) and J. Walsh (SJ), doubt this identification; however, they themselves proposed no alternative hypothesis.

The Russian translator has paid his attention to a simple but significant fact which, as it seems, escaped his famous predecessors. "The Recluses' Ladder" is defined as "A Letter of Master (Latin "*Dominus*")

Guigo to his beloved Brother (Latin “*Frater*”) Gervasius”. It seems that these words, “*Dominus*” and “*Frater*”, serve as *termini technici* designating “Priest” (“*Dom*” in the Carthusian Order) and “Brother” (non-ordained monk). This hypothesis could shed a new light on the whole structure of the 1-st Chapter of “The Ladder”. Beyond any doubt, Guigo was a priest; then his addressee could be a simple Brother. Therefore their correspondence might reflect a wholly understandable situation: a brother, who has dedicated himself to spiritual practice, writes to a priest to receive some advice. The priest’s response is full of humility; he calls himself “brother” in order to stress their equality on the spiritual level; moreover, he insists on his “brother”’s priority, at least from the practical point of view.

Could it be the case that both of them lived in the same monastery, that is, in the Grande Chartreuse? Was (and is) there such a custom: to be in correspondence inside one and the same monastery? Such are the questions raised by the translator’s hypothesis.

(2) *The scope of Guigo’s scholarly knowledge.*

The editors of Guigo’s texts affirm that the material of his “*lectio divina*” is restricted to the Scriptures only. But it is not the point: twice at least he seems to quote pagan Latin authors, Ovid and Lucretius, as well. In chapter V of the “Twelve Meditations” Guigo mentions *machina mundi*, “the structure of the world”; this expression was borrowed from Lucretius’ poem “On the nature of things” (*De rerum natura*, V. 96). Somewhat below, in the same chapter of the same treatise, Guigo gives a description of the primeval chaos; this description resembles closely Ovid’s “*Metamorphoses*”, I. 5–9.

* * *

The present edition could be of interest not only for medievalists and practicing Christians, but for all Russian readers who are interested in history of allegoric thinking and human mentality in general. It is also intended as a modest contribution to contemporary efforts of those people who prefer to view the spiritual heritage of both Eastern and Western Churches as an indivisible whole wherein “one curtain draws another one”, as Guigo himself puts it (“The Recluses’ Ladder”, ch. XV).

Гвигио II Картузианец
Сочинения

Верстка: С. Хос

Издание Института философии, теологии и истории
св. Фомы.

Адрес издательства:

105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46, стр. 4

тел.: (499) 261–01–46

e-mail: thomas-secr@yandex.ru

Тираж 500 экз.